

АРХИТЕКТУРА
С . С . С . Р

6

1

9

3

7

Грибоедовъ
Собрание
издѣлій
Макарова

П 32
5а

АРХИТЕКТУРА

С С С С Р

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

ГОД ИЗДАНИЯ ПЯТЫЙ

МОСКВА

ИЮНЬ 1937 г. № 6

СОВЕТСКИЙ АРХИТЕКТОР И ЕГО СОЮЗ

Первый Всесоюзный съезд советских архитекторов, среди других важнейших своих задач, призван завершить ту большую подготовительную работу, которая велась в течение последних лет по организации единого творческого об'единения советских архитектурных кадров — Союза советских архитекторов.

Историческое решение ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года положило прочное основание делу сплочения советских архитектурных сил в единую общественную организацию. Прошедшие пять лет целиком подтвердили глубокую правильность решения партии. Как в области архитектуры, так и в других отраслях нашей художественной культуры, единые союзы творческих работников являются крупнейшим фактором общественной жизни. Никогда в прошлом и ни в одной стране капиталистического мира в настоящее время, немыслимо подобное об'единение творческих работников на единой идейной и организационной основе. Председатель крупнейшего об'единения французских архитекторов — «Общества дипломированных архитекторов Франции» — г. Эмиль Мегро, выступая после докладов представителей советской архитектуры в Париже в 1935 году, сказал: «Вы сообщили нам, дорогие коллеги, что в СССР существует единая организация архитекторов. Позвольте мне заявить вам, что для нас это — недосыгаемая мечта».

Архитектурные об'единения в капиталистических странах представляют собой большей частью или небольшие чисто групповые организации, или же ассоциации, ограничивающие свою деятельность узко цеховыми задачами и потому постоянно враждующие друг с другом, или же, наконец, бюрократические, казенные «синдикаты», призванные не развивать архитектурную мысль и творчество, а сковывать их. Именно такой тип «об'единения» архитектурных сил мы наблюдаем в странах фашизма, где так называемые национальные союзы или синдикаты архитекторов представляют собой один из инструментов фашистского мракобесия и удушения культуры и творчества.

Победы социалистического строительства в нашей стране раскрыли перед советским архитектором безграничное поле творческой деятельности. Сама природа этой деятельности коренным образом изменилась. Архитектор является у нас активным участником строительства социализма, его работа непосред-

SC
CC

ственno связана с плановым построением социалистического хозяйства, с реконструкцией городов, с гигантским строительством социалистической промышленности. Работа архитектора имеет в нашей стране характер государственной деятельности, все устремление которой направлено в сторону интересов народа, его культурных и материальных запросов и нужд. Именно эта направленность советской архитектурной деятельности об'единяет наши архитектурные кадры, независимо от тех или иных творческих симпатий и направлений, на единой идейной и организационно-практической основе. Единый союз советских архитекторов является прямым выражением этой глубокой идейной и организационной общности интересов и задач советских архитектурных сил.

Но для того, чтобы наш Союз и об'единяемая им масса работников архитектурного фронта были на высоте тех исторических задач, которые стоят перед советской архитектурой, и могли бы с полным правом нести ответственность за разрешение этих задач,— надо еще очень и очень многое переделать и перестроить как в работе отдельного архитектора, так и в жизни всей архитектурной общественности. Пережитки капитализма в сознании людей еще нередко сказываются и в работе архитектора и в его общественном поведении. Отношение архитектора к своему труду еще весьма нередко характеризуется безответственностью, формальным пониманием поставленной перед ним задачи, в отдельных случаях — прямой недобросовестностью, халтурой. Архитектор часто не видит и не желает видеть дальше полученного им «заказа»: выполнив заказ, сдав проект, он сплошь и рядом совершенно не интересуется дальнейшей реализацией этого проекта, с полным равнодушием относится к строительному осуществлению проекта, не борется за максимальное удешевление и усовершенствование стройки.

В архитектурной среде еще сильны обывательские индивидуалистические настроения, игнорирование общественной критики, эгоистическая самовлюбленность и преувеличенная оценка собственного «таланта» и собственных « достижений». Безответственное, подчас равнодушное отношение тех или иных архитекторов к своей работе позволяет вредителям, врагам народа, без особого труда использовать в своих гнусных целях те недочеты и пробелы, которые имеются в проектировании и планировке. Творческий рост архитектора тормозится, а иногда и надолго останавливается из-за ремесленнического понимания своей работы, из-за отсутствия связи с общественностью, из-за беспринципного подхода к творческим вопросам архитектурной деятельности.

Каждый советский архитектор должен глубоко проникнуться чувством своей величайшей ответственности за то важное, бесконечно содержательное дело, к которому он призван в нашей стране. Он должен проникнуться чувством глубочайшего достоинства, — достоинства работника социалистической культуры, творящего не для отдельных «заказчиков», не для предпринимателей и домовладельцев, — а для народа, для его счастья, для его мощи. Это сознание общественного достоинства, общественной значимости и идейной целеустремленности своей собственной работы должно сопутствовать советскому архитектору во всех проявлениях его деятельности, его общественной жизни.

В нашей стране созданы для архитектора и архитектурного творчества исключительно благоприятные условия, о которых не могли и мечтать архитекторы в прошлом, о которых не могут мечтать сегодня и архитекторы зарубежных стран. Советский архитектор имеет возможность полностью реализовать свои творческие способности, развить в себе все лучшее, что он может дать в своей области. Но для этого необходимо, чтобы сам архитектор критически проверил себя, свою работу, свои методы и навыки, свое отношение к порученному заданию. И здесь каждому архитектору должен помочь его Союз, творческая

организация, призванная об'единять архитектурные силы, содействовать их росту и их активности на социалистической стройке.

Союз советских архитекторов в дос'ездовский период его жизни слишком слабо боролся против отрицательных, нездоровых явлений в архитектурной среде, слишком нерешительно вскрывал дефекты архитектурной практики и извращения в архитектурной теории, слишком мало влиял на политическое воспитание своих членов. Союз обязан быть застрельщиком критики и самокритики на архитектурном фронте, он должен идеино и организационно возглавить борьбу за достоинство советского архитектора, за высокую принципиальность и идейную направленность всей архитектурной работы. Прямая задача Союза — помогать нашим проектным и строительным органам, помогать конкретно, добиваться высокого качества проектирования и строительства, а не ограничиваться лишь констатацией фактов и критикой «со стороны».

Всесоюзный с'езд будет означать глубочайшей важности поворот в нашей архитектурной жизни. С'езд должен будет, подвергнув всестороннему обсуждению творческие и организационные вопросы советской архитектуры, поднять на новую высоту творческое соревнование в рядах архитекторов. Задача Союза архитекторов — обеспечить широкое развертывание этого соревнования, бережно и внимательно относиться к молодым кадрам, всеми силами помогать росту национальных архитектурных кадров в союзных республиках, — повседневно бороться за идейную чистоту, за творческий рост советской архитектуры.

Первый Всесоюзный с'езд советских архитекторов собирается под знаком великих идей и дел, закрепленных в Сталинской Конституции, под знаком исторических решений пленума ЦК Коммунистической партии.

Вся советская общественность, вся наша страна ждет, что первый с'езд архитекторов СССР будет высоко держать знамя социалистической культуры, что он поднимет на новую высоту значение архитектурного творчества, которому наша эпоха обеспечивает все возможности для прекрасного небывалого расцвета.

„... за последние годы вместе с ростом страны выросли архитекторы, наряду со старыми опытными архитекторами поднялись новые кадры, кадры молодых талантливых архитекторов. Но крупнейшим недостатком в работе архитекторов является то, что они, обращая большое внимание на внешнее оформление, хотя и здесь еще очень много недостатков, совершенно недостаточно обращают внимание на внутреннюю сторону строительства, на организацию дома внутри, на оформление квартир, на качество строительства. Нельзя терпеть такого положения, когда дом внешне, с фасада оформлен хорошо, а внутри чорт знает что делается, жить в нем неудобно, размещение комнат, лестниц, коридоров сделано неправильно и т. п.“

Л. КАГАНОВИЧ

Из речи на совещании по вопросам строительства в ЦК ВКП(б) 10—14 декабря 1935 г.

„Изменился облик наших крупных городов и промышленных центров. Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие груду темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютится неимущий люд, копошась в грязи и проклиная судьбу.

Революция в СССР привела к тому, что эти трущобы исчезли у нас. Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, причем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города. Еще больше изменился облик деревни. Старая деревня с ее церковью на самом видном месте, с ее лучшими домами урядника, попа, кулака на первом плане, с ее полуразваленными избами крестьян на заднем плане—начинает исчезать.

На ее место выступает новая деревня с ее общественно-хозяйственными постройками, с ее клубами, радио, кино, школами, библиотеками и яслями, с ее тракторами, комбайнами, молотилками, автомобилями“.

И. СТАЛИН

Из отчетного доклада XVII Съезду партии о работе ЦК ВКП(б)

ИЗ НАШЕЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ПРАКТИКИ

Дом Совнаркома СССР в Охотном ряду в Москве
Арх. А. Я. Лангман

Maison du Conseil des Commissaires du peuple
Okhotny riad à Moscou
Arch. A. J. Langmann

„Смелые и величественные задачи, поставленные генеральным планом реконструкции столицы Советского Союза, являются новым торжеством генеральной линии партии и доказательством неистощимой жизненной силы нашей страны, могущества ее индустрии и социалистического земледелия, являются выражением невиданных в истории и возможных только в пролетарском государстве величайших забот об улучшении жизни народа“.

*Из постановления об'единенного пленума МГК ВКП(б)
и Моссовета от 10 – 11 июля 1935 г.*

Гостиница „Москва“ в Охотном ряду

Акад. арх. А. В. Шусев, арх. Л. И. Савельев, О. А. Стапран

Hôtel „Moskva“, Okhotny riad à Moscou

A. V. Schoussev, membre de l'Académie, arch. L. I. Savéliev, O. A. Stapran

Здание Наркомзема на Садово-Спасской ул.
в Москве
Акад. арх. А. В. Щусев

Immeuble du Commissariat du peuple à l'agriculture
à Moscou
A. V. Schoussev, membre de l'Académie

Жилой дом
сотрудников
правительственных
учреждений
в Москве
Арх. Б. М. Иофан

Maison d'habitation
à Moscou
Arch. B. M. Iofan

Здание универмага
и жилой корпус на
ул. Дзержинского
в Москве

Акад. арх. И.А.Фомин,
арх. А. Я. Лангман

Magasin et maison
d'habitation,
rue Dzerjinski
à Moscou
I. A. Fomine, membre
de l'Académie,
arch. A. J. Langmann

Жилой дом
на ул. Крапоткина в Москве
Арх. З. М. Розенфельд

Maison d'habitation,
rue Krapotkine à Moscou
Arch. Z. M. Rosenfeld

Жилой дом на Покровском бульваре в Москве
Арх. И. А. Голосов

Жилой дом сотрудников Гос. акад. Большого театра
в Брюсовском пер. в Москве. Арх. Л. М. Поляков.
Оформление фасада акад. арх. А. В. Шусев

Maison d'habitation pour les artistes du Grand-Théâtre
Académique à Moscou. Arch. L. M. Poliakov. Composition
de la façade par A. V. Schoussev

Maison d'habitation à Moscou
Arch. I. A. Golossov

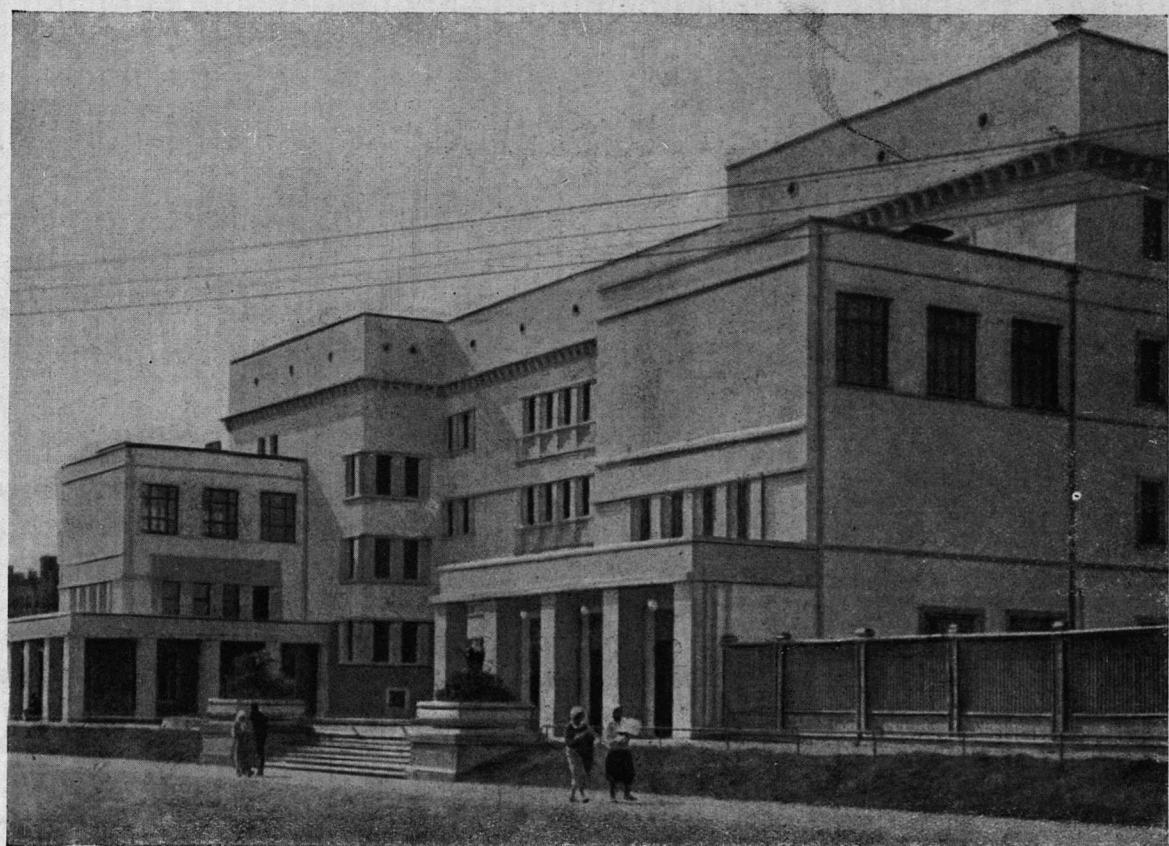

Санаторий „Барвиха“
Арх. Б. М. Иофан

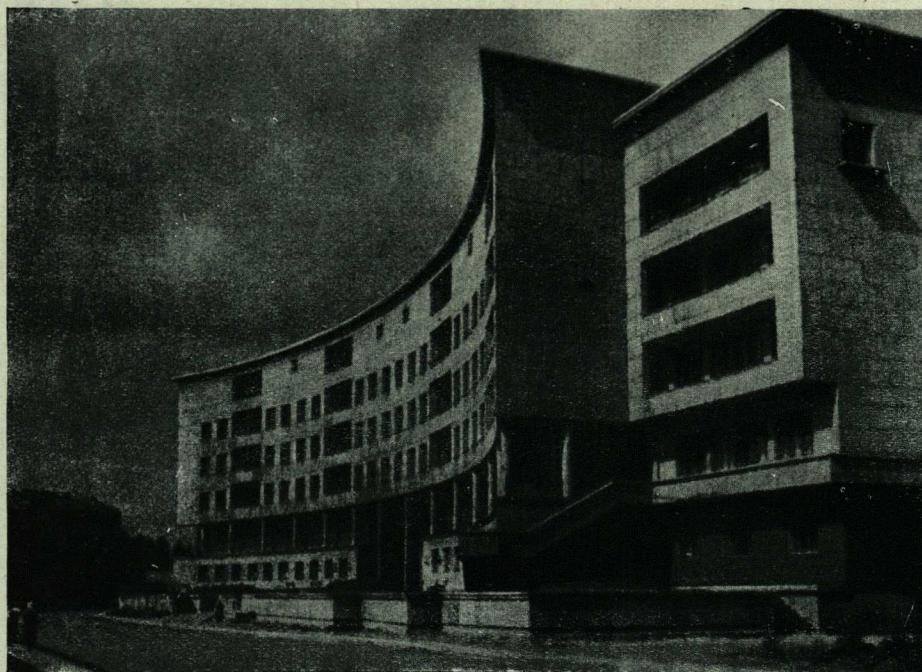

Sanatorium
Barvika“
Arch. B. M. Iofan

Здание школы
в Дангаузовском
поселке в Москве
Арх. Д. Ф. Фридман

Ecole dans la cité
Dangaouérovski
à Moscou
Arch. D. F. Friedmann

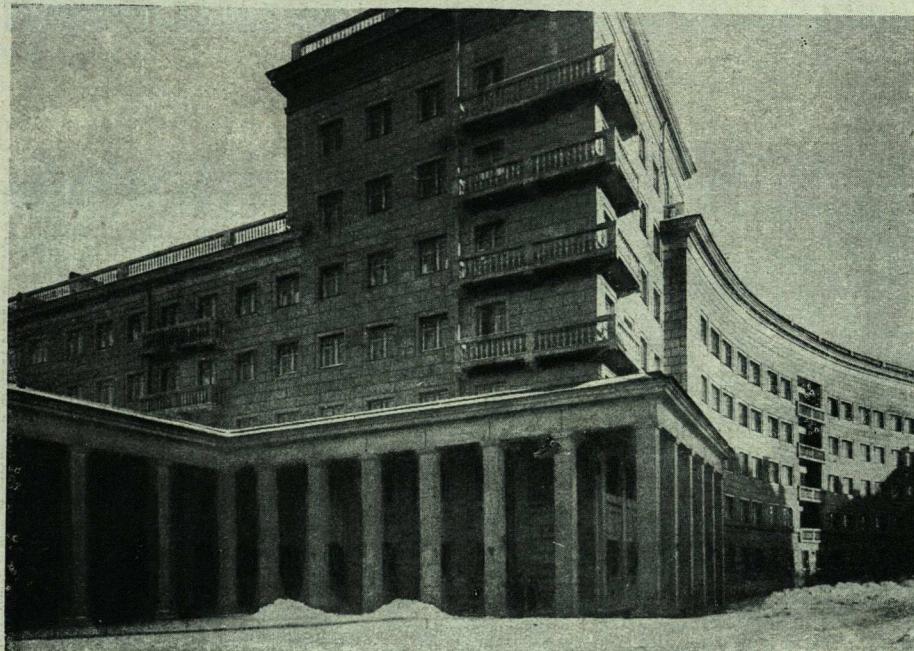

Жилой дом на набережной реки Карповки
в Ленинграде

Арх. Е. А. Левинсон, И. И. Фомин

Maison d'habitation, quai de la rivière
Karpovka à Léningrad

Arch. E. A. Lévinson, I. I. Fomine

Жилой дом на Большой Посадской ул.
в Ленинграде

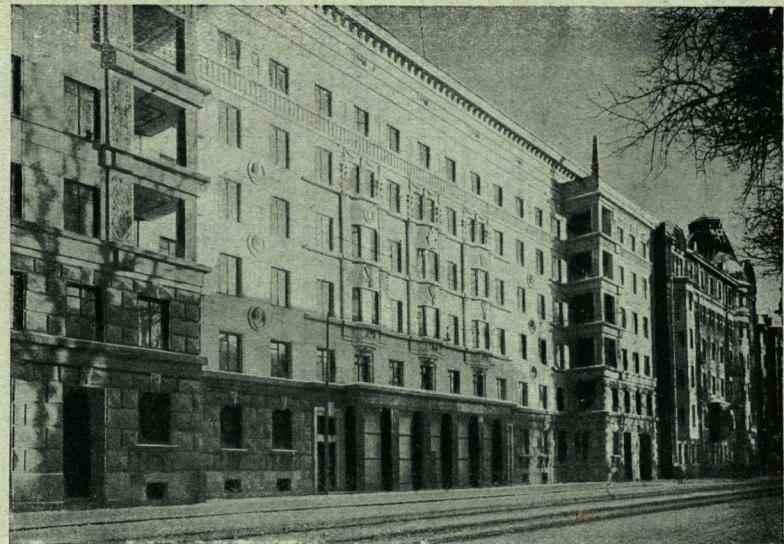
Maison d'habitation, rue Grande Possadskia,
à Leningrad

«Проектирование не кончает, а только начинает участие архитектора в строительстве. Архитектор заинтересован в том, чтобы дом строился именно так, как проектировался, и наблюдение архитектора может и должно обеспечить высокое качество стройки с точки зрения как внутреннего, так и внешнего ее оформления».

Л. КАГАНОВИЧ

Из речи на совещании по вопросам строительства в ЦК ВКП(б) 10—14 декабря 1935 г.

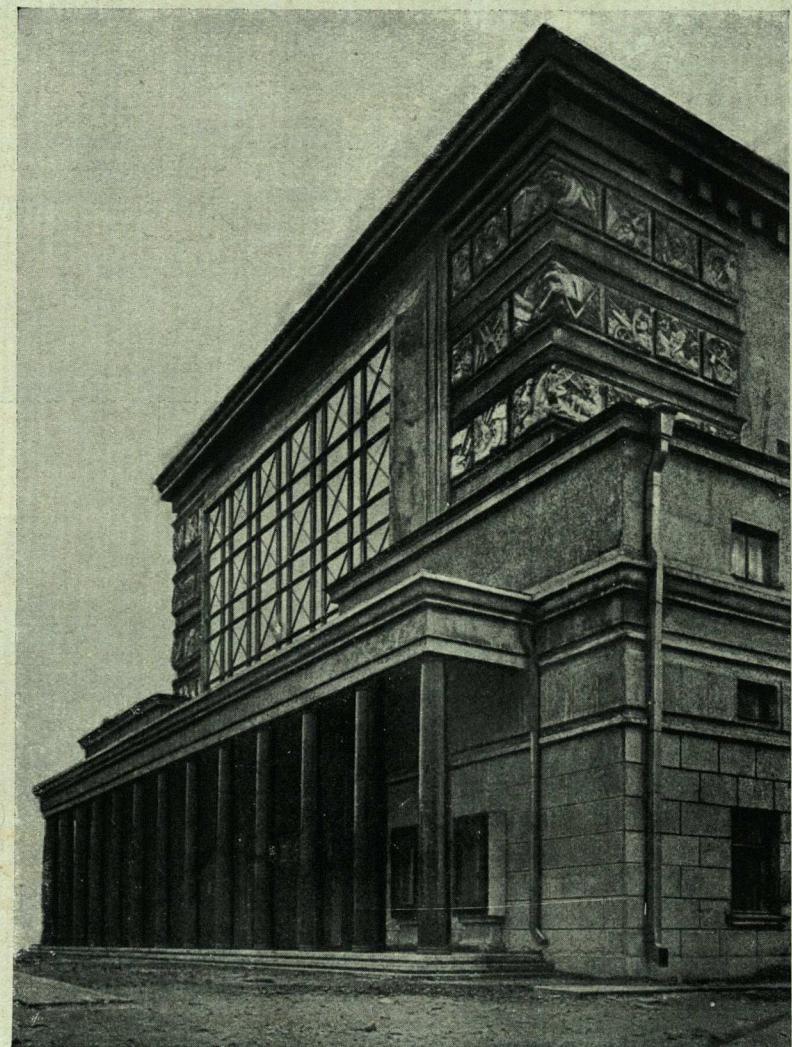
Жилой дом ВИЭМ на проспекте Кирова
в Ленинграде
Арх. Н. Е. Лансер

Maison d'habitation de l'Institut de médecine expérimentale
Arch. N. E. Lanceray

Дворец кино Выборгского района в Ленинграде
Арх. А. И. Гегелло, Д. Л. Кричевский

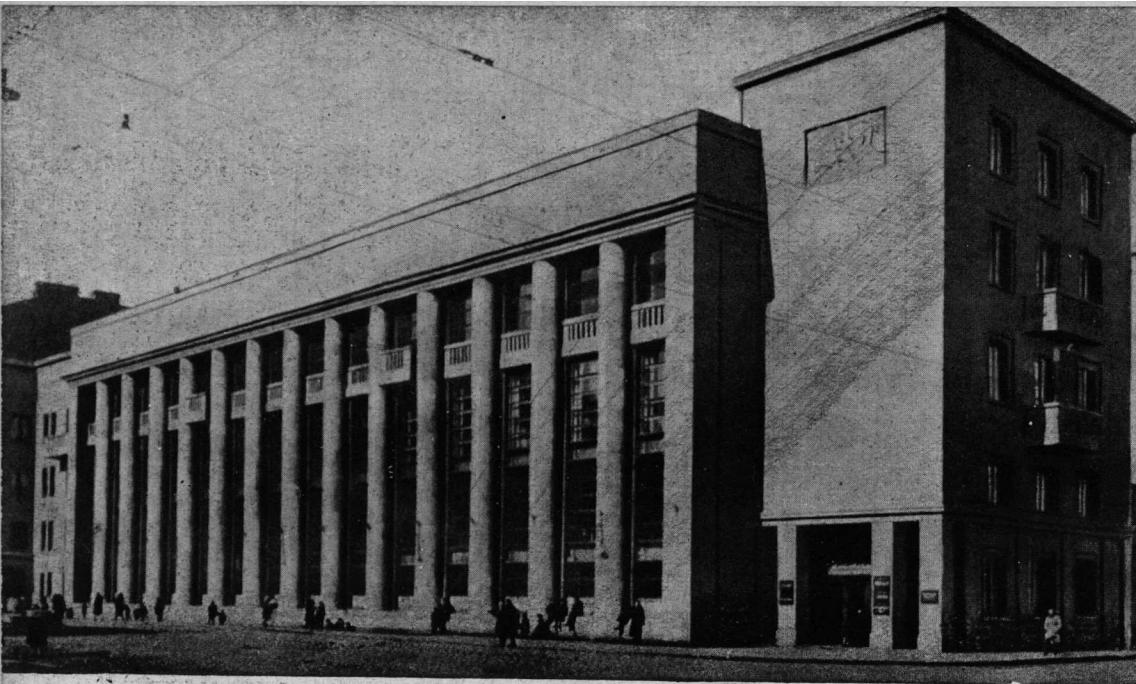
Palais du cinéma quartier de Viborg à Léningrad
Arch. A. I. Guéguello, D. L. Kritchevski

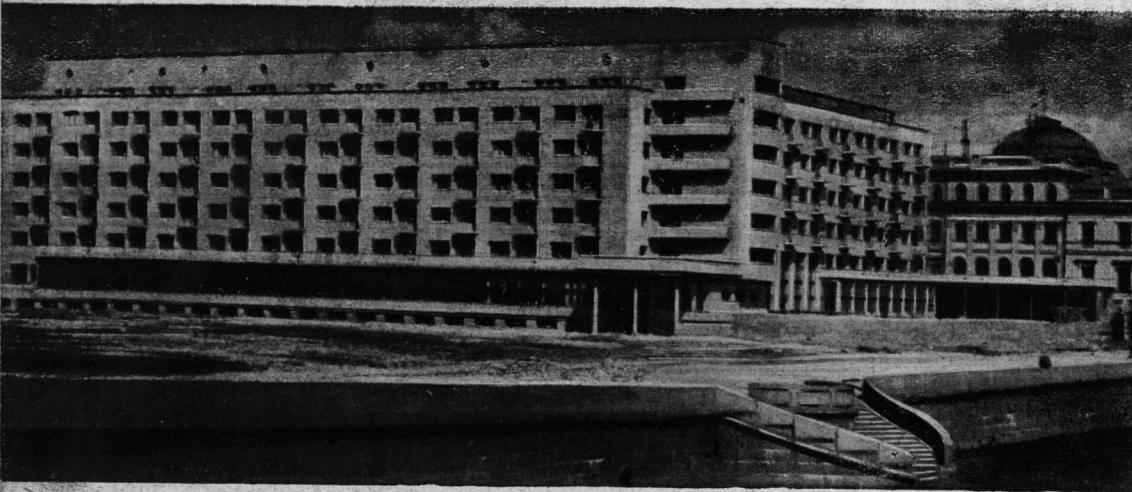
„Коротко говоря, дело идет о том, чтобы перейти от кустарничества и партизанщины в строительном деле на путь крупной строительной индустрии“.

В. МОЛОТОВ

Из речи на совещании по вопросам строительства в ЦК ВКП(б) 10—14 декабря 1935 г.

Здание ленинградского
отделения „Правды“
Арх. Д. П. Бурышкин

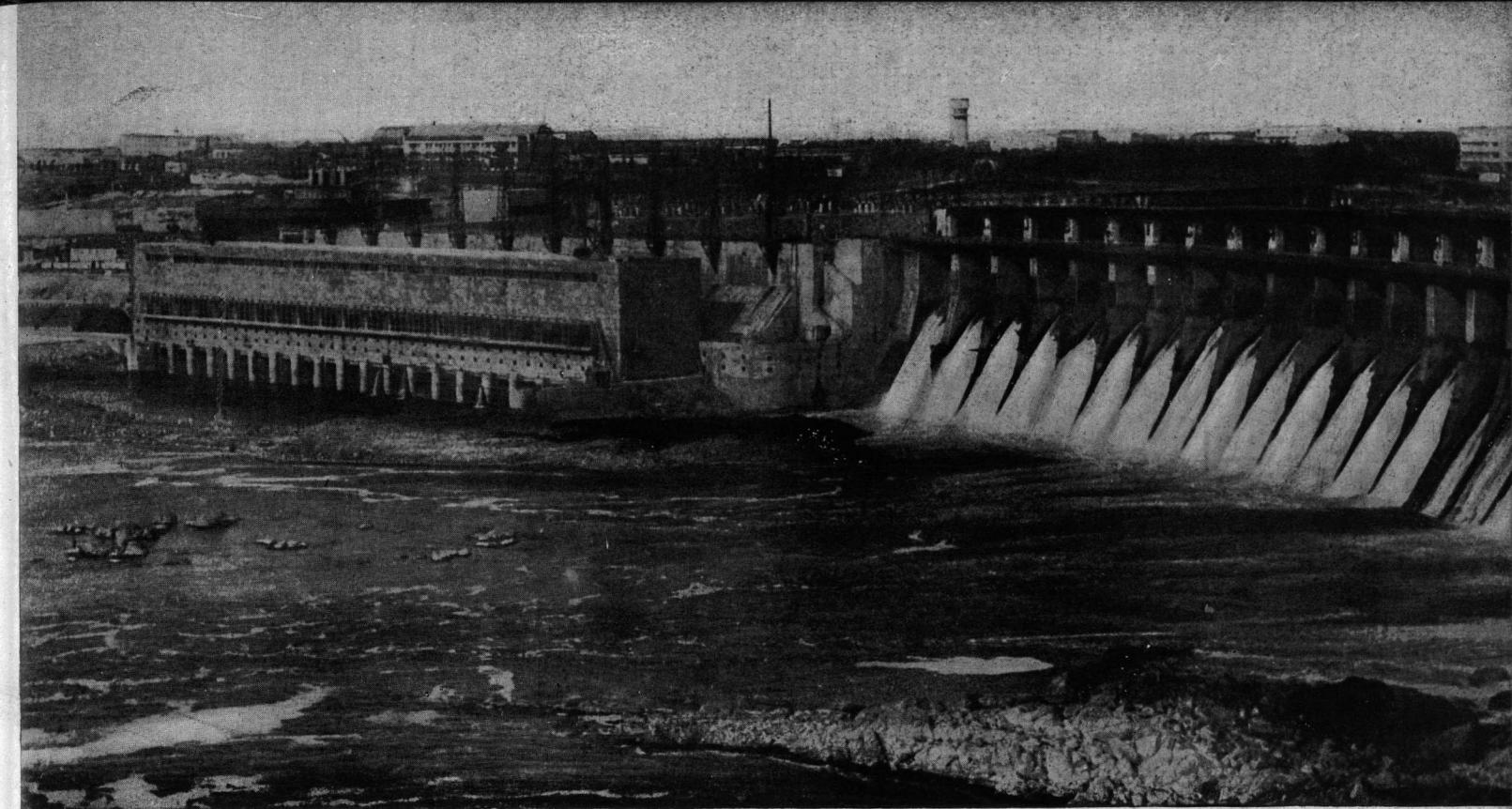

Жилой дом на площади
Революции в Ленинграде
Арх. Г. А. Симонов,
П. В. Абросимов,
А. Ф. Хряков

Дом культуры ЛОСПК
на проспекте Кирова
в Ленинграде
Арх. Е. А. Левинсон,
В. О. Мунц

Maison de la culture
avenue Kirov à Léningrad
Arch. E. A. Lévinson,
V. O. Mountz

Днепровская гидроэлектростанция и плотина
Арх. В. А. Веснин, Н. Я. Колли, Г. М. Орлов

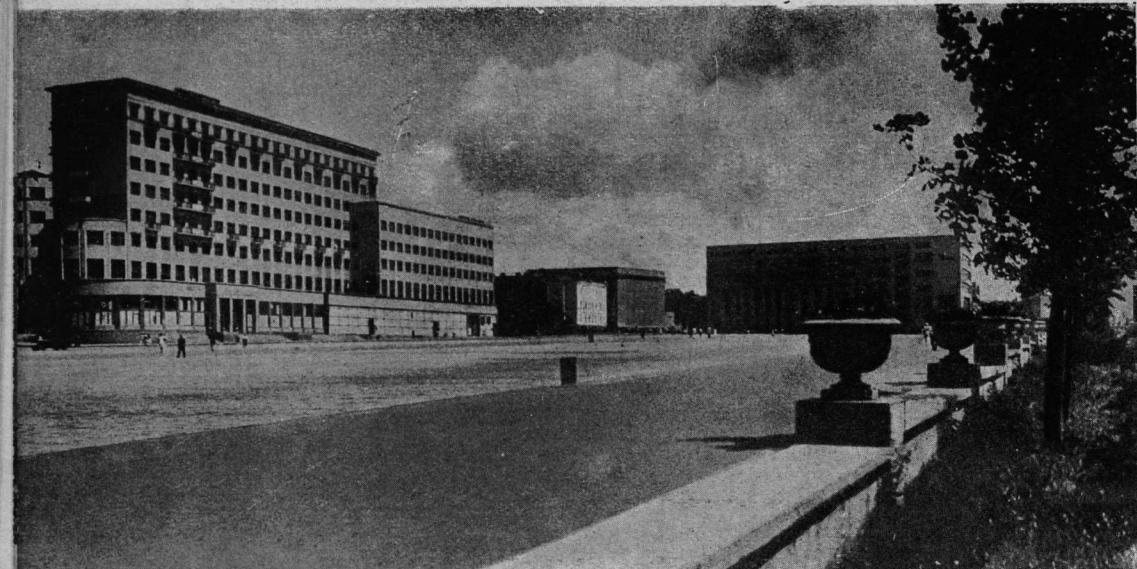
Hydro-électrocentrale Dniéprovskaia et barrage
Arch. V. Vesnine, N. Colley, G. Orlov

Дом Госпромышленности на площади Дзержинского в Харькове
Арх. С. С. Серафимов, Зандберг

Maison de l'Industrie de l'Etat, place Dzerjinski à Kharkov
Arch. S. S. Séraphimov, Zandberg

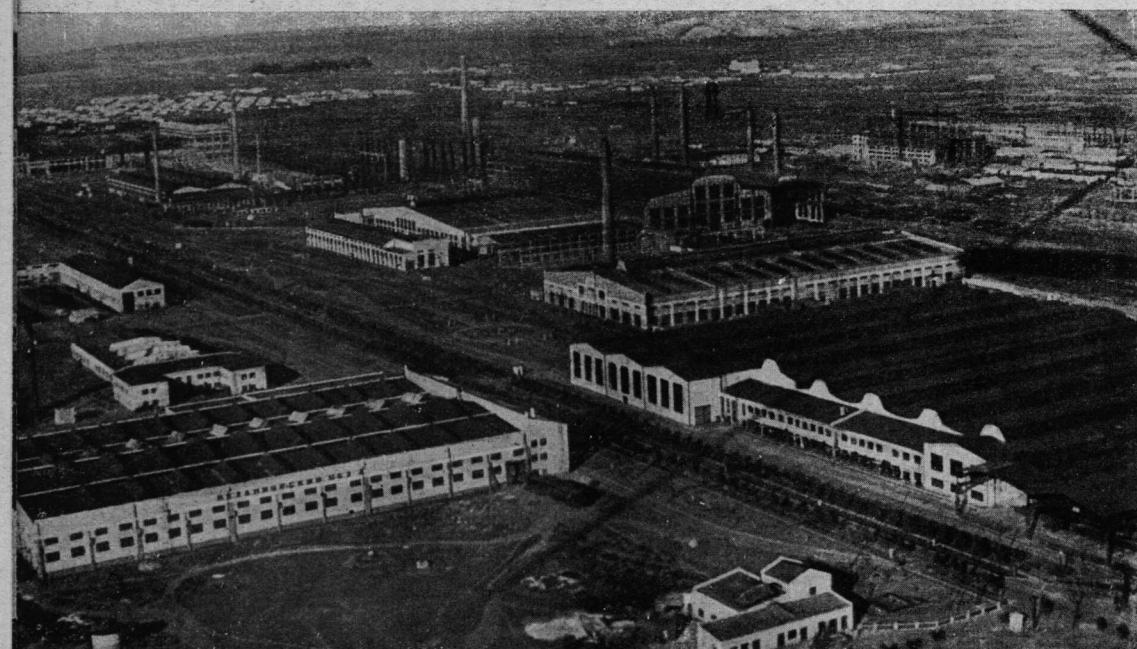

Новая гостиница в Харькове
Арх. Г. А. Яновицкий

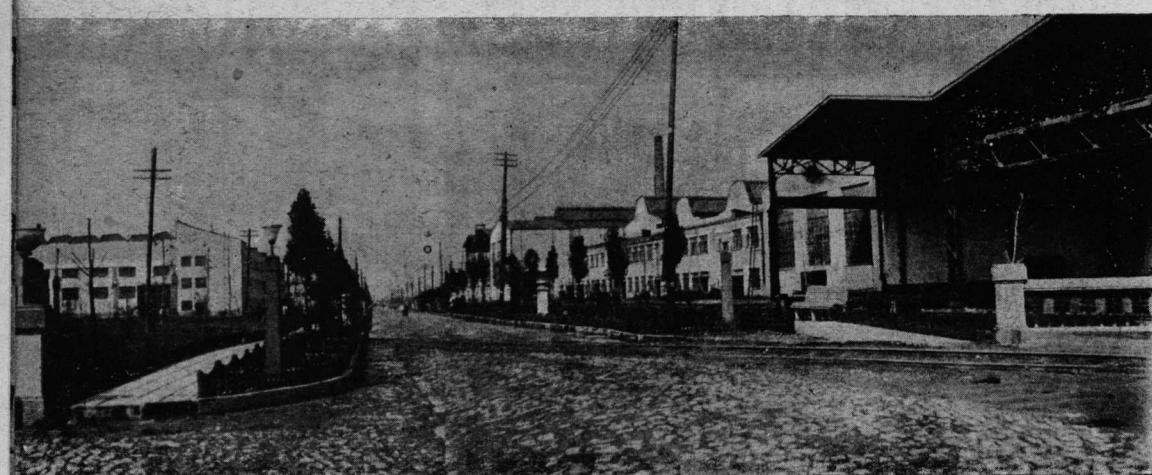
Kharkov. Nouvel hôtel
Arch. G. A. Ianovitski

Краматорск
Завод им. Сталина

Kramatorsk
Usine Staline

Краматорск
Вид главной улицы
Краммаштров

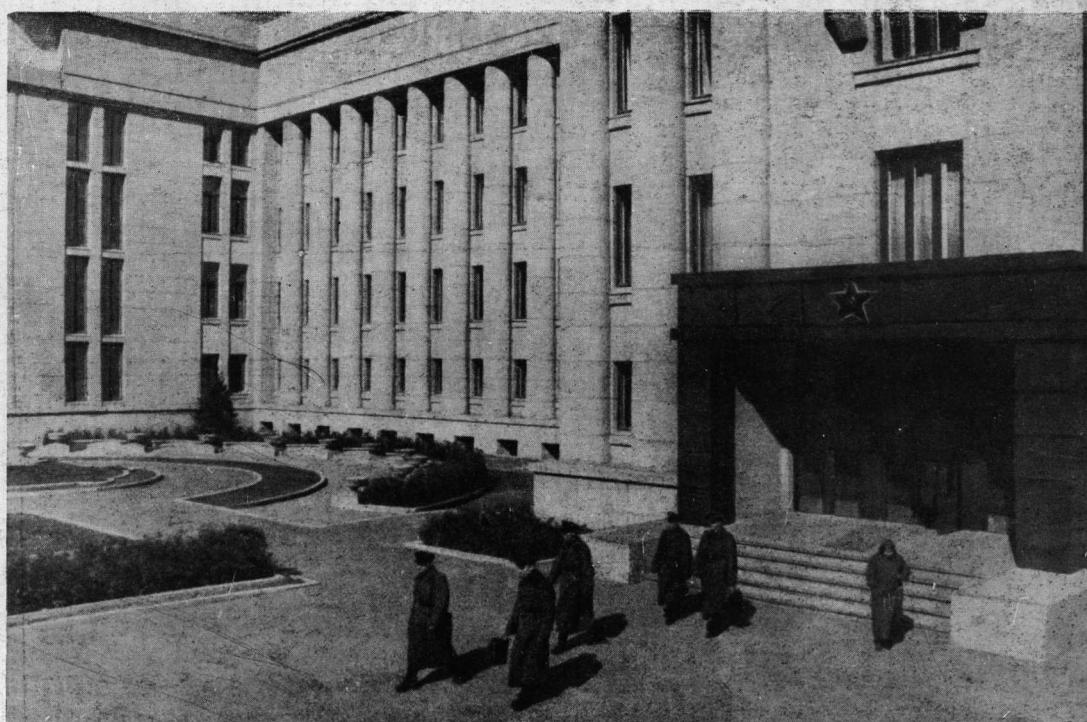
Kramatorsk
Vue de la rue principale

Дом правительства в Минске
Арх. И. Г. Лангбард

Maison du "gouvernement à Minsk
Arch. I. G. Langbard

Дом Красной армии в Минске
Арх. И. Г. Лангбард

Maison de l'Armée rouge à Minsk
Arch. I. G. Langbard

Тбилиси
Здание ван
Арх. Калашников

Tbilissi. Etablissement de bains
Arch. Kalachnikov

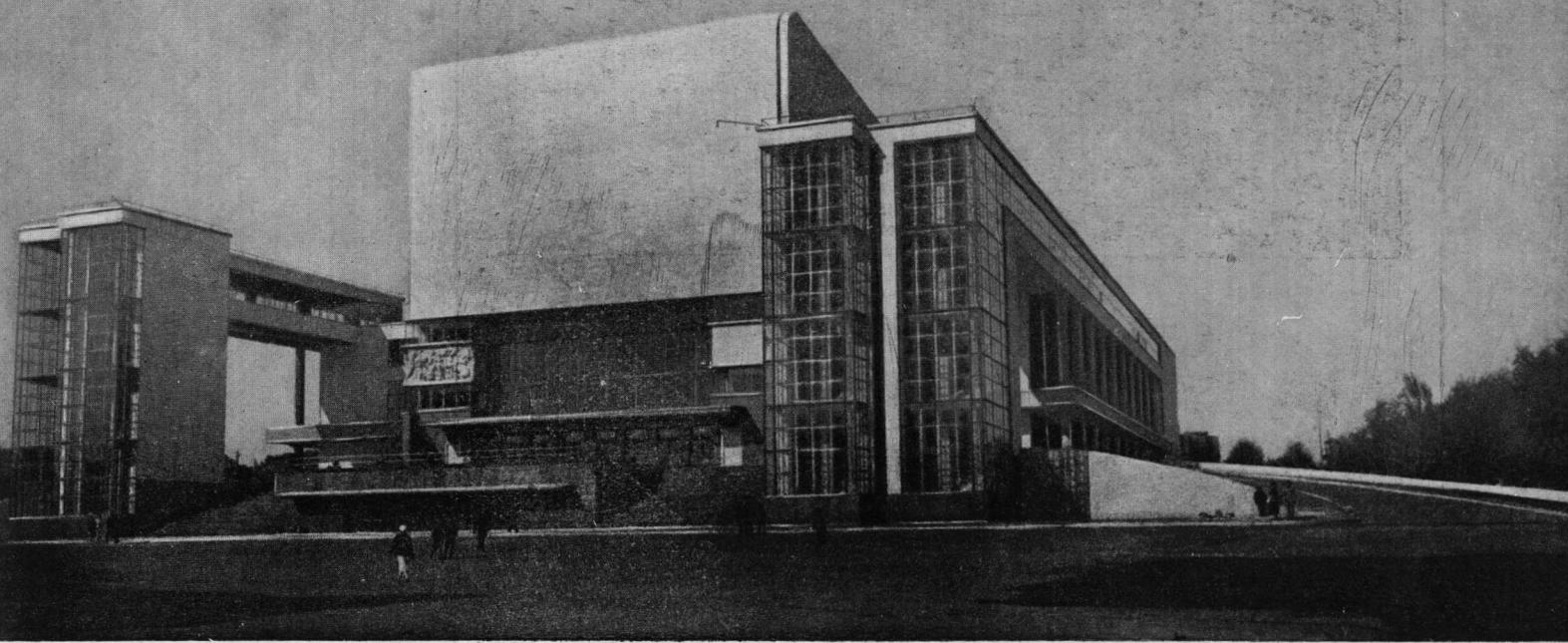
Баку
Поселок Арменикенд

Bakou. Cité Arménikend

Здание Наркомзема ССР Армении в Ереване
Акад. арх. А. И. Таманян

Immeuble du Commissariat du peuple
à l'agriculture de la R.S.S. d'Arménie à Erevan
A. I. Tamanian, membre de l'Académie

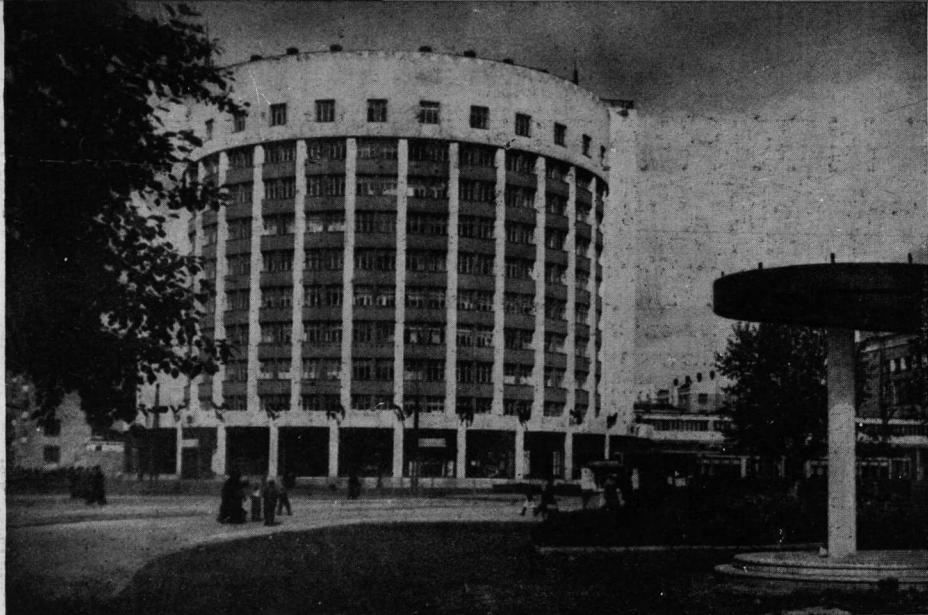
Государственный театр им. Горького в Ростове н/Д
Акад. арх. В. А. Щуко, арх. В. Г. Гельфрейх

Théâtre d'Etat Gorki à Rostov/Don
V.I.A. Schouko, membre de l'Académie, arch. V.G. Helfreich

Новая гостиница „Ростов“
в Ростове н/Д

Nouvel hôtel „Rostov“
à Rostov/Don

Здание Народного комиссариата внутренних дел в Свердловске

Immeuble du Commissariat du peuple aux affaires intérieures à Sverdlovsk

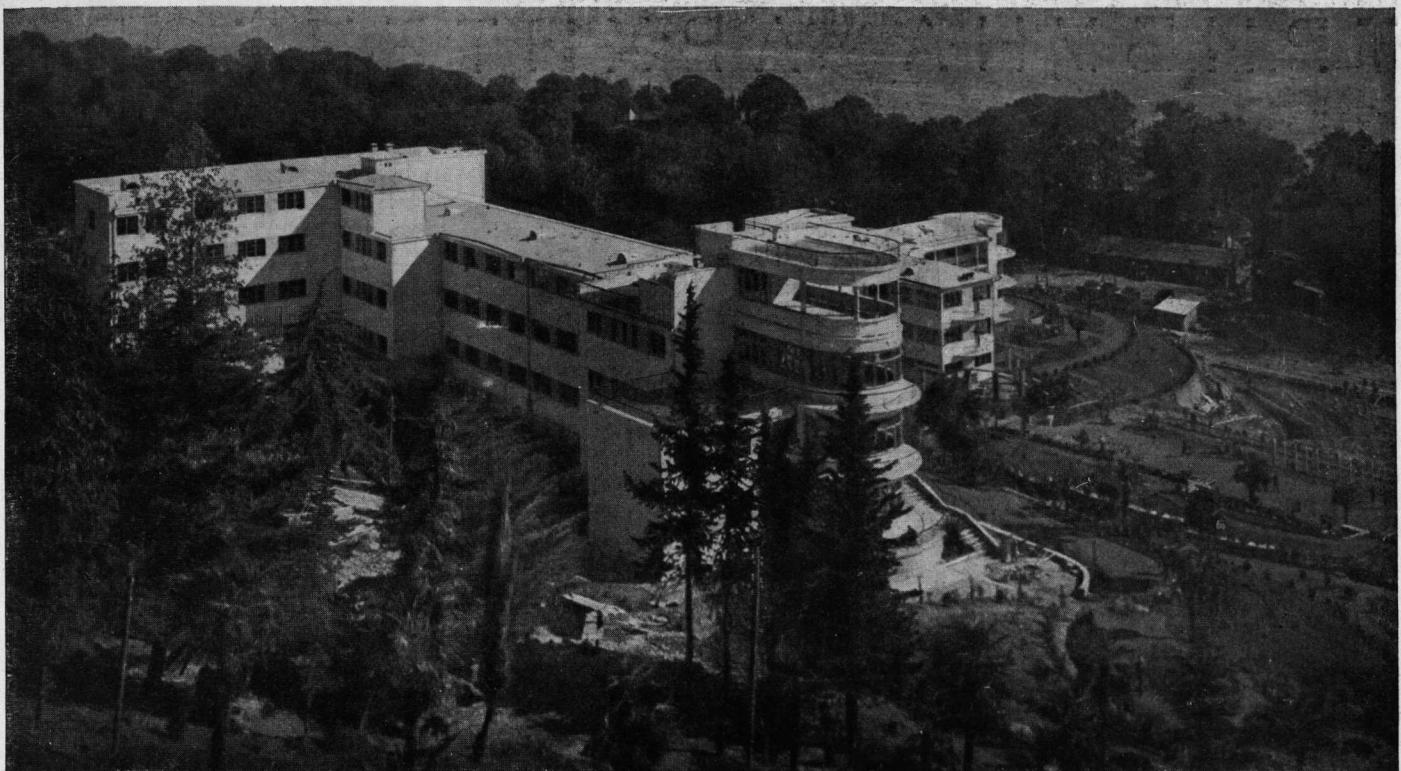
Здание крайисполкома и жилой дом в Новосибирске

Immeuble du Comité Exécutif de la région et maison d'habitation à Novossibirsk

Дворец культуры в Сталинске

Palais de la culture à Stalinsk

Центральный санаторий РККА им. Ворошилова в Сочи
Арх. М. И. Мержанов

Дом отдыха Совнаркома Грузинской ССР
в Гаграх
Арх. Сатунц

Sanatorium central de l'Armée rouge à Sotchi
Arch. M. I. Merjanov

Maison de repos du Conseil des Commissaires du peuple
de la R.S.S. de Géorgie à Gagry
Arch. Satountz

ТРИБУНА АРХИТЕКТОРА

ЧТО МЫ СОЗДАЛИ, ЧЕГО НАМ НЕХВАТАЕТ

А. ЩУСЕВ

За истекшие годы мы построили много, очень много. Подводя итоги нашей работы, надо знать, по правильному пути ли мы шли или нет, современен ли этот путь, каковы принципы и основы современной советской архитектуры.

Задачи, которые за эти 10 лет предлагались архитектурному творчеству, были настолько новы и интересны, требовали такого широкого размаха, что действительно мы имели возможность создавать новую архитектуру.

Оправдали ли мы надежды, которые возлагала советская общественность на советскую архитектуру — покажет ближайшее будущее.

Надо вспомнить, что в создании типов новых зданий, новых социалистических городов и массового жилья у нас сделано немало. Строительство метро — достижение, которое признано во всем мире, показывает, что успехи были не так малы, как думают иные недоброжелатели. Нам не удалось еще осуществить многого из того, что задумано. Несмотря на благоприятные возможности, наши архитекторы часто были способны решать поставленные перед ними задачи только на бумаге. И при решении этих задач в натуре обнаруживался разрыв между проектом и его осуществлением. Это обяснялось недостатками нашего архитектурного образования и практики.

Но даже те строительные задачи, которые нами решались, равно как и те произведения архитектуры, которые построены, — завоевали нашим проектировщикам видное место в европейской и мировой архитектуре. Мы знаем, что номера европейских журналов нередко посвящаются советской архитектуре. При встречах с западноевропейскими коллегами, мы убедились, что Западная Европа нас

знает. Общепризнано, что у нас произошел перелом в архитектурном творчестве и что мы с честью справляемся с поставленными государством задачами.

Когда началась проектировка станций метро, Л. М. Каганович предложил проектировщикам создать такую архитектурную отделку подземных станций, чтобы человек не чувствовал себя угнетенным на большой глубине. Архитекторы и инженеры поняли эту идею служения человеку, и в результате получились светлые, большие, красивые станции — залы с прекрасной вентиляцией и хорошим освещением. Наше метро — это прекрасная архитектурная фантазия, хорошо осуществленная, оформленная и, несмотря на трудные условия, неплохо выполненная. Постройка метро доказала, что архитекторы могут работать по-новому. Нарочитый конструктивизм не отвечал запросам новой жизни, зяпросам масс. Постройка метро показала, что для решения задач гражданской архитектуры нужно расширить наше архитектурное мировоззрение, нужно заострить вопрос о деталях, которые помогают создавать настоящую полноценную архитектуру.

Архитекторы часто не учитывают важности изучения великих принципов, которые были заложены в архитектуре Греции или Рима и итальянского Возрождения, — принципов, которые были утеряны во второй половине XIX века, когда мировая архитектура пошла по пути коммерческому, эклектическому. Если архитекторы не будут иметь прочных теоретических основ, нашей архитектуре грозит опасность скатиться к эклектике или нигилизму. Теперь наша молодежь с большим подъемом изучает старых мастеров, анализирует их идеи и формы, ищет новых путей. Архитекторы только теперь начинают получать полноценное образование. Заново пересмотрены программы и методы обучения в архитектурных вузах. Наконец создана Всесоюзная академия архитектуры, которая должна формировать уже полноценных мастеров советской архитектуры. Архитектор должен быть

не только хорошим проектировщиком, но и строителем-практиком. Необходимо, чтобы авторы принимали деятельное участие в осуществлении своих произведений и чтобы автор настолько понимал все детали постройки, чтобы он мог давать исчерпывающие указания на стройплощадке.

Из биографии мастеров итальянского Возрождения, описанных Вазари, мы знаем, каким был архитектор той эпохи. Он был архитектором и в то же время инженером и часто скульптором и живописцем. Архитектор строил часто и военные сооружения, строил и крепости, в большинстве случаев замечательные как по архитектуре, так и в фортификационном отношении. Болонец Фиораванти, построивший кремлевские стены в Москве, построил их в архитектурном и в военном отношении блестящие. В конце XVIII века, после французской революции, роли архитектора и инженера в Европе разделились. Инженер стал конструировать и строить, а архитектор часто только украшать. Последний период конструктивизма, после мировой войны, поставил инженера в строительстве на первое место, причем архитектор старался подогнать свой проект к функциональным требованиям сооружения и достичь высокого качества исполнения. Единство формы и содержания не было достигнуто в гражданских сооружениях. Этот период создал хороших проектировщиков промышленных сооружений. И в Архитектурном институте руководство промышленного факультета стоит на высоте современных требований, тогда как гражданская архитектура отстала и не имеет достаточного запаса ни форм, ни образов. Это случилось потому, что архитектор не получил в течение последних 10 лет полноценного образования, которое заключается в знании не только конструкции, но и форм, а также теории архитектуры. Со школой конструктивистов то же самое явление происходит и за границей. Архитекторы, пытаясь создать новые формы и образы и не будучи подкреплены теорией архитектуры, часто скатываются или к супрематиз-

му, или к эклектике. А пока необходимо признать, что строительство гражданских сооружений на Западе, особенно в Америке, стоит на чрезвычайно высоком техническом уровне.

Мы должны создавать архитектуру понятную народным массам. Мы должны дать выход талантливости народных масс наших республик. Ведь народы, входящие в Союз, имеют свои дарования, свои национальные традиции в искусстве. Например, я с большим интересом работаю в Тбилиси над одним из институтов. В этой работе я стараюсь выявить новые архитектурные образы для Грузии. Я стараюсь найти преемственность великой классической культуры в грузинском искусстве и на этой основе дать новые образы современной архитектуры. В наших союзных республиках для нового строительства и новой архитектуры имеется богатый материал, подобный тому музыкальному наследству, которым пользовались великие композиторы: Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков и др., создавая подлинные национальные по форме и по содержанию образцы искусства.

Профиль современного архитектора за рубежом не соответствует профилю нашего советского архитектора. Благодаря хорошо развитой строительной промышленности, зарубежному архитектору легче хорошо осуществлять в натуре свои проекты. Когда он начинает строить, к его услугам имеется огромный выбор уже готовых строительных деталей и материалов, ему остается только выбрать подрядчиков и сдавать заказы. И у нас, конечно, строительная промышленность вскоре получит должное развитие, строительные детали будут стандартизированы и пущены

в продажу по каталогам. Но даже тогда нельзя будет только удовольствоваться сборкой элементов для стройки. Неполноценен архитектор, который только проектирует, а строит за него контрагент. Архитектура не есть только ремесло, хотя и должна полностью включать труд ремесленника. Нам нужен стандарт строительных деталей в большом разнообразном выборе, не стесняющий фантазии архитектора.

Итак, задачи теории и практики советского архитектора очень ответственные, сложны и многогранны. Присущий лучшим образцам классического искусства художественный реализм является самым трудным, но и самым интересным моментом для архитектора. Это правильный и здоровый путь. Экономика требует, чтобы строительная промышленность, строительные стандарты были хорошо продуманы, выполнены и пущены в жизнь, тогда они удашевят строительство. Старый профессор Шретер в Институте гражданских инженеров утверждал, что он строит хорошо и вместе с тем дешево. Ведь строить хорошо и дорого не так уж трудно, искусство архитектора заключается именно в том, чтобы строить хорошо и дешево.

В основном эти задачи поставлены в архитектурных вузах, они уже проводятся и в планировочных мастерских Моссовета и наркоматов. Архитектор должен решать и большие и малые задачи с искусственной продуманностью и мастерством. Наша молодежь уже вступила на путь создания форм новой архитектуры, нам только недостает техники для выполнения в чертежах и в натуре наших мыслей и идеалов.

Сравнивая достижения наших молодых музыкантов на заграничных

конкурсах, мы поражаемся их техническому совершенству, что нужно отнести не только к их таланту, но и к той высокой и любовной школе, которая их воспитала. Такая школа должна быть у наших архитекторов, но пока ее еще нет. Архитектор, кроме мастерства, должен обладать творческим талантом композитора и создателя, тогда как пианист или скрипач может оставаться просто виртуозом-исполнителем.

Мы видим, что наша архитектура уже начинает нащупывать свои творческие пути. Несколько новых жилых домов в Москве, построенных молодыми архитекторами, доказывает это. Идея скульптурных групп на Советском павильоне в Париже также может быть признана определенным достижением. Наличие архитектурной газеты только в нашей стране также очень показательно.

Союзные республики выдвигают своих архитекторов, особенно там, где учителями являются хорошие мастера, как например, Таманян в Ереване. Постройка станций метро, театра Красной армии в Москве, Дворца советов — все это объекты, которые должны быть памятниками нашей эпохи. Изучая старое и новое творчество человечества, мы видим, как гений строителя каждой эпохи и страны рождает всегда новые мысли и новые достижения. Гений Брунеллески создал купол во Флоренции, в США создан небоскреб, — мы же создаем соцгорода. Мы очень богаты идеями, будем богаты и опытом, и мастерством в творчестве и строительстве. Я верю, что мы изживем бюрократизм, бесплановость в наших проектных органах и что мы, архитекторы, преодолеем узколичные интересы, потому что работа есть для всех, и работа увлекательная.

НАШ ПУТЬ

А. ВЛАСОВ

Советская архитектура является, прежде всего, делом огромной государственной и общественной важности. Ее идеальная направленность, ее

содержание определяется величайшими принципами Сталинской Конституции. Ее развитие теснейшим образом связано с экономической и материальной базой, которая создается на основе высокой строительной индустрии.

Советская архитектура приобрела совершенно выясненное для нее значение и место в общей системе народного хозяйства и определившуюся роль в общем развитии советской культуры,

архитектурой в нашей стране руководят величайшие люди нашей эпохи. Достаточно указать на генеральный план реконструкции г. Москвы, подписанный тов. Сталиным, чтобы понять, на какую огромную принципиальную высоту поставлены задачи архитектуры.

Об этом государственном значении архитектуры говорят также и все законоположения, регламентирующие дело проектирования и строительства в Советском Союзе, и то

огромное внимание, которое уделяет этим вопросам широкая советская общественность. Из того жалкого тупика, в котором находилась дореволюционная архитектура, советская архитектура вышла на путь неограниченных возможностей. Эти возможности, эту силу и опору государственных законов архитектура с такой исчерпывающей полнотой исторически приобретает впервые.

Советским архитекторам, как nowhere в мире, предоставлено величайшее поле для их творческой деятельности, творческой инициативы и полноценного раскрытия творческой индивидуальности. Полная реорганизация проектного дела и создание архитектурных мастерских, проведенное по идеи и под руководством Л. М. Кагановича, закрепляют за нами эти возможности и создают все предпосылки к возникновению на этой базе полноценных творческих коллективов, способных строить свою работу целеустремленно и принципиально, на основе ясно выраженного творческого кредо.

О значении принципиальности и целеустремленности в творческой работе архитекторов, как обязательном и необходимом условии для прогрессивного развития советской архитектуры, тов. Каганович говорил постоянно.

Мы являемся наследниками величайших ценностей, оставленных нам искусством прошлых времен, и рядом с нами развивается изумительное искусство — творчество наших освобожденных народов, дающее огромный материал для нашей работы.

За весь истекший период советская архитектура имела ряд этапов в своем развитии. Такие грандиозные задания, как конкурс Дворца советов, работа по реконструкции Москвы, московский метрополитен им. Л. М. Кагановича, сыграли огромную роль в дальнейшем ее росте. Общий баланс труда и творческой энергии — огромный. Этот рост и развитие шли темпами, которые не могли быть доступны в прошлом.

Советская архитектура бесспорно сделала очень много, но это слишком мало по сравнению с тем, что надо еще сделать. Основным установлением архитектурного творчества является единство формы и содержания — здесь еще существует разрыв. Еще нет сочетания высокой идейно-

сти и подлинного мастерства и культуры. Этот разрыв в той или иной степени присущ каждому из нас, и этим объясняется то обстоятельство, что советская архитектура еще не внесла в общую сокровищницу советской культуры таких ценностей, какими являются в литературе произведения М. Горького, В. Маяковского и другие образцы подлинной советской классики.

Искренно желая ответить на задачи величайшей эпохи и оправдать оказанное нам доверие, мы еще недостаточно упорно овладеваем архитектурной культурой и часто забываем, что построенное здание, стоящее сотни тысяч и миллионы, не выбросишь так просто, как плохо написанную книгу или картину. Воздвигнув здание, скажем, просто дурного вкуса, низкой культуры, мы забываем об огромной воспитательной роли архитектуры.

Создание новой формы очень часто превращается в некую самоцель, вопреки смыслу и назначению проектируемого здания, а иногда напрекор даже природе самого искусства архитектуры. Смысл всех явлений нашей жизни, облик замечательного человека нашего времени, заключенные в таких понятиях, как сила и скромность, величие и убедительная простота, ясность цели и ясность мысли, человечность и жизнерадость, искренность и отсутствие фальши — все это не нашло еще своего выражения в архитектуре.

Восторгаясь эпической силой греческого искусства или скульптурным величием и простотой народного творчества, мы эти качества стремимся сообщить и нашим вещам, но иногда чисто внешне, а не по существу. Мы твердо знаем, что новая архитектура неотделима от новой техники, а по существу очень мало прогрессивны и мало культурны в освоении этой области знания. Все наши искания, вся борьба за новую архитектуру должны идти по пути полноценного искусства. Мы никогда не создадим новой архитектуры, если идентичности не будут соответствовать большая культура и мастерство, или если будет одно мастерство ради мастерства, не насыщенное идейным содержанием.

И, наконец, мы должны твердо помнить, что значение творческого коллектива в архитектурной работе гораздо больше, чем в каком бы то

ни было другом искусстве. Вряд ли кто-нибудь может серьезно думать, что ему одному по силам найти правильный творческий путь и, преодолев все трудности, создать именно то, к чему мы все стремимся.

Создавая города, работая над архитектурой ансамбля, борясь за высокую строительную индустрию, за новые высококачественные материалы, надо помнить, что дом-одиночка, как и архитектор-одиночка, может только мешать общим интересам архитектуры.

Один из наших серьезнейших недостатков — это именно наша кабинетная изоляция, неумение, а иногда и нежелание считаться с товарищем, который на этой же самой улице также строит дом. И вместо совместной работы, ведущейся на основе взаимного уважения, ради общих задач архитектуры (в данном случае, ансамбля), вместо контакта — налицо противопоставление.

Мы забываем, что ансамбли Ленинграда созданы именно потому, что для Росси, Кваренги, Захарова, Тома де Томона — авторитет архитектуры был на первом месте.

Мы еще не изжили в своей работе тех черт, которые типичны для архитектора-одиночки дореволюционной России и современной Европы, тогда как именно в противоположности этим чертам — в чувстве коллектиности — наша главная сила. А как следствие — в Москве еще нового архитектурного ансамбля не создано, хотя построено огромное количество домов-одиночек.

Очень важен вопрос о кадрах, о наших вузах. Тут уместно сказать, что победы нашего музыкального фронта объясняются тем, что, во-первых, такие руководители, как Нейгауз, Гольденвейзер, Файнберг и др., являются подлинными мастерами, которые своим личным творчеством показывают пример, как надо работать (как раз этого требовал Баженов от руководства Академии художеств). И второе — наша музыкальная молодежь получает до консерватории в специальных школах музыкальное образование одновременно с общим образованием.

Баженов в 13 лет уже работает в архитектурной школе Ухтомского. А ведь нам предстоит освоение гораздо более серьезного материала, чем во времена Баженова, когда техника была неизмеримо элементарнее,

когда не стояли такие задачи, какие стоят перед нами. Сейчас же в архитектурный вуз, впервые иногда раскрывая Флетчера, поступают молодые люди без специальной подготовки в возрасте 20 лет. Что касается архитектурных техникумов, то там надо поставить искусство на значительно более высокую ступень.

Переходя к творчеству отдельных мастеров, хочется отметить прежде всего их достижения.

Академик архитектуры И. В. Жолтовский оказал большое влияние на развитие советской архитектуры, на освоение культурного наследия прошлого и овладение высшими формами архитектурного мастерства. Он обогатил наш опыт своими замечательными анализами классического искусства. Целый ряд крупных архитекторов обязан именно И. В. Жолтовскому своим ростом. В здании Госбанка он дает блестящий образец настоящего мастерства и показывает пример, как архитектор должен работать непосредственно на строительстве.

Академик архитектуры А. В. Щусев — блестящий и исключительно плодовитый художник. Мавзолей Ленина — одно из замечательных произведений советской архитектуры. А. В. Щусев проявил здесь большое чувство такта по отношению к прекрасному ансамблю Красной площади, создав памятник большой внутренней силы и одновременно большого понимания нашей современности. Гостиница «Москва», при многих своих положительных качествах, не использовала, к сожалению, всех возможностей ансамбля и в своей архитектуре не имеет той убедительной простоты и лапидарности, которыми так отличается мавзолей.

Братья Веснины, М. Я. Гинзбург и А. С. Никольский в своей деятельности очень последовательны, по своему принципиальны, и их стремление подойти к вопросам архитектуры на основе новейшей техники

безусловно сыграло положительную роль. В свое время эти мастера боролись с эклектикой в архитектуре, противопоставляя последней искание новых путей. В дальнейшем, в связи с новыми задачами, в их творчестве намечается перестройка, которая, несомненно, еще не закончилась. Но в качестве образца и примера преимущественное место в их работах все еще занимает современное искусство Запада, и поэтому они проявляют слишком много заботы о новой форме, жертвуя очень часто содержанием.

Проект театра Красной армии арх. К. С. Алаяна и В. Н. Симбирцева, поставивший в свое время перед советской архитектурой ряд принципиально новых вопросов, заострил внимание на идеальной сущности архитектурного произведения. Чрезвычайно важно, чтобы и в решении самой архитектурной формы во всех деталях так же последовательно был разрешен вопрос о мастерстве.

Архитектор Г. П. Гольц в целом ряде своих работ, как, например, в проекте Намерного театра, выступает как тонкий мастер, с большой культурой и знанием исторического материала. Его композиции интересны, остры и закончены в намеченном им плане. Он очень индивидуален — в этом его сила и, вместе с тем, слабость. Он должен, на мой взгляд, стремиться к насыщению образа более понятным и близким для всех содержанием и от некоторой изощренности перейти к большему лаконизму и простоте.

Работам архитекторов И. Н. Соболева и М. П. Парусникова свойственна цельность, знание исторической архитектуры, тонкое и вдумчивое отношение к деталям. Их вещи, безусловно, очень архитектурны, но недостаточно раскрывают идеальную сущность темы.

В архитектуре жилых зданий

безусловные достижения принадлежат арх. И. З. Вайнштейну (дом на Садовой-Земляной), арх. А. Н. Бурову (дом на ул. Горького), арх. Иохелесу (дом на Никитском бульваре), сумевшим миновать шаблонные решения и творчески подошедшим к решению новых задач. Главным образом, это касалось композиции фасадов; в ячейках нет новых предложений, хотя они и внимательно проработаны.

Значительным явлением представляется жилой дом на Карповке в Ленинграде арх. Е. А. Левинсона и И. И. Фомина. Дом построен очень хорошо и внимательно. В самой композиции поставлен вопрос о решении пространства и ансамбля, что особенно ценно в жилой архитектуре. В деталях еще не изжит некоторый налет конструктивистского модерна.

Особое место в советской архитектуре занимает Дворец советов (арх. Гельфрейх, Иофан и Щуко).

Дворец советов по своему образу, безусловно, памятник нашей эпохи, и есть твердая уверенность, что его архитектура во всех своих деталях будет отвечать той великой идее, которая заложена в проекте.

Этими краткими замечаниями далеко не исчерпываются достижения советской архитектуры и ее отдельных мастеров.

Огромная работа проделана на Украине, в Белоруссии, в Закавказье. Изумительно меняется наша колхозная деревня, которая настойчиво требует от нас своей архитектуры.

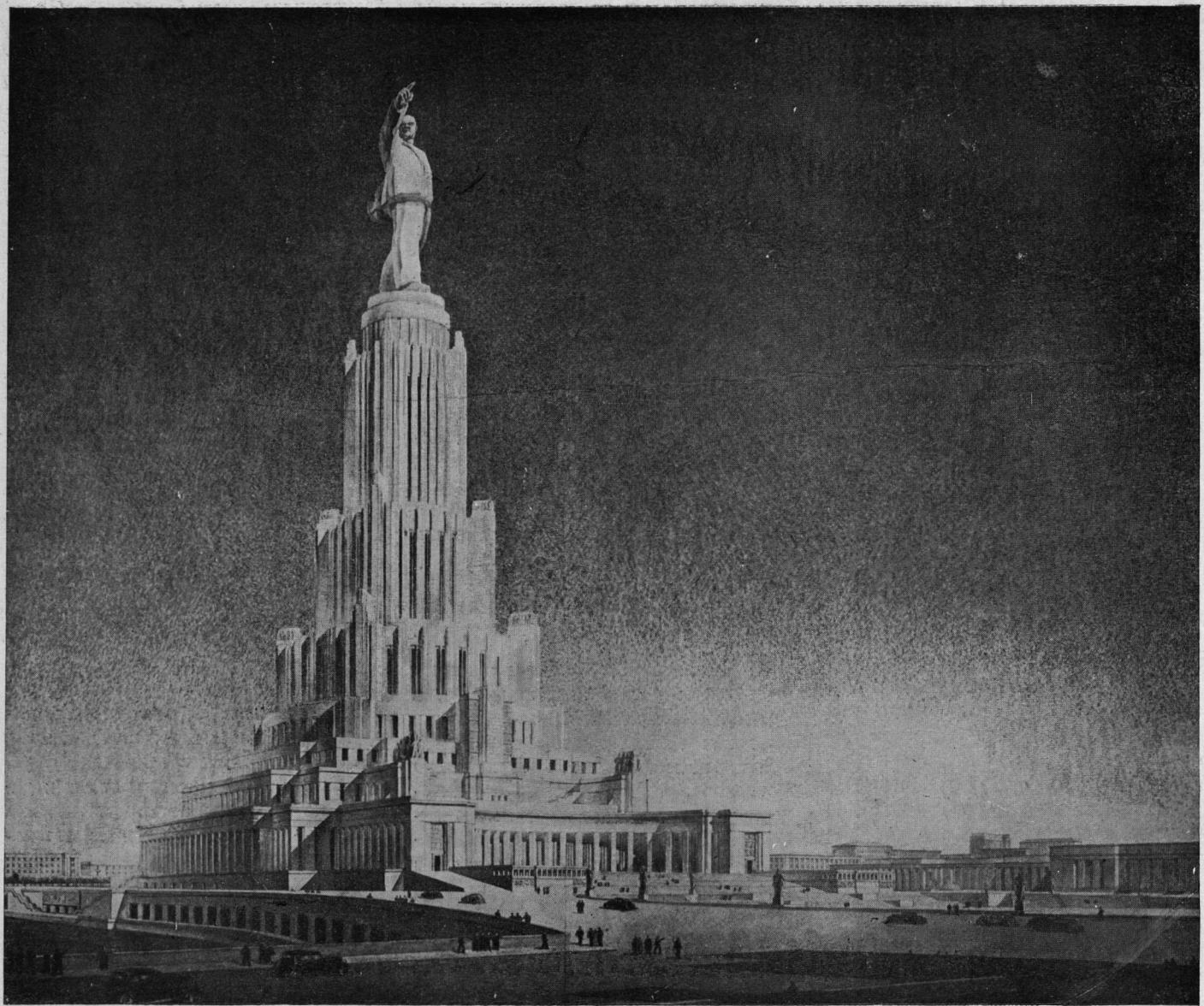
Наши реконструирующиеся города призывают весь архитектурный коллектив к созданию архитектуры нового города.

К новым победам нас настойчиво зовет наш народ, завоевавший по праву новую жизнь, запечатленную на скрижалих великой Стalinской Конституции, жизнь, которую мы должны выразить в своей архитектуре.

«Главная задача заключается теперь в том, чтобы внести и развить пафос освоения новой техники в нашем строительстве. Этой техники на наших стройках уже немало, и она будет с каждым днем расти. Не сама по себе техника, а растущий пафос освоения этой техники в рядах строителей решит задачу высокого подъема строительства в нашей стране».

В. МОЛОТОВ

Из речи на совещании по вопросам строительства в ЦК ВКП(б) 10—14 декабря 1935 г.

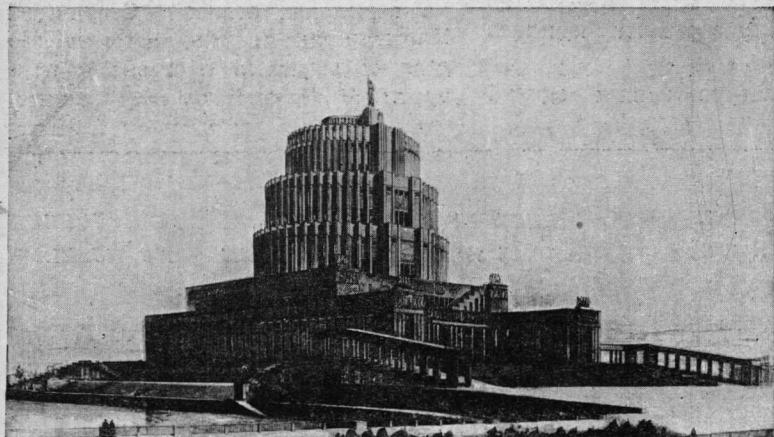

Архитектурно-технический проект Дворца советов СССР 1937 г.
Арх. В. Г. Гельфрейх, Б. М. Иофан, акад. арх. В. А. Щуко

Проект Дворца советов СССР 1933 г. (принятый за основу). Перспектива
Арх. Б. М. Иофан

Projet architectural et technique du Palais des Soviets de l'URSS de 1937
Arch. V. G. Helfreich, B. M. Iofan, V. A. Schouko, membre de l'Académie

Эскизный проект Дворца советов СССР 1934 г. Перспектива
Арх. В. Г. Гельфрейх, Б. М. Иофан, акад. арх. В. А. Щуко

АРХИТЕКТУРНО- ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ ДВОРЦА СОВЕТОВ СОЮЗА ССР

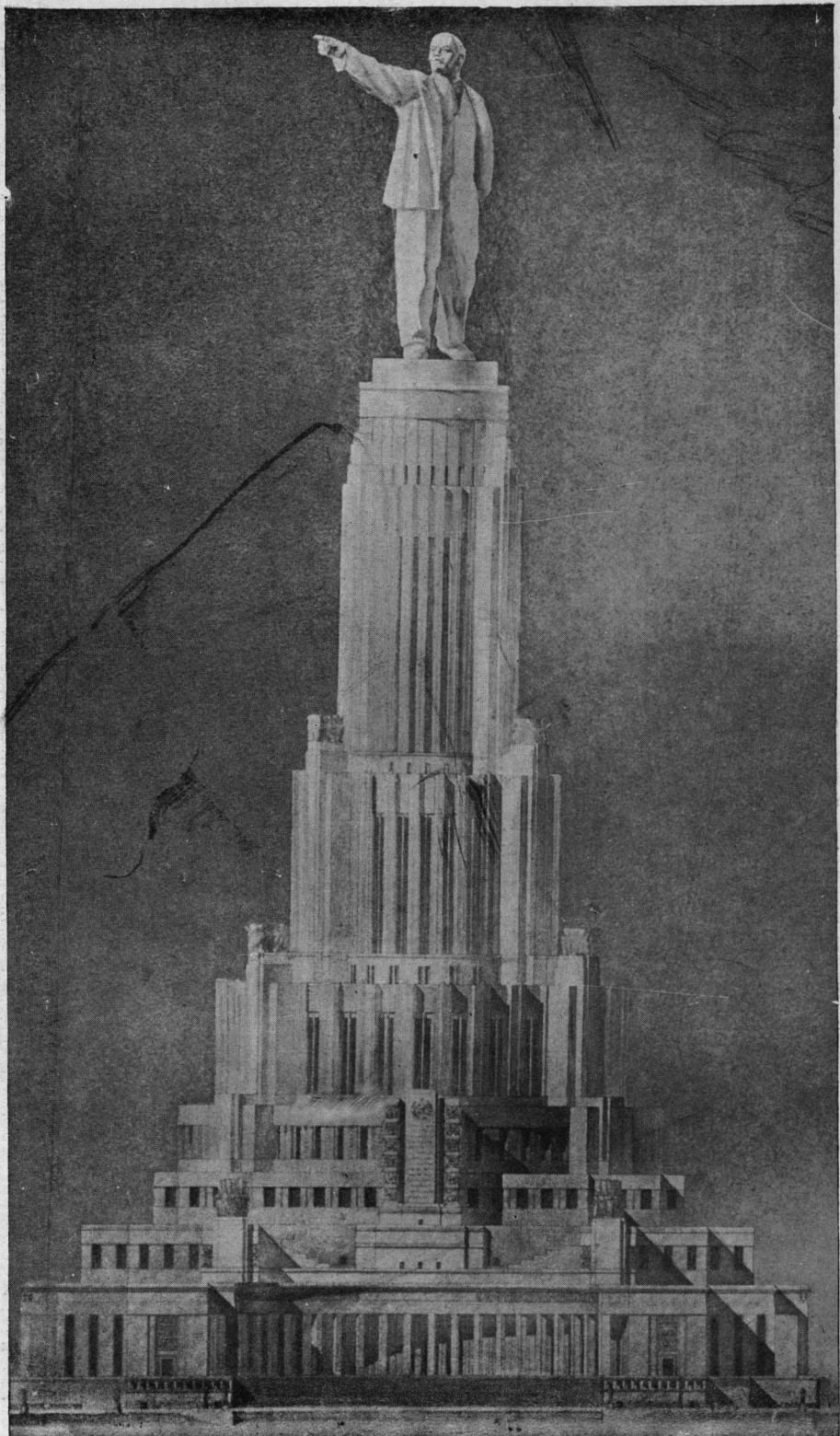
Технический проект Дворца советов закончен в марте 1937 года. По сравнению с эскизным проектом, утвержденным Советом строительства 19 февраля 1934 года, общая концепция Дворца не подверглась коренным изменениям. Однако технический проект ясно показывает то направление, по которому шли авторы проекта проф. В. Г. Гельфрейх, арх. Б. М. Иофан и акад. архит. В. А. Щуко, развивая и совершенствуя архитектурно-художественный образ этого величайшего в мире сооружения — памятника великому Ленину и сталинской эпохе построения социализма.

Количество основных цилиндрических об'емов высотной части уменьшено с пяти по эскизному проекту 1934 года до трех, чем достигается большая стройность здания и устремленность его вверх. Укрупнены детали архитектурной обработки этих цилиндрических об'емов. В обработку вертикальных членений и импостов оконных проемов введена нержавеющая сталь; благодаря этому приему здание связывается с венчающей его статуей Ленина единством материала.

Сама статуя увеличена с 75 до 100 м, при соответствующем уменьшении пьедестального цилиндрического об'ема. Этим еще более подчеркивается целеустремленность здания как монумента великому Ленину.

Естественно, что эти изменения, касающиеся главным образом высотной части Дворца советов, несколько отразились как на пропорциях его нижних об'емов, так и на их архитектурной трактовке. Их пространственное решение более лаконично и приведено в систему. По-новому решена колоннада из каннелюрованных плоских пилонов.

Основными элементами Дворца советов являются: комплексы больших

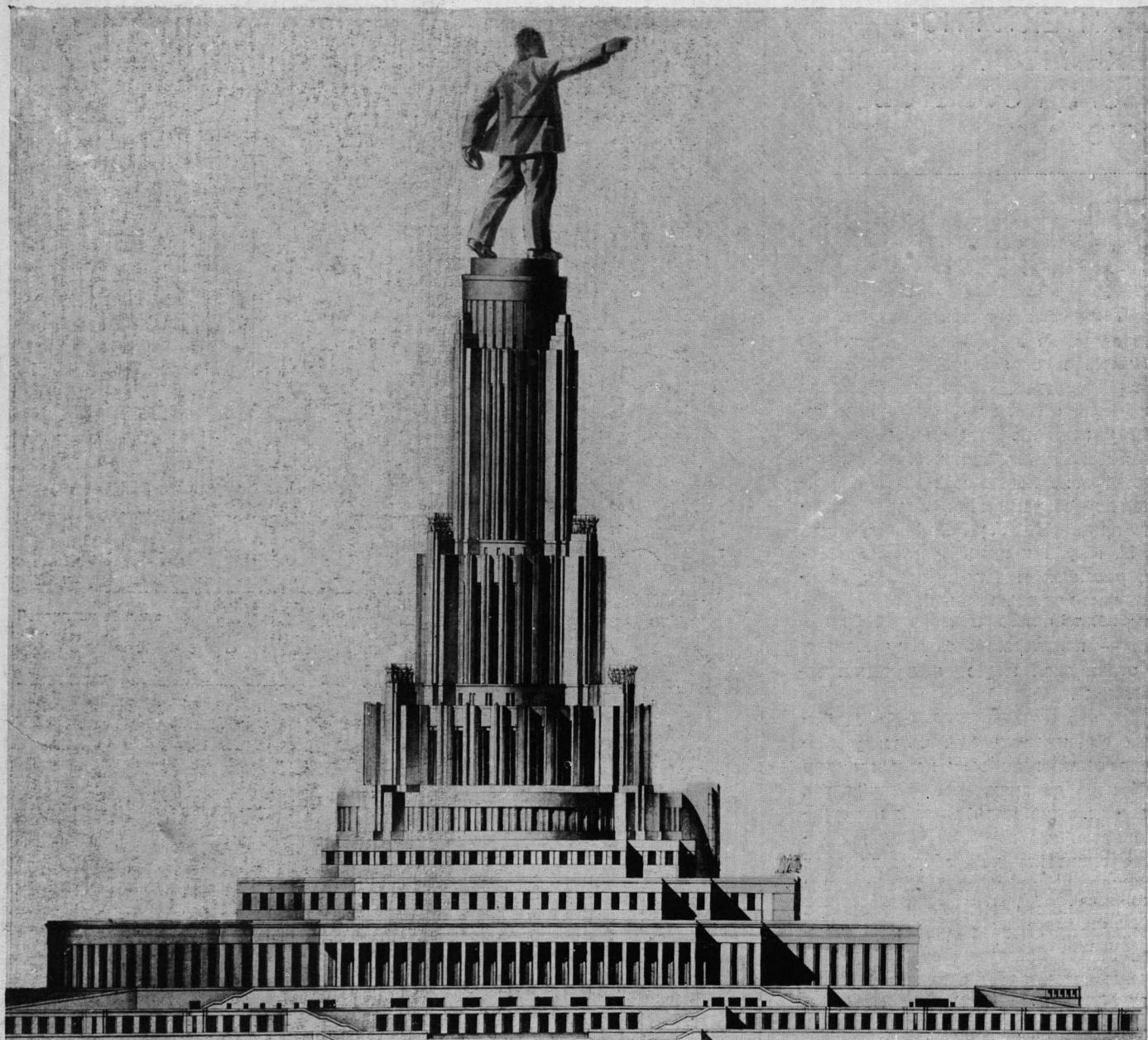

Архитектурно-технический проект
Дворца советов ССР 1937 г.
Фасад со стороны Кремля

Арх. В. Г. Гельфрейх, Б. М. Иофан,
акад. арх. В. А. Щуко

Projet architectural et technique du Palais des Soviets de l'URSS de 1937
Façade côté du Kremlin

Arch. V. G. Helfreich, B. M. Iofan,
V. A. Schouko, membre de l'Académie

Архитектурно-технический проект Дворца советов СССР 1937 г.
Боковой фасад

го зала, малого зала, высотной части (где будут размещены музейные помещения) и помещения подземной части (предназначенные в основном для хозяйственных и технических целей).

Большой зал, предназначенный для конгрессов, массовых съездов, митингов, а также для массовых показов художественной самодеятельности, больших концертов, вмещает 20 000 мест. Он решен как сплошной амфитеатр круглой формы. Амфитеатр имеет 51 ряд мест. Кроме того, на

грене зала располагается партер делегатских мест, который может убираться в трюм. В этом случае арена диаметром в 20 м используется для массовых выступлений, демонстраций физкультурных и спортивных достижений и пр.

Часть окружности амфитеатра отведена для мест президиума. Эти места расположены на уступчатых террасах, причем вся архитектурная композиция сектора президиума завершается мощной скульптурной группой. Трибуна оратора помещена

Проект архитектурный и технический дворца Советов СССР 1937 г. Фасад боковой

ниже мест президиума. В настоящее время производится некоторая перекомпоновка сектора президиума, которая еще более подчеркнет его центральное значение. Вокруг большого зала идет кольцевое фойе, отделенное рядом мощных пилонов, представляющих собой основные конструктивные опоры центральной части здания. К большому залу примыкает ряд кулуаров фойе, курильных, вестибюлей и пр. Из этих помещений выделяется большое анфиладное делегатское фойе, обрабо-

танное живописными панно и барельефами.

Малый зал, предназначенный для конгрессов, съездов, театральных постановок, концертов и кино, рассчитан на 6 000 человек. Он запроектирован как полукруглый амфитеатр с неглубоким балконом. Сцена малого зала имеет площадь в 1 200 м² и портал 40×22 м. Малый зал будет величайшим театральным помещением не только в СССР, но и в Западной Европе.

Малый зал имеет свои фойе, гостиные, курительные залы и вестибюли. К комплексу малого зала относятся также библиотека на 500 тысяч томов, с читальными залами, кабинетами для занятий, и четыре аудитории.

Помещения президиума, членов правительства, дипкорпуса, советской и иностранной прессы являются общими для большого и малого залов и имеют свои входы, гардеробы, вестибюли, кабинеты.

Технический проект решает сложную проблему загрузки и эвакуации многотысячных масс посетителей и взаимосвязи помещений. Кроме того, он дает принципиальные решения по фундаментам, несущим металлическим конструкциям, по специальному и сантехническому оборудованию и т. д.

Приведем некоторые цифровые данные технического проекта, характеризующие Дворец советов. Общая площадь застройки Дворца советов достигает 110 тыс. м². Высота здания (со статуей Ленина) — 419 м, общая кубатура здания — 6,5 млн. м³.

Высота большого зала — 100 м, диаметр — 123 м, его внутренний об'ем — 970 тыс. м³. Высота малого зала — 32 м, внутренний об'ем — 84 тыс. м³.

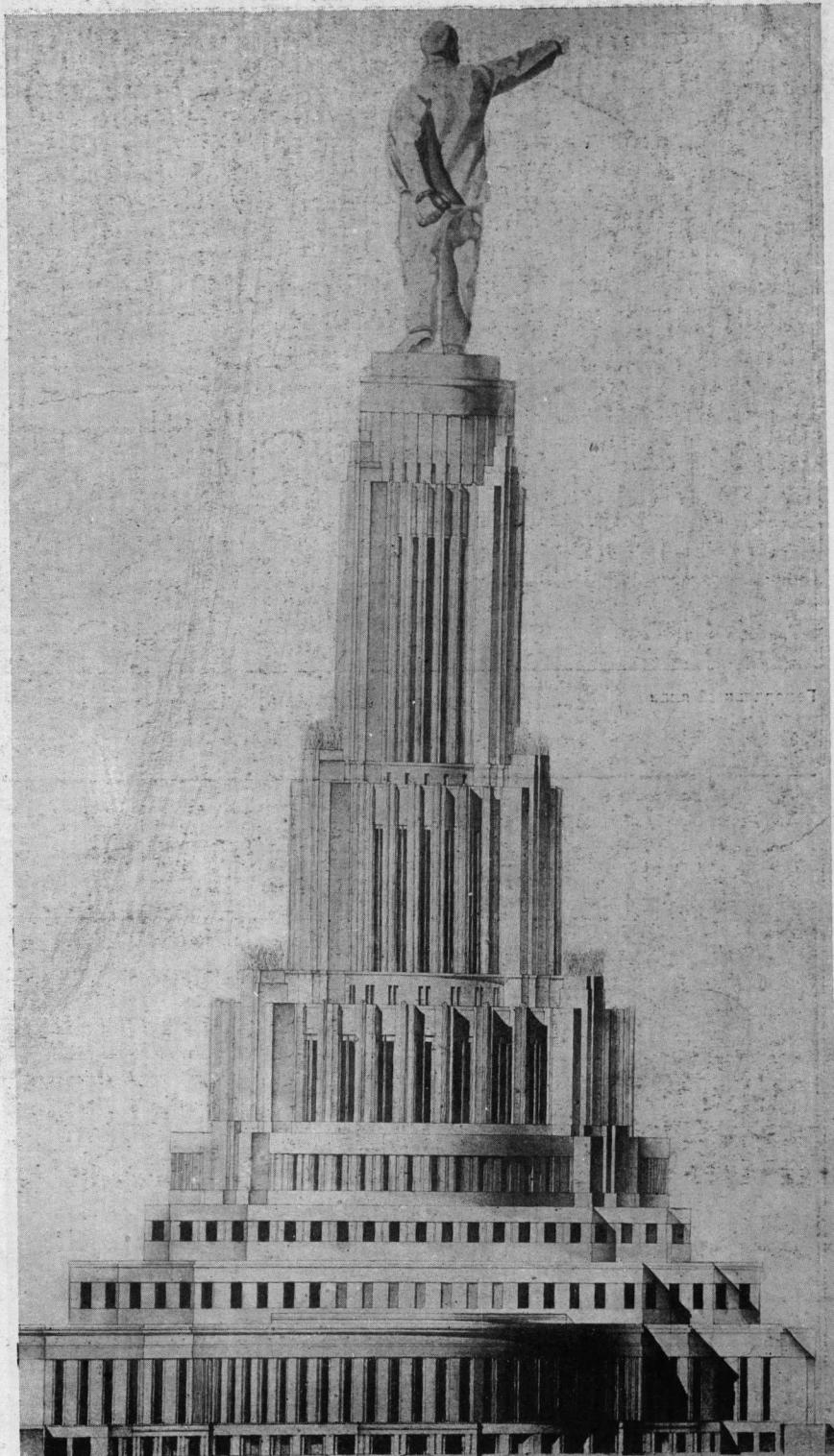
Полезная площадь помещений высотной части — около 77 тыс. м², а подземной части — 109 тыс. м².

Бетонные и железобетонные конструкции равняются 360 тыс. м³. Вес стального каркаса — 228 тыс. т.

Общая протяженность сети водоснабжения запроектирована в 163 км, вентиляции и отопления — 137 км, кабельной сети — 744 км и канализации — 84 км.

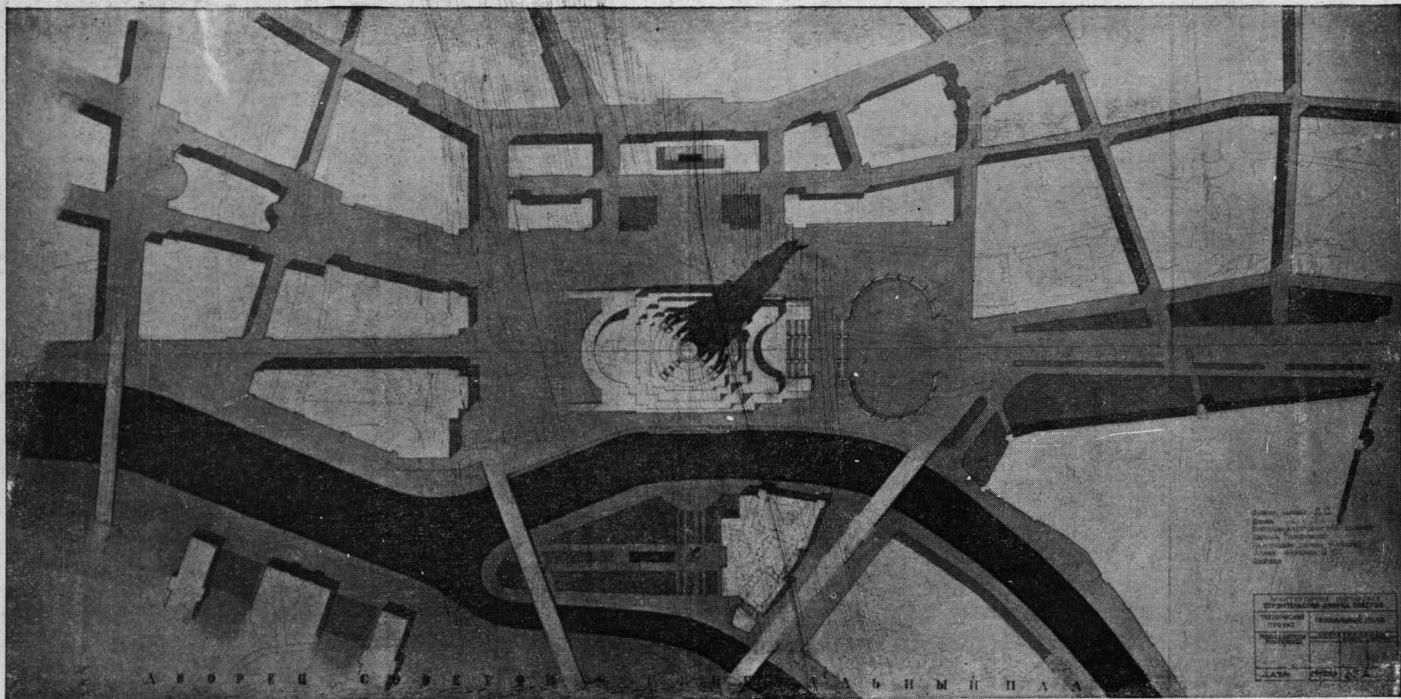
Дворец советов будет обслуживаться более чем 140 лифтами и 62 эскалаторами.

Облицовка естественным камнем фасадов потребует 190 тыс. м² плит.

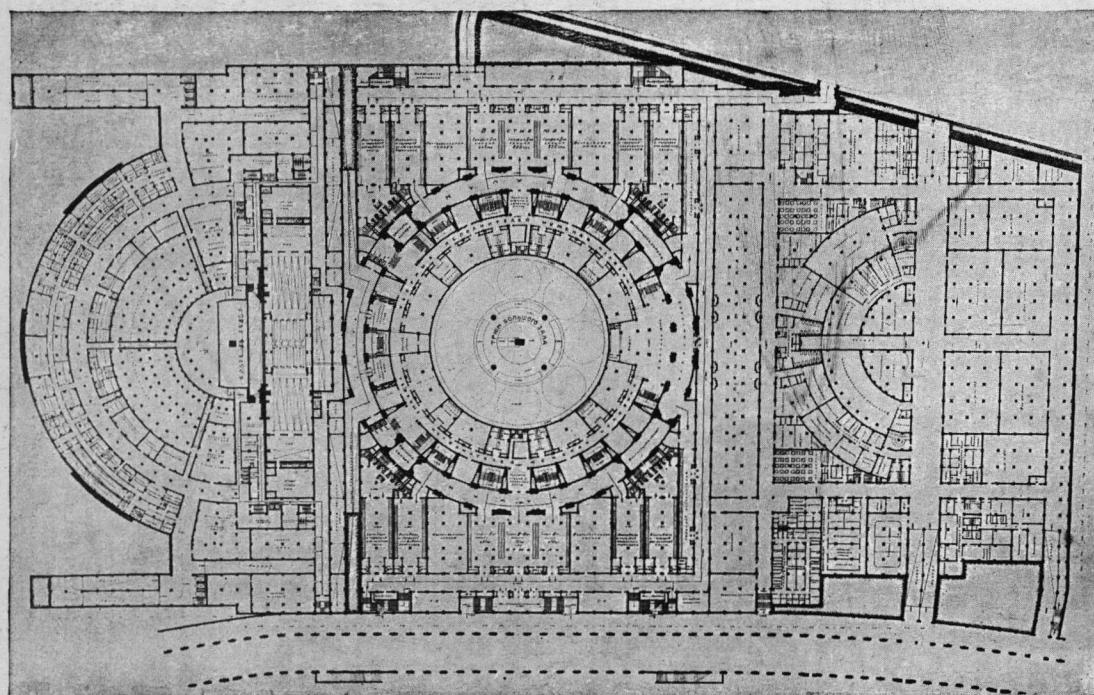
Фасад
со стороны Ленинских гор

Façade
du côté des montagnes Lénine

Генеральный план

Plan d'ensemble

Технический проект Дворца советов СССР 1937 г.
План на отметке 128
(уровень метро)

Projet technique du Palais des Soviets de l'URSS de 1937

В центральной части расположены входы из метро и с нижнего уровня набережной для посетителей большого зала, посетителей высотной части, служебного персонала и для артистического персонала большого зала

Вокруг триюма арены большого зала — артистические помещения

С стороны главного входа и со стороны малого зала расположены хозяйственно-технические службы (водонасосные станции, вентиляционные камеры, ремонтные мастерские, помещения электроустановок и пр.

На плане также показан триумфальный зал

Plan au niveau de 128 m. (niveau du métro). Dans la partie centrale du bâtiment sont disposés les accès du métro et du niveau inférieur du quai pour les visiteurs de la grande salle et ceux de la surélévation du bâtiment pour le personnel et les artistes de la grande salle

Autour du sous-sol de l'arène de la grande salle se trouvent les loges d'artistes

Du côté de l'entrée principale et du côté de la petite salle sont disposés les services ménagers et techniques (stations de pompage, chambres de ventilation, ateliers de réparations, locaux d'installation électrique etc.

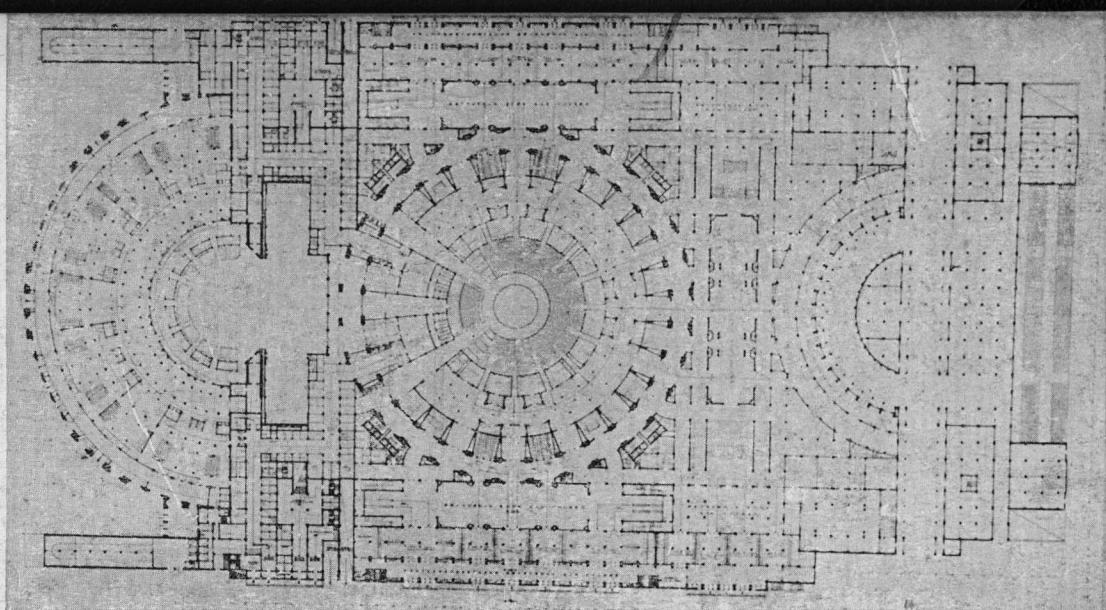
On voit aussi le sous-sol de la scène de la petite salle

План на отметке 135,5

Этаж полностью отведен для надземных входов, вестибюлей и гардеробов для делегатов и посетителей большого и малого залов

Plan au niveau de 135,5 m.

Etage destiné aux accès sur le sol, aux vestibules et aux vestiaires pour les délégués et les visiteurs de la grande et de la petite salles

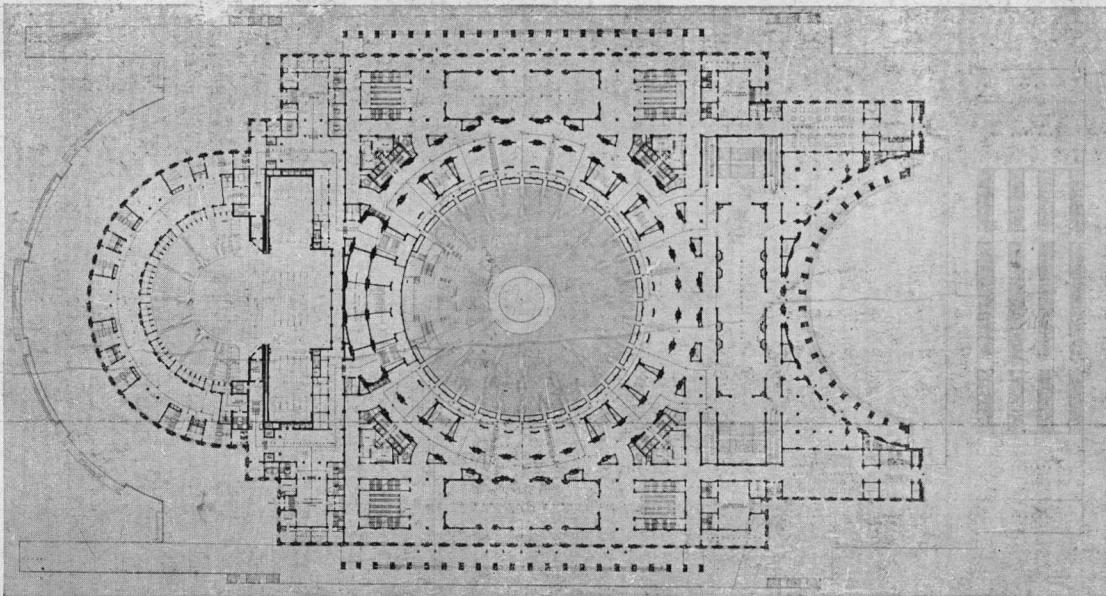

План на отметке 144,5

На плане видно расположение мест большого и малого залов, планшет сцены малого зала с карманами, фойе и кулуаров

Plan au niveau de 1445, m.

On voit la disposition des places dans la grande et la petite salle, la disposition de la scène de la petite salle, des foyers et des couloirs

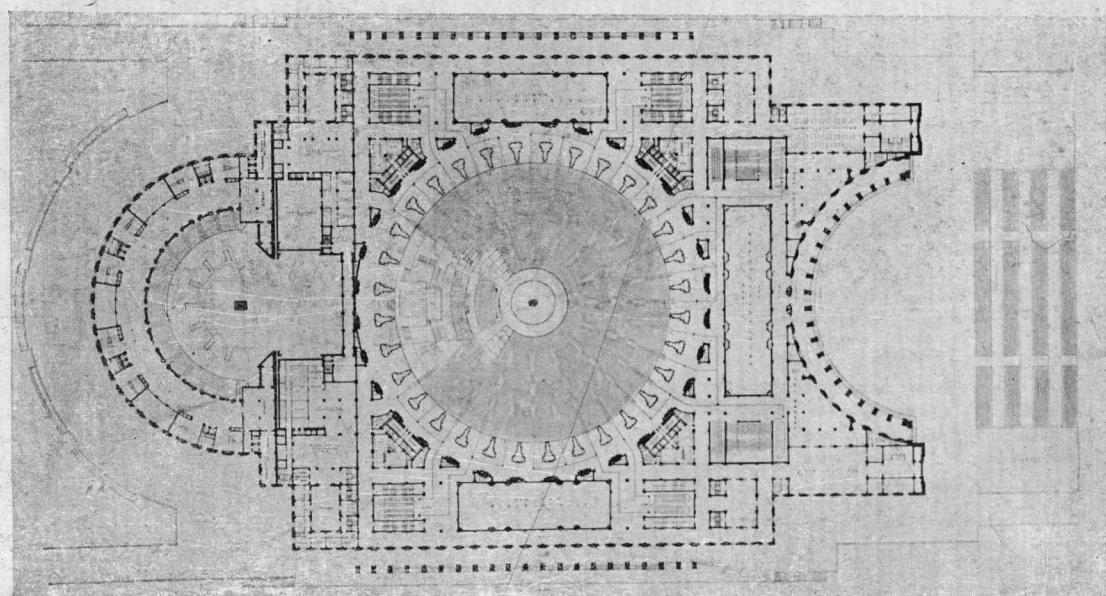

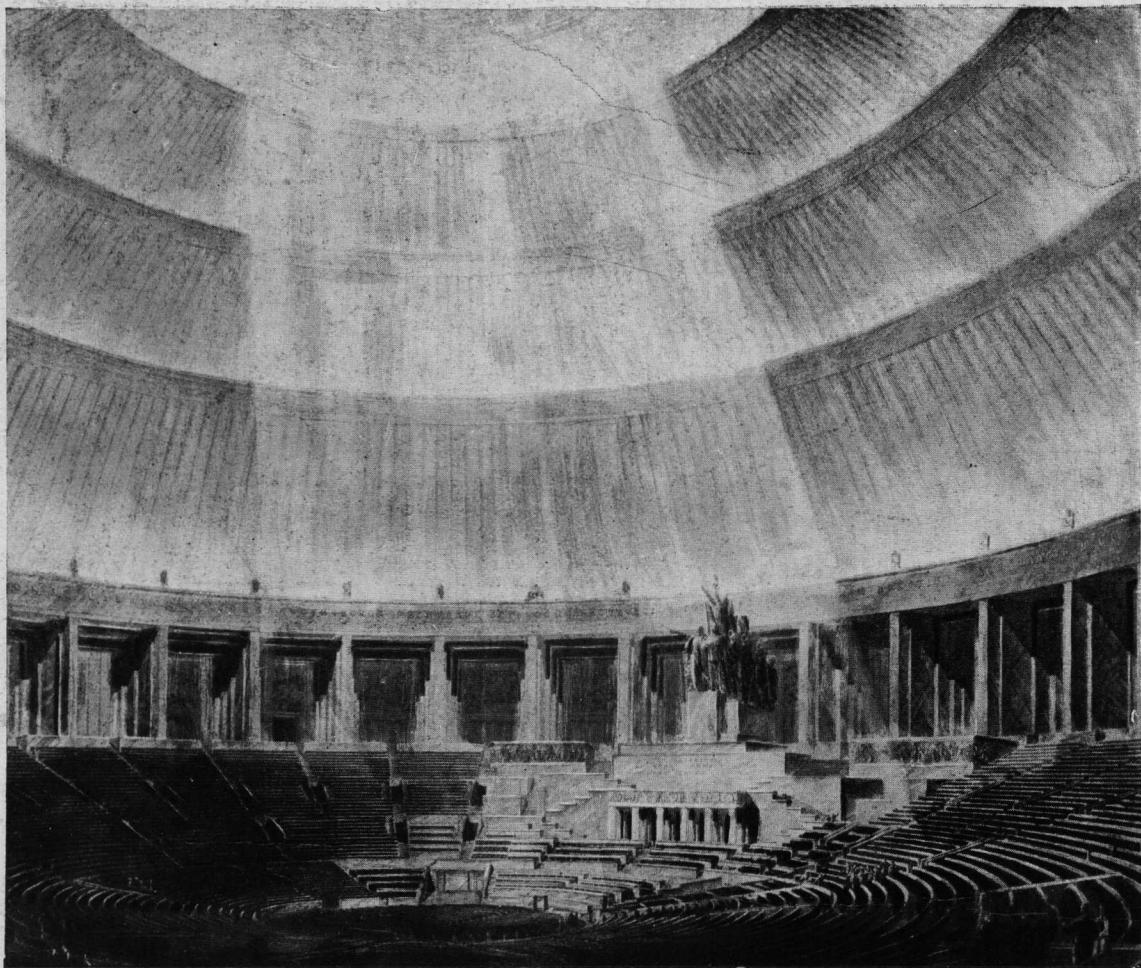
План на отметке 153,5

Показаны полное размещение мест большого зала, мест на балконе малого зала и второй сверх фойе

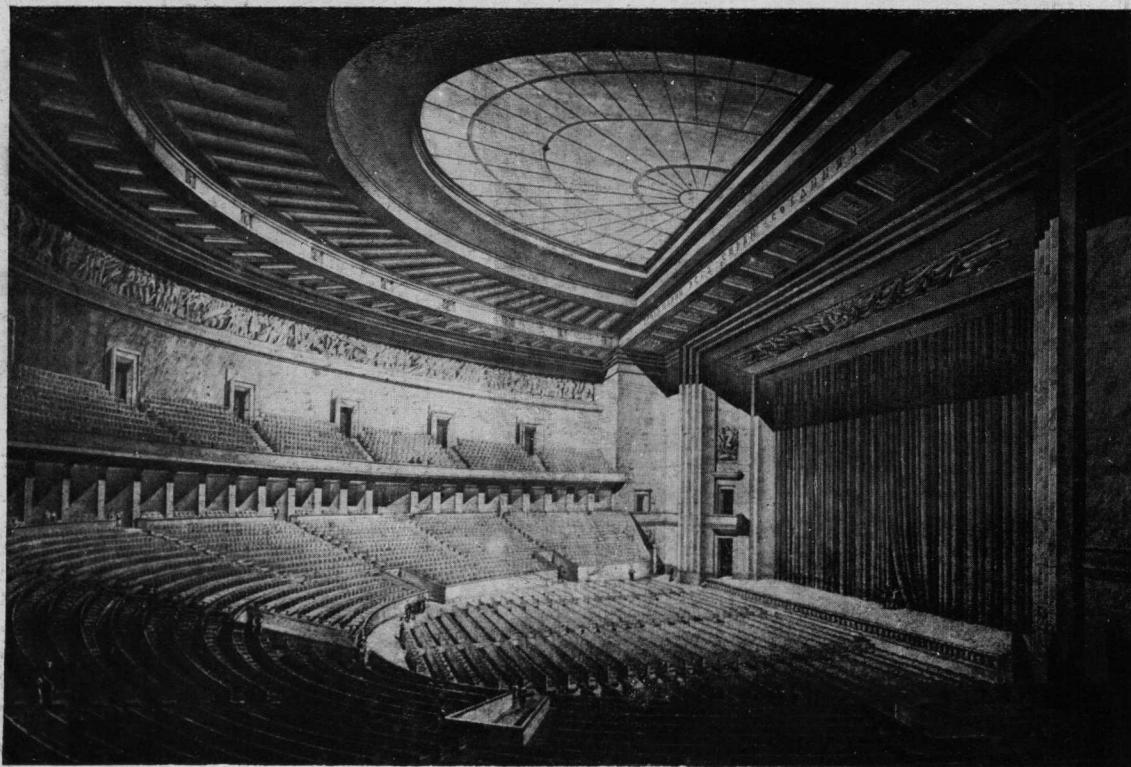
Plan au niveau de 153,5 m.

On voit la disposition des places de la grande salle, du balcon de la petite salle et de la deuxième rangée des fenêtres du foyer

Архитектурно-
технический проект
Дворца советов СССР
1937 г.
Большой зал
Перспектива

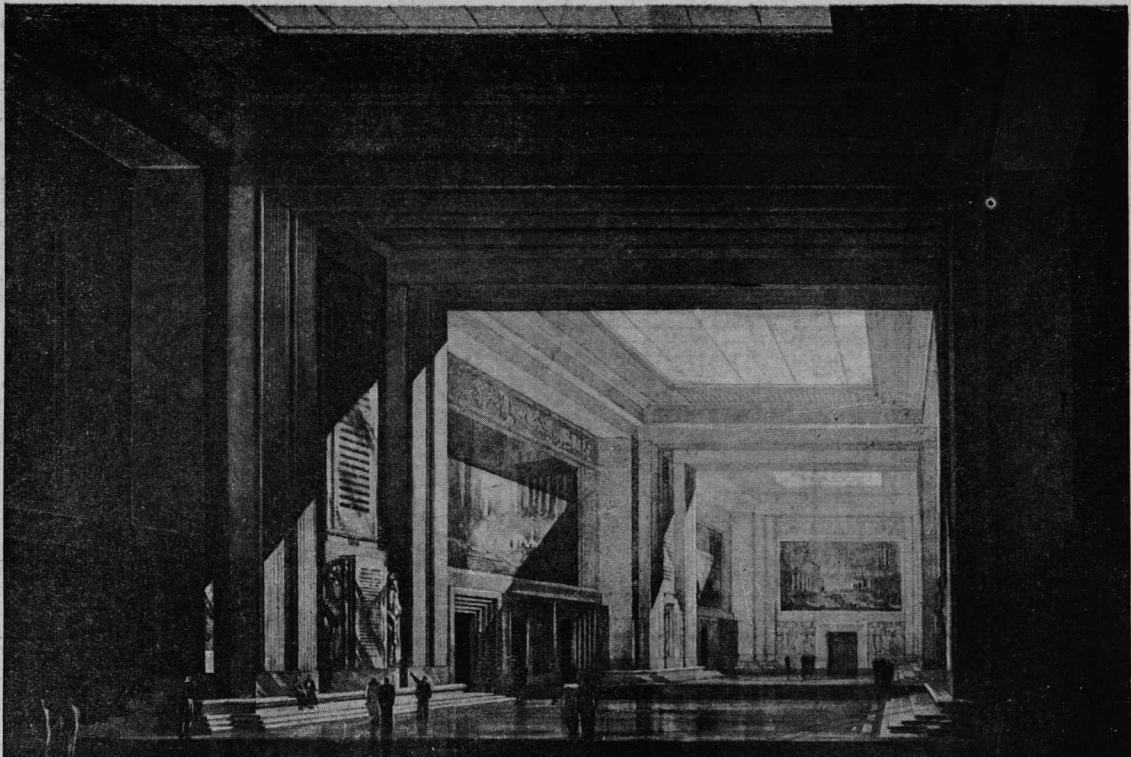

Проект архитектурный
и технический
для
Палац Советов
СССР
1937
Гранд зал
Перспектива

Малый зал
Перспектива

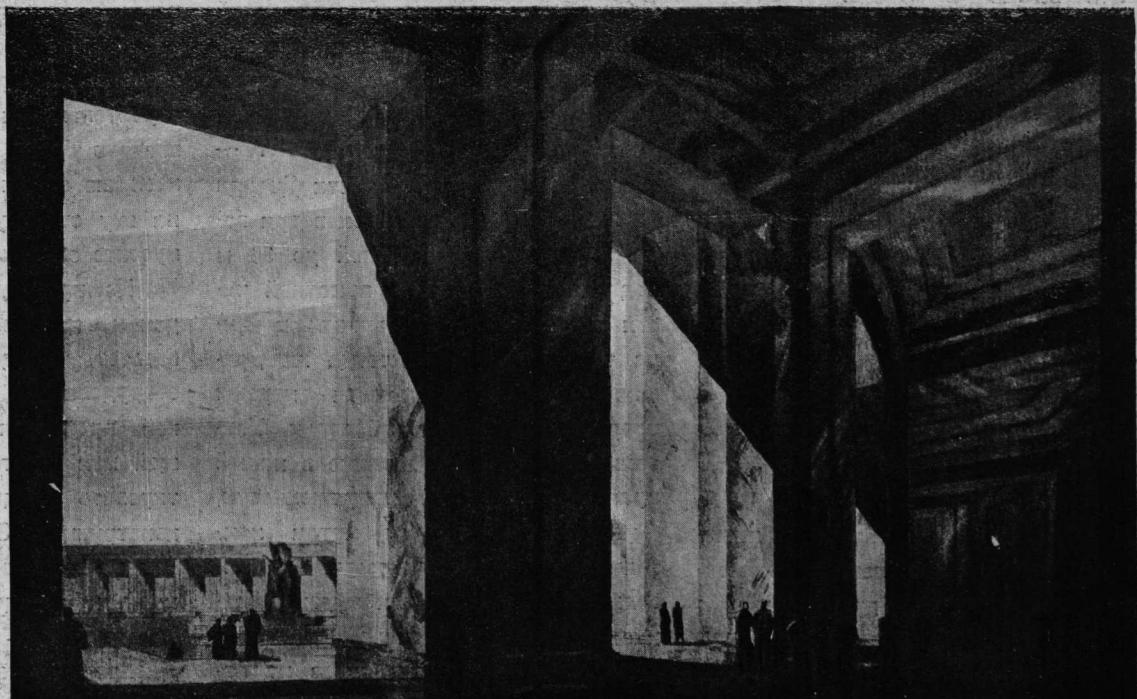
Petite salle
Perspective

Главное фойе
Перспектива

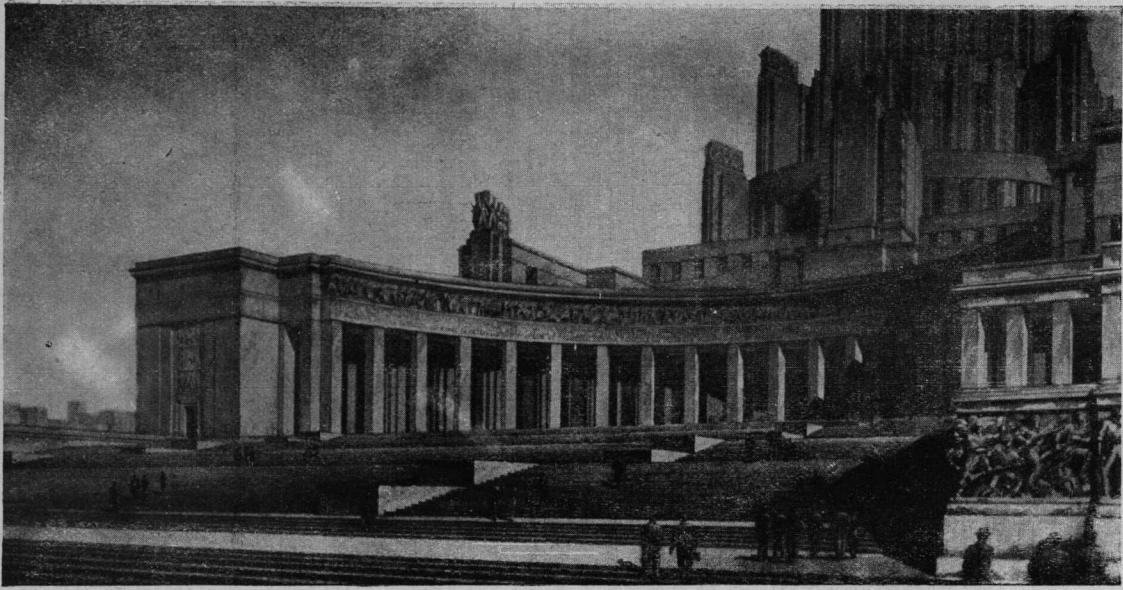

Foyer principal
Perspective

Ко́нцевой кулуар
большого зала
Перспектива

Couloir circulaire de
la grande salle
Perspective

Главная лестница и колоннада входа

Escalier principal et colonnade de l'entrée

МОНТАЖ ОСНОВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ДВОРЦА СОВЕТОВ

В. НИКОЛАЕВ

19 марта 1937 г. Совет строительства Дворца советов одобрил технический проект Дворца советов, составленный в архитектурной части мастерской под руководством авторов проекта тт. Б. М. Иофана, В. А. Щуко, В. Г. Гельфрейха и в инженерной части — коллективом конторы инженерного проектирования Дворца советов под руководством начальника этой конторы тов. Г. Б. Красина.

По утвержденному проекту предусматривается общий об'ем здания Дворца советов — 6,5 млн. м³; высота центральной части, включая 100-метровую статую Ленина по модели скульптора тов. Меркурова, будет выше 415 м. Вся конструкция Дворца советов, вместе со статуей Ленина, будет на стальном каркасе. Строительство Дворца советов предположено осуществить в пять лет. Стальной каркас весом 228 000 т — основа всей надземной части Дворца советов — будет сооружен в три года. Фундаменты глубиной до 30 м под основные колонны высотной части предполагается закончить в конце текущего года, и тогда же должна начаться установка первых опорных плит из литой стали. Указанные задания, небывалые в нашей практике по своей напряженности, будут осуществляться путем наибольшей индустриализации строительства и в частности путем механизированного монтажа основных конструкций Дворца советов из отдельных элементов, заготовляемых

вне основной площадки, на специальных заводах промышленности.

Монтаж стального каркаса высотной части Дворца советов будет ведущим звеном во всем строительстве Дворца советов. Рост здания в высоту и по контуру в плане, установка заполнителей стен и облицовки, устройство перекрытий и возможность осуществления всех прочих строительных и отделочных работ — все это будет зависеть от успеха монтажа стального каркаса. Поэтому на эту сторону дела в техническом проекте обращено особое внимание.

По проекту, разработанному отделом металлоконструкций Дворца советов, предположено монтажное оборудование исключительно высокой производительности, позволяющей при работе в одну смену смонтировать в один месяц до 10 000 т конструкций. Эта интенсивность работ отвечает возможностям двух основных заводов по изготовлению конструкций — завода им. Молотова в Днепропетровске и завода им. Орджоникидзе в Верхней Саиде на Урале,

1—Нижняя часть из двух кольцевых рядов колонн, по 32 колонны в каждом ряду, 2—горизонтальное распорное кольцо, 3—коническая часть, охватывающая купол большого зала, 4—распорное кольцо и система радиальных ферм, замыкающие верх конической части основного каркаса, 5—верхняя цилиндрическая часть, 6—статуя

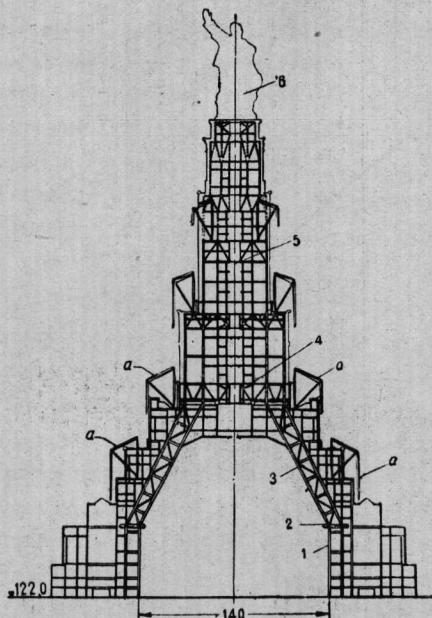

Рис. 1. Схема стального каркаса Дворца советов СССР с показанием положения деррик-кранов „а“ во время монтажа

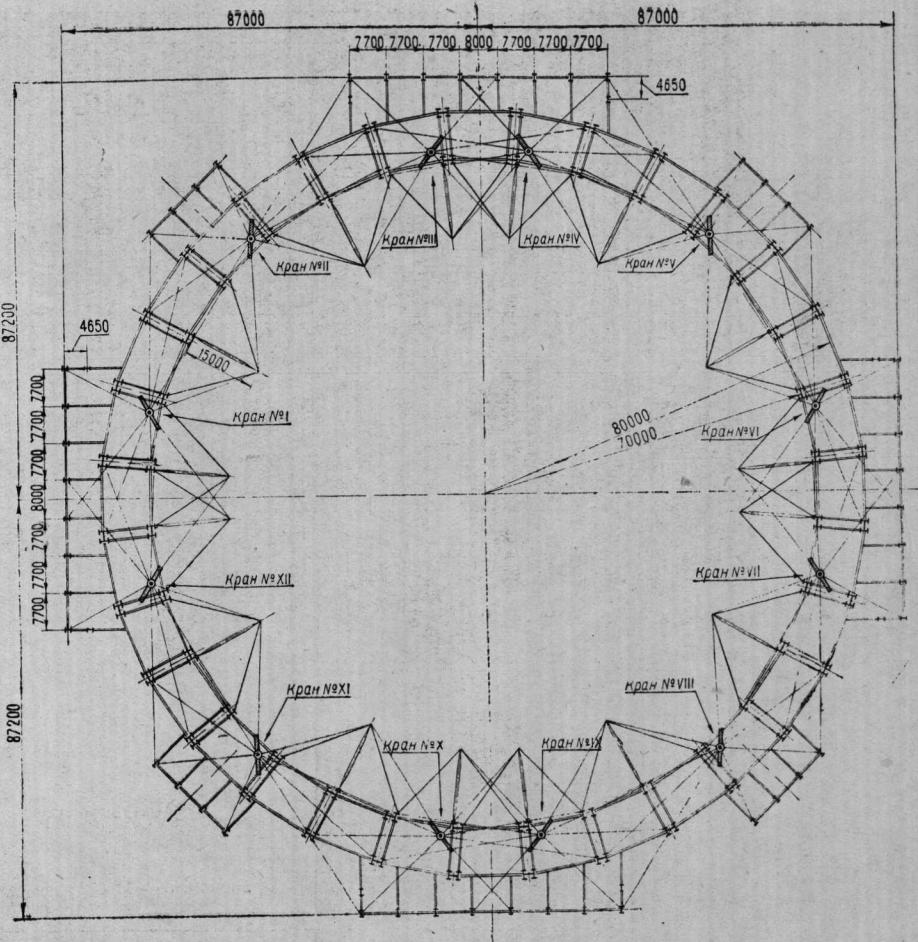
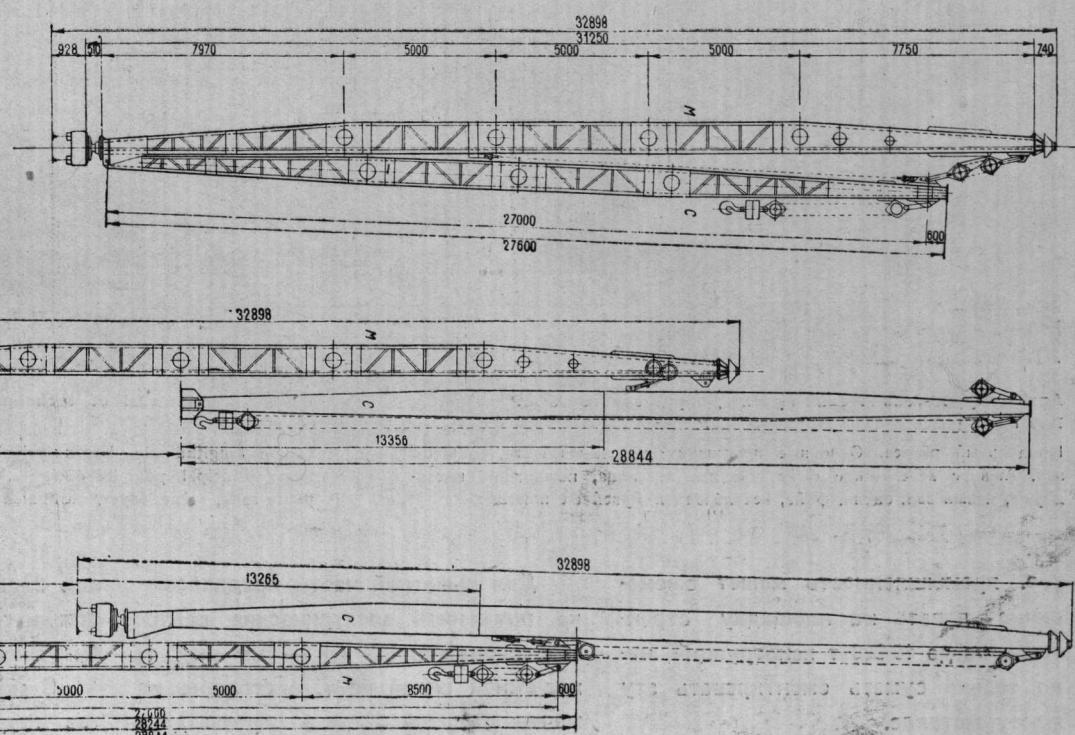
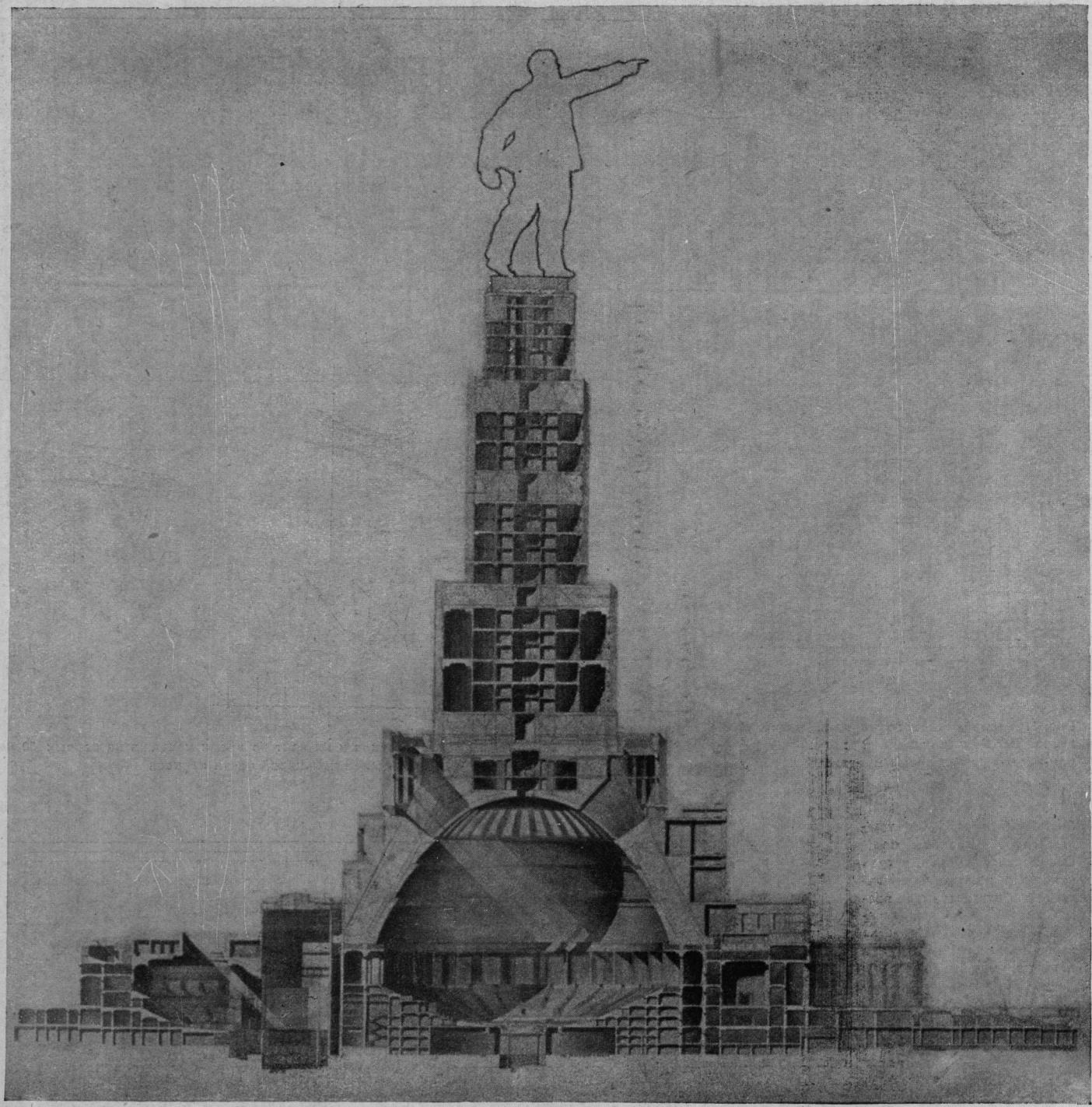

Рис. 2. План расположения 12 деррик-кранов и их вант во время монтажа на первых 50 метрах высоты Дворца советов, т.-е. всей нижней кольцевой части каркаса

Рис. 3. Один из 12 монтажных деррик-кранов, подъемной силой 40 тонн, в трех основных положениях мачты „М“ и стрелы „С“ во время вертикальной перестановки деррика. Наибольшая высота самоподъема крана деррика, при переходе во время монтажа с одного уровня на более высокий, составляет $14,65 + 12,3 = 26,95$ м

Архитектурно-технический проект Дворца советов СССР
1937 г.

Продольный разрез. Основные помещения: подземная часть, большой зал, главное делегатское фойе, главная лестница, помещение президиума, малый зал, сцена, фойе, вестибюли и музейные помещения

Projet architectural et technique du Palais des Soviets de l'URSS de 1937

Coupe longitudinale. Locaux principaux: partie souterraine, grande salle, foyer principal pour les délégués, escalier principal, salle du présidium, petite salle, scène, foyer, vestibules et locaux des musées

т.-е. промышленность может ежемесячно давать на площадку строительства до 10 000 т конструкций, надо только суметь смонтировать эту массу металла.

Для высотной части предположено применить электрические вантовые деррик-краны (*a* — на рис. 1) подъемной силой 40 т, состоящие из мачты высотой 32 м и стрелы дли-

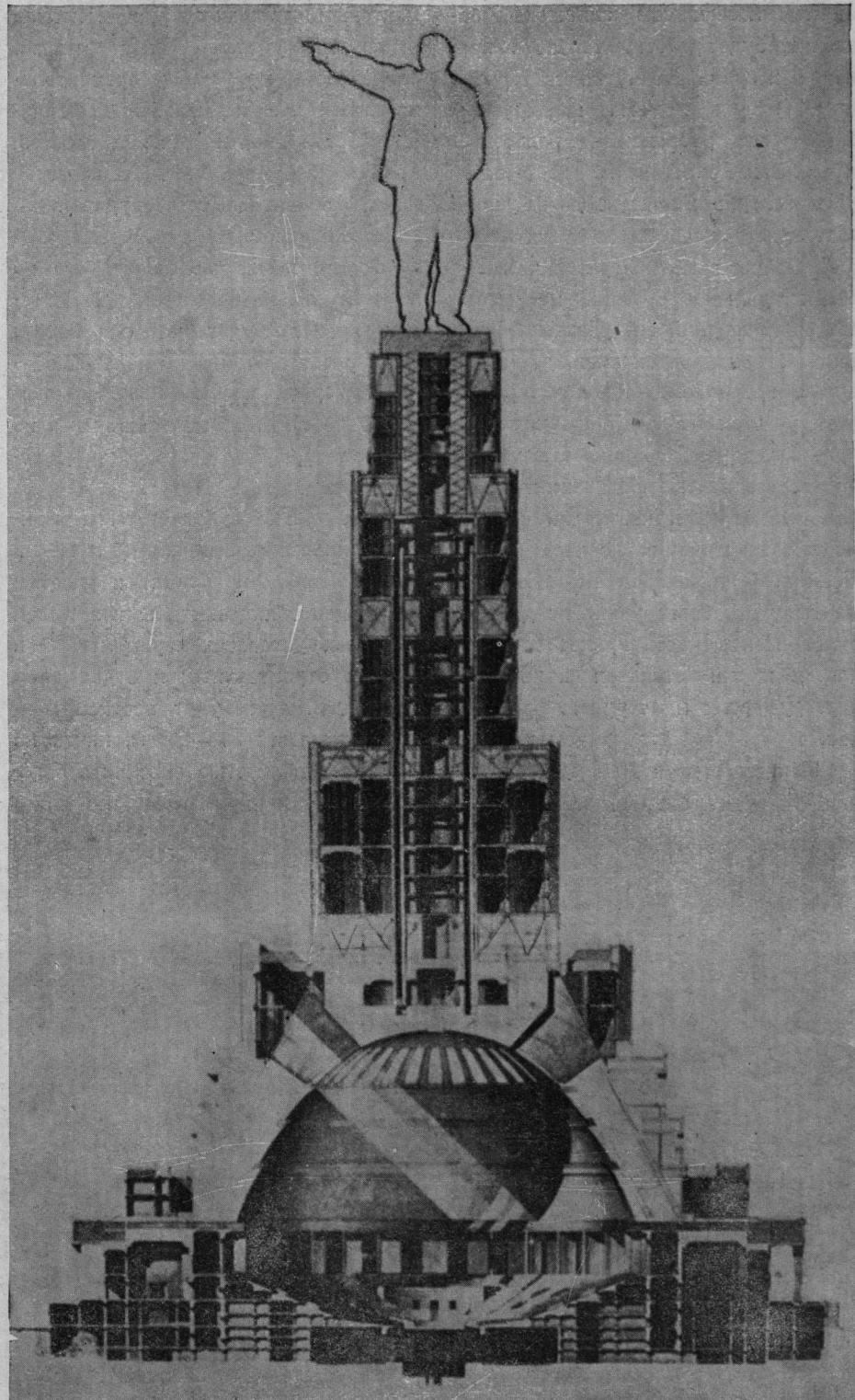
ной 27 м (рис. 1, 2 и 3) с соответственными лебедками и закреплением головы мачты вантами.

С момента готовности фундаментов под колонны высотной части,

внизу устанавливаются сразу 12 кранов-дерриков, как показано на плане рис. 2. Это положение кранов в плане сохраняется на протяжении всего монтажа первых 50 м высоты (1—на рис. 1). Система конструкции каркаса из 32 двойных колонн, расположенных по кругу, требует, чтобы монтаж велся сразу всеми 12 кранами, обеспечивая правильность замыкания каждого кольцевого яруса колонн. Поэтому каждый кран обслуживает в плане лишь определенный участок, очерченный кругом на рис. 2.

По окончании монтажа первого яруса колонн все 12 кранов одновременно поднимаются на смонтированную часть каркаса. Рис. 3 обясняет, как происходит самопод'ем кранов на высоте (наиболее предельная высота). Слева на рис. 3 показано исходное положение крана, далее показан под'ем стрелы «с» на высоту 14,65 м при помощи мачты и следующий за ним под'ем мачты при помощи стрелы на высоту $14,65 + 12,30 = 26,95$ м, где мачта и закрепляется в новом положении. Чтобы окончательно установить кран в новом положении, остается поднять стрелу «с» мачтой «м» (рис. 3) на высоту 12,3 м. Во время указанного под'ема крана весьма ответственными являются операции по перестановке вант и по установке временных и постоянных пят для стрелы и мачты. Самопод'ем кранов-дерриков повторяется после окончания монтажа каждого этажа или яруса и в зависимости от их высоты. Всего на высоте первых 50 м надо смонтировать 38 000 т колонн со связями (1—на рис. 1) и 17 000 т — распорное кольцо (2 — на рис. 1). Это первая часть монтажа, оканчивающаяся в 1938 г., весьма сложная, ввиду необходимости обеспечить особую точность, которая будет сказываться на всей остальной высоте.

На следующем 3-м участке каркаса высотной части (рис. 1), т. е.

Поперечный разрез

Кроме большого зала показаны боковые фойе, вестибюли с двух сторон. В высотной части — музейные помещения и залы обозрения столицы

Coupe transversale

On voit la grande salle, les foyers et vestibules latéraux. Dans la surélévation — les locaux des musées et les salles de panorama de la capitale

на так называемом коническом барабане, будет работать только 10 кранов, а 2 крана останутся на террасе (рис. 1) для подъема конструкций снизу, где расположен рельсовый путь. Этот участок вместе с верхним распорным кольцом (4—на рис. 1) составляет около 75 000 т конструкций. Общая высота каркаса к концу 1939 г. должна достичь не менее 150 м. Последний 5-й участок башни (рис. 1) монтируется лишь четырьмя кранами-дерриками. По конструкции этот участок является сравнительно простым, однако большая высотность делает его весьма сложным, тем более, что верхняя часть его служит местом закрепления каркаса статуи Ленина. С переходом по высоте к монтажу все более узких по диаметру барабанов, часть кранов освобождается, и они ставятся в качестве перегрузочных на террасах («*a*»—на рис. 1).

Монтаж статуи Ленина (б — на рис. 1) будет вестись специальным

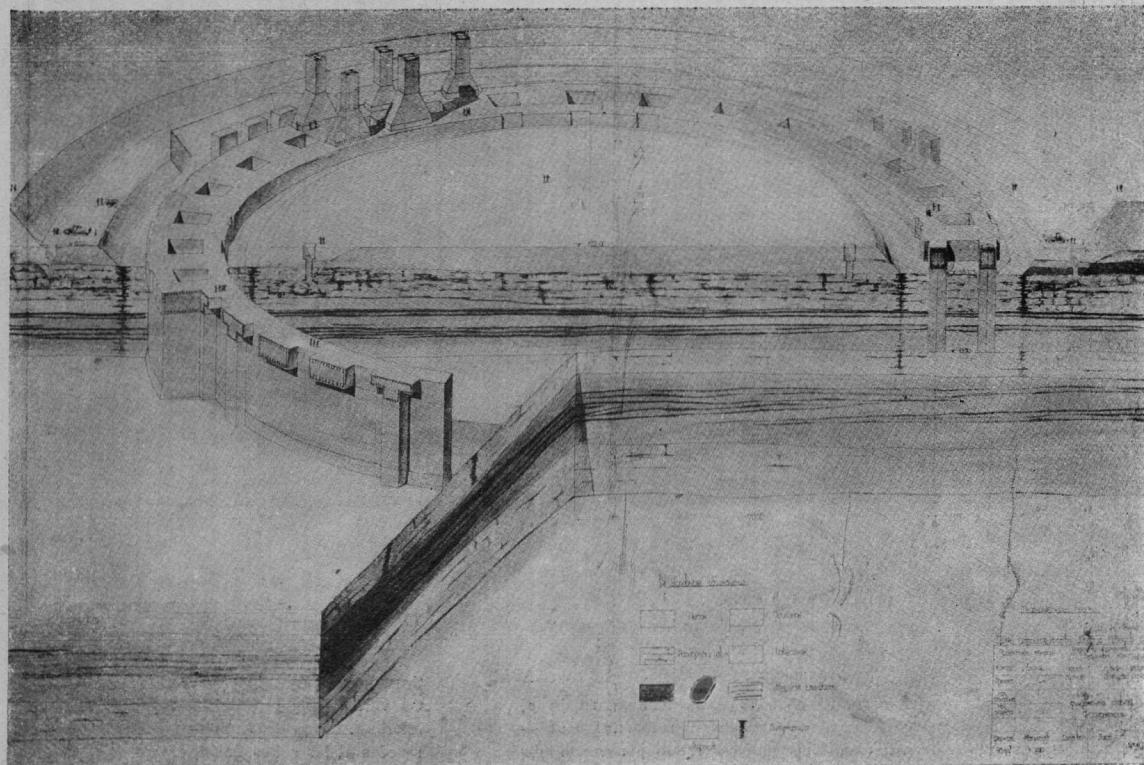
мачтовым дерриком. Для монтажа стилобата (главный вход, малый зал, фойе и пр.), ввиду сравнительно малой высоты, но большой площади этой части Дворца советов, предположено применить в качестве основного монтажного оборудования — вантовый деррик с устройством, позволяющим легко перемещать его по горизонтальной плоскости. Всего таких кранов будет четыре. Общий об'ем работ по монтажу каркаса стилобата сравнительно невелик (около 55 000 т). Весь монтаж стального каркаса Дворца советов предположено закончить в 1941 г.

Как только будет закончен мон-
таж конического барабана (3 и 4 — на
рис. 1), сразу приступят к работам
по кладке облицовки и заполнителей
стен междуэтажных перекрытий и к
другим строительным и отделочным
работам. Когда будет вестись мон-
таж на высоте 200—250 м, ничто не
помешает полностью закончить боль-
шой зал и примыкающую часть

Дворца советов. С под'емом на высоту монтажа конструкций открываются сразу широкие возможности развертывания всех строительных и отделочно-художественных работ.

Успех всего дела монтажа сталь-
ного каркаса будет зависеть от двух
основных обстоятельств: четкости
организации работ на площадке
строительства и бесперебойного ком-
плектного поступления элементов
стального каркаса с заводов-изгото-
вителей стальных конструкций. Ус-
пешность же работы последних бу-
дет зависеть от металлургических
и прокатных заводов. Общее число
 заводов по плавке и прокату стали
и заводов, изготавлиющих элементы
стального каркаса, будет более 15.

Система организации индустриализированной стройки и притом такого масштаба, как Дворец советов, должна дать показательный пример новых путей строительства, путей, поднимающих нашу техническую культуру на высший уровень.

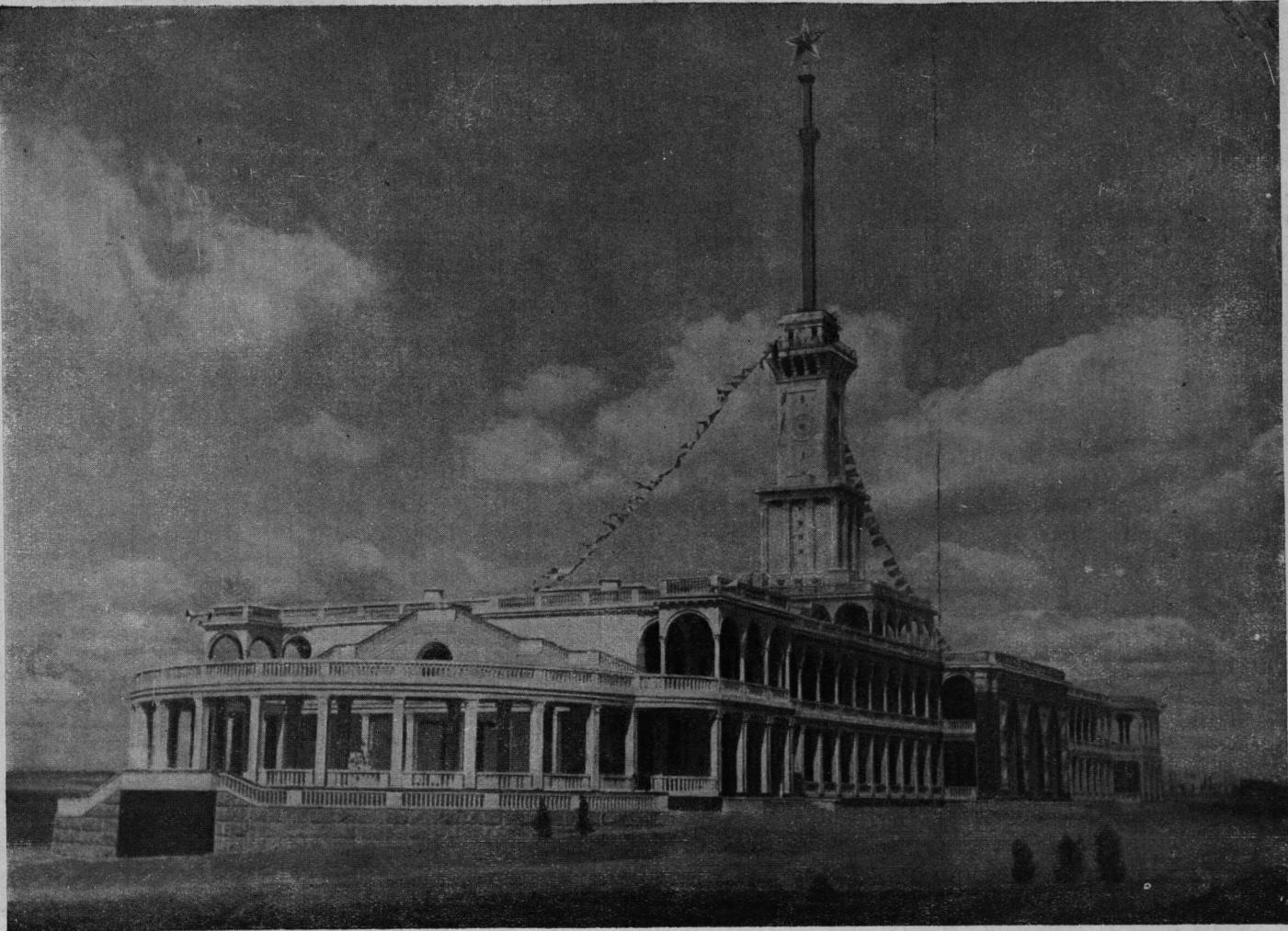

Фундаменты главных опор большого зала

Две концентрических бетонных кольцевых стены высотою в 20,5 м и ширину в 3,5 м. В радиальном направлении стены соединены друг с другом 32 железобетонными балками

Fondation des colonnes constructives de la grande salle

Deux murs en cercles concentriques en béton armé à 20,5 m. de hauteur et 3,5 m. de largeur, réunis entre eux en sens radiaire par 32 poutres en béton armé

Канал Волга-Москва
Речной вокзал в Химках
Арх. А. М. Рухлядев

Canal Volga-Moskova
Gare fluviale à Khimki
Arch A. M. Roukhliadef

АРХИТЕКТУРА КАНАЛА ВОЛГА-МОСКВА

Я. КОРНФЕЛЬД

Вместе с извещением о досрочном выполнении второго пятилетнего плана промышленности и железнодорожного транспорта пришел рапорт об окончании строительства канала Волга-Москва.

Закончено одно из величайших сооружений человечества. Понадоби-

лось всего пять лет, чтобы претворить в дело волю страны и направить в новое русло вековой путь волжских вод.

Совпадение рапортов не случайно — только победы социалистического строительства, только преимущество социалистической системы хозяйства, могли обеспечить успешное строительство грандиозного канала.

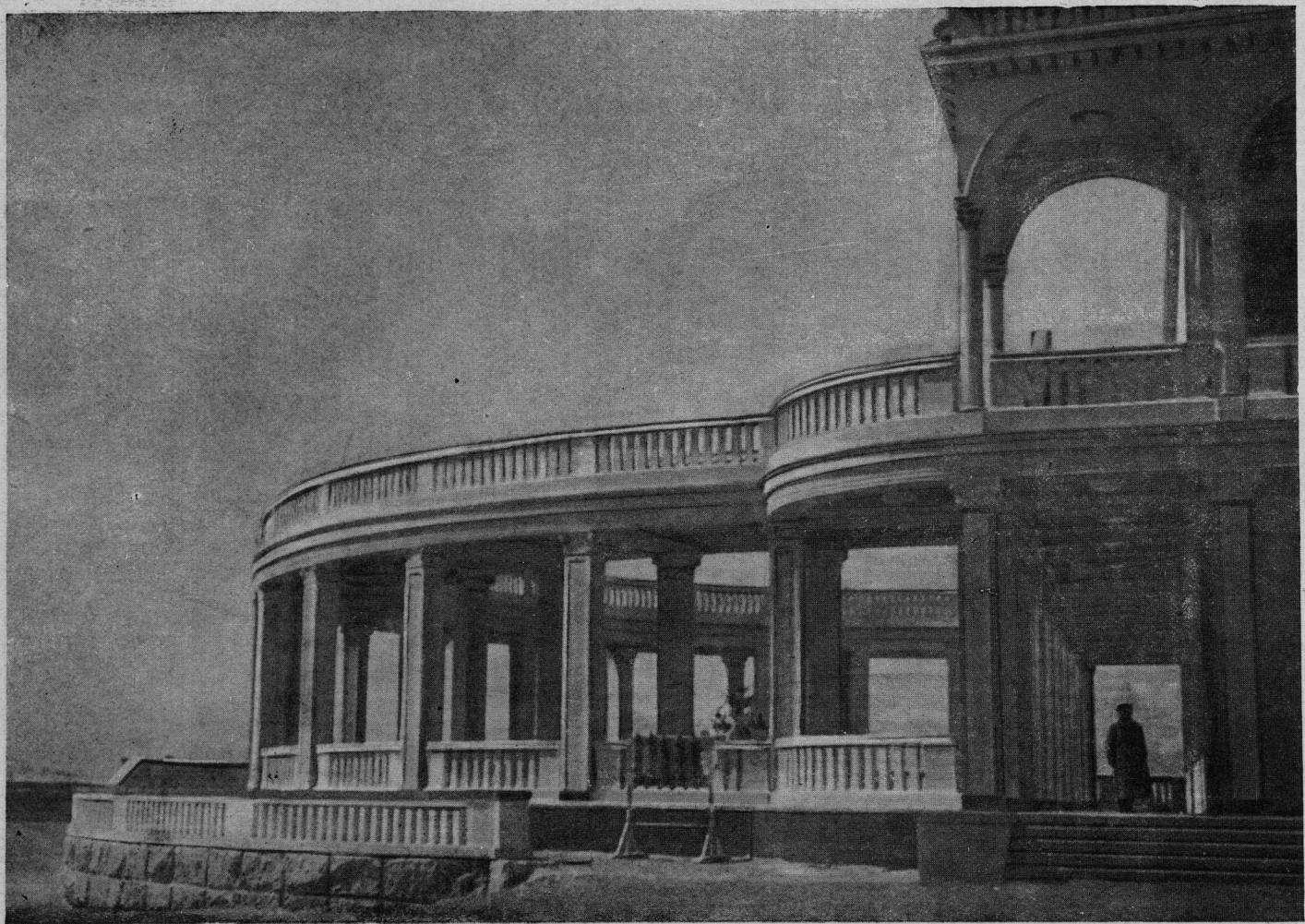
Преодолены огромные трудности: вымыто, вынуто, отвезено 200 млн. кубометров земли, уложено 3 млн. кубометров бетона, смонтировано 50 тыс. тонн металлоконструкций; построено 128 километров канала,

11 шлюзов, созданы огромные водохранилища, плотины, дамбы и бесчисленные сооружения и здания.

Нужно было спасть огромный коллектив сознанием цели и зажечь его огнем энтузиазма, чтобы выполнить этот гигантский труд.

Нужно было вооружить его могуществом совершенной техники и помощью десятков заводов страны, чтобы завершить великое строительство в такой небывало короткий срок.

Строительство канала не только обогатило народное хозяйство важнейшим сооружением, оно вырастило многочисленный и квалифицированный коллектив, который уже прочно

Речной вокзал в Химках. Открытая терраса
Арх. А. М. Рухлядев

Gare fluviale à Khimki. Terrasse ouverte
Arch. A. M. Roukhliadev

спаян с семьей строителей. Выросли и сами руководители, инженеры и архитекторы стройки.

Продолжая славные традиции московского метро, строители стремились не только создать канал для пропуска судов и волжской воды в столицу, — они создавали сооружение, которым будут пользоваться советские люди. Поэтому они заботились и о том, как почувствует себя пассажир канала, что он увидит на канале, и стремились сделать все сооружения его красивыми.

Землемер, гидротехник, строитель, инженер и архитектор создали заме-

чательный ансамбль, органически слитый с окружающей природой. В зеркале вод канала отражаются озелененные откосы берегов, монументальные отвесные бетонные стены шлюзов, упругие очертания пластов, плотин и разнообразные силуэты зданий.

Природа, переустроенная человеком по-своему, приобрела особую прелесть. Архитекторы встретились на канале с своеобразной и благодарной задачей: сочетание архитектуры с зеленью и водой во все времена представляло идеал, к которому стремился архитектор. В данном случае

это сочетание дополнено еще одним элементом — инженерным сооружением.

Стройные здания башен управления служат завершением могучих 20-метровых бетонных стен шлюзов. Конtrаст между концентрированной силой этих стен, подпирающих огромные массы зелени и воды, и легкими формами венчающих зданий хорошо прочувствовано в ряде башен.

Точно так же инженерным сооружениям — мостам, плотинам, водосбросам архитекторы сумели придать выразительную и живописную фор-

Речной вокзал в Химках. Центральный портик со стороны шоссе

Gare fluviale. Portique central du côté de la chaussée

му. Об'емы свободно стоящих зданий получили законченную скульптурную форму, одинаково хорошо организованную со всех сторон.

Здания видны с большого расстояния, и это качество — законченность и организованность об'ема — играет здесь решающую роль, так же как и завершенность композиции силуэта.

В этом отношении башни Яхромского шлюза арх. В. Я. Мовчан и башни шлюзов №№ 7 и 8 арх. В. Ф. Кринского выделяются своими качествами из общего ряда шлюзов.

Башни верхних ворот Яхромского

шлюза еще полностью не закончены, но уже угадывается силуэт, сужающийся уступами кверху и образующий постамент для металлических скульптур, изображающих легкие парусники.

Башни шлюзов №№ 7 и 8 заканчиваются легкими бельведерами из сдвоенных столбов и по углам на тумбах — за парапетом — железными якорями. Эти скромные украшения придают силуэту башен легкость и особую грацию, роднящую башни с водой, с навигацией.

Ритм небольших бельведеров еще больше связывает воедино компози-

цию этих шлюзов. Тот же мотив венчающего бельведера на башнях Икшанского шлюза № 5 арх. Д. Б. Савицкого выглядит менее убедительно. Колонны бельведера, поставленные по кругу, увенчаны тяжелым антаблементом. Ничто не подготовляет перехода от об'ема прямоугольных башен к цилиндрическому бельведеру, и зрительная связь их поэтому недостаточна, развитие силуэта непоследовательно.

Отделка зданий еще не закончена и многие из них еще в лесах, но уже сейчас можно убедиться, что в трактовке формы зданий канала ар-

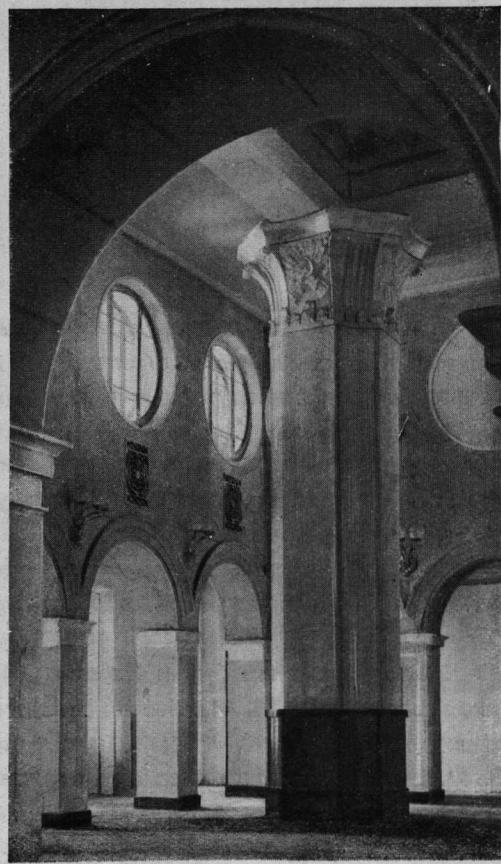
Речной вокзал
в Химках. Башня
Арх. А. М. Рухлядев

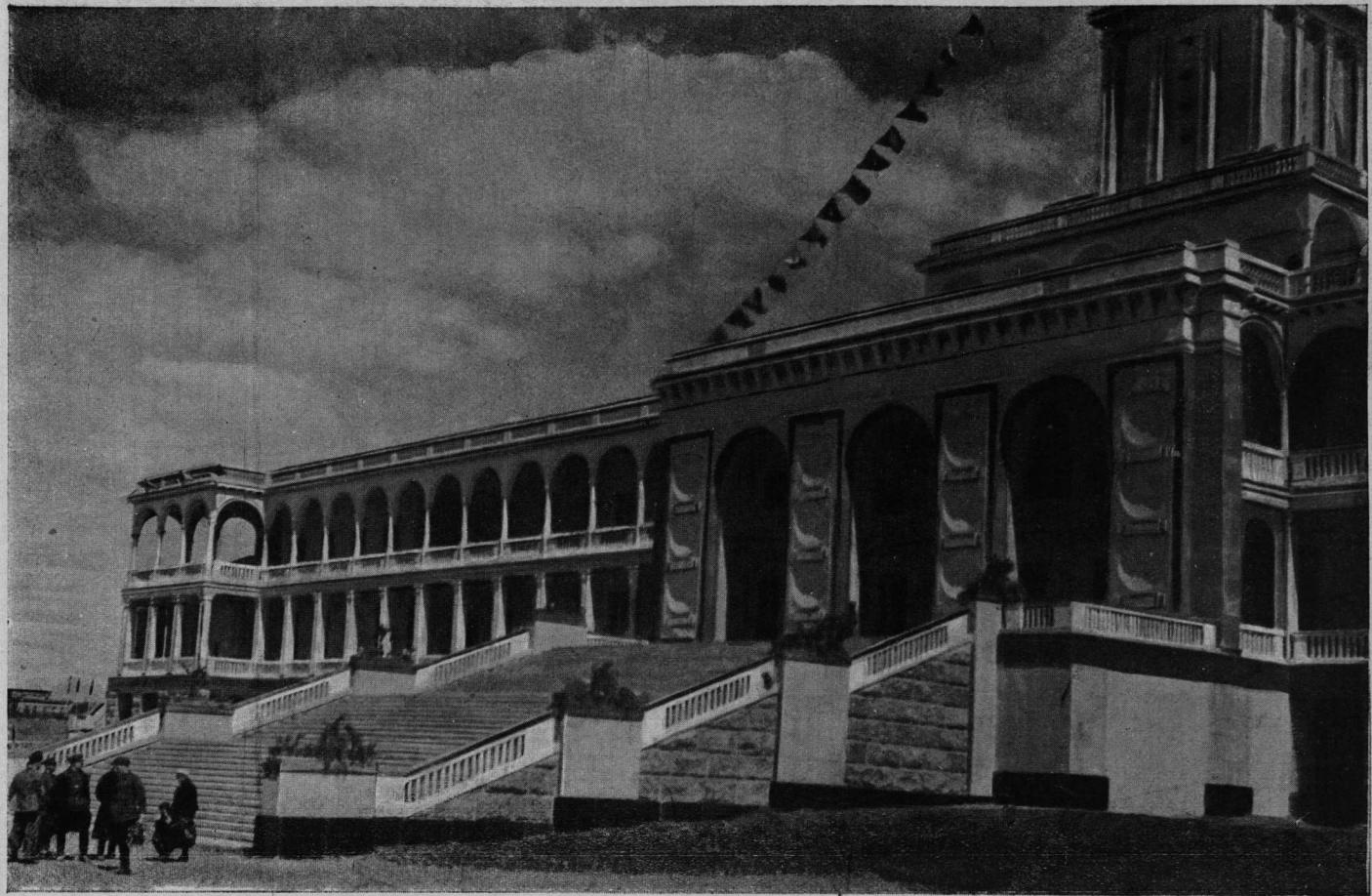
Tour de la gare
fluviale à Khimki
Arch. A. M. Roukhliadev

Вид из центрального
портика
Vue du portique
central

Вестибюль
Vestibule

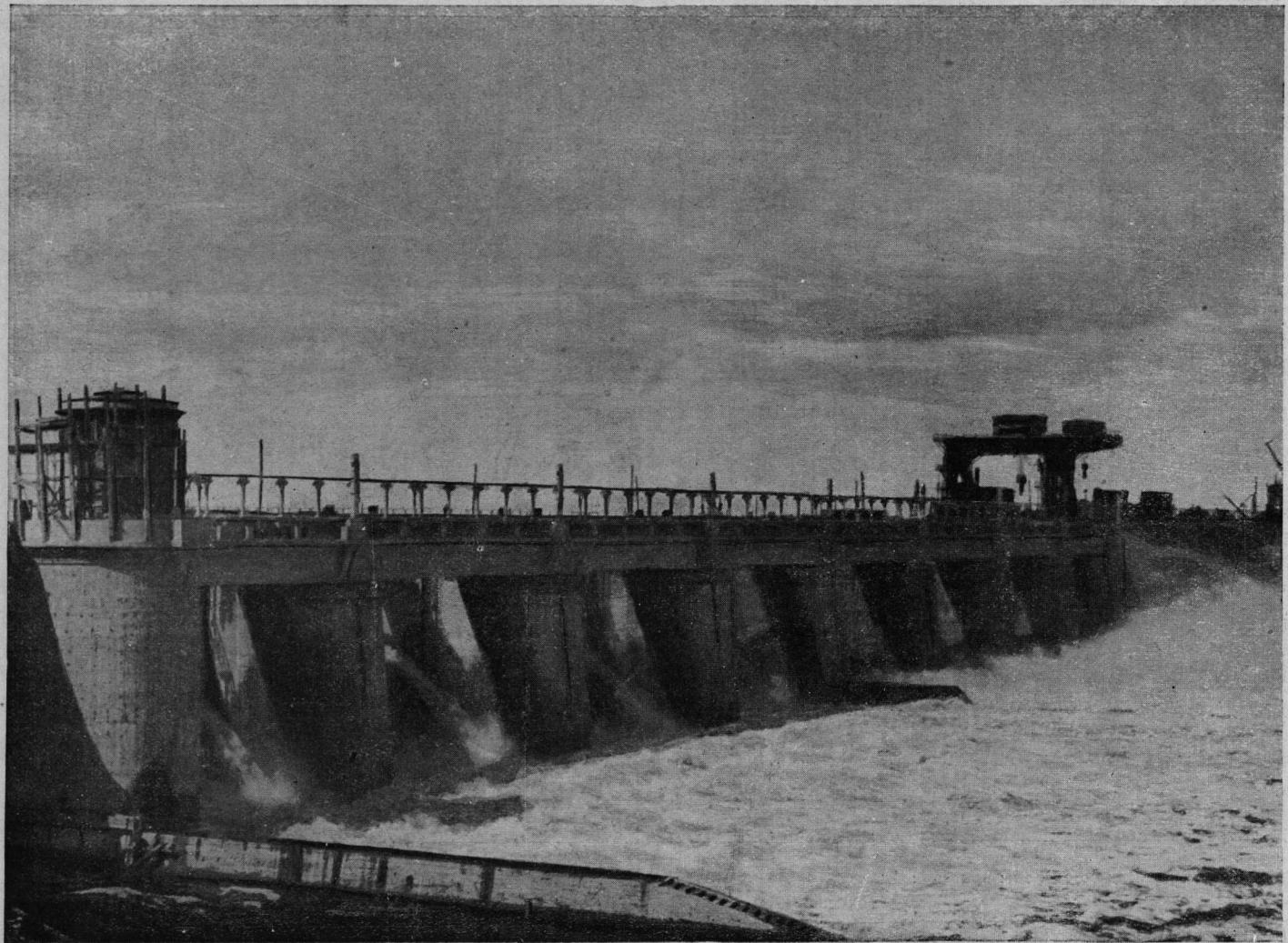
Речной вокзал. Вид со стороны пристани

Gare fluviale. Vue du côté du débarcadère

Фрагмент фасада

Fragment de la façade

Канал Волга-Москва
Волжская плотина
Арх. Я. К. Белдовский

Canal Volga-Moskova
Barrage du Volga
Arch. J. K. Beldovski

хитекторы проявили большое разнообразие приемов.

Не нарушая функциональных требований, точно выполнив задания и габариты, они сумели индивидуально подойти к каждому решению, ставя его в связь с характером пейзажа, с особенностями группировки зданий. Подобно станциям метро, каждый узел канала имеет свое лицо, но в сумме создается единый жизнерадостный ансамбль архитектуры с природой.

Изучение многочисленных сооружений канала и анализ их архитектуры — большой и благодарный труд. Но сейчас можно лишь поде-

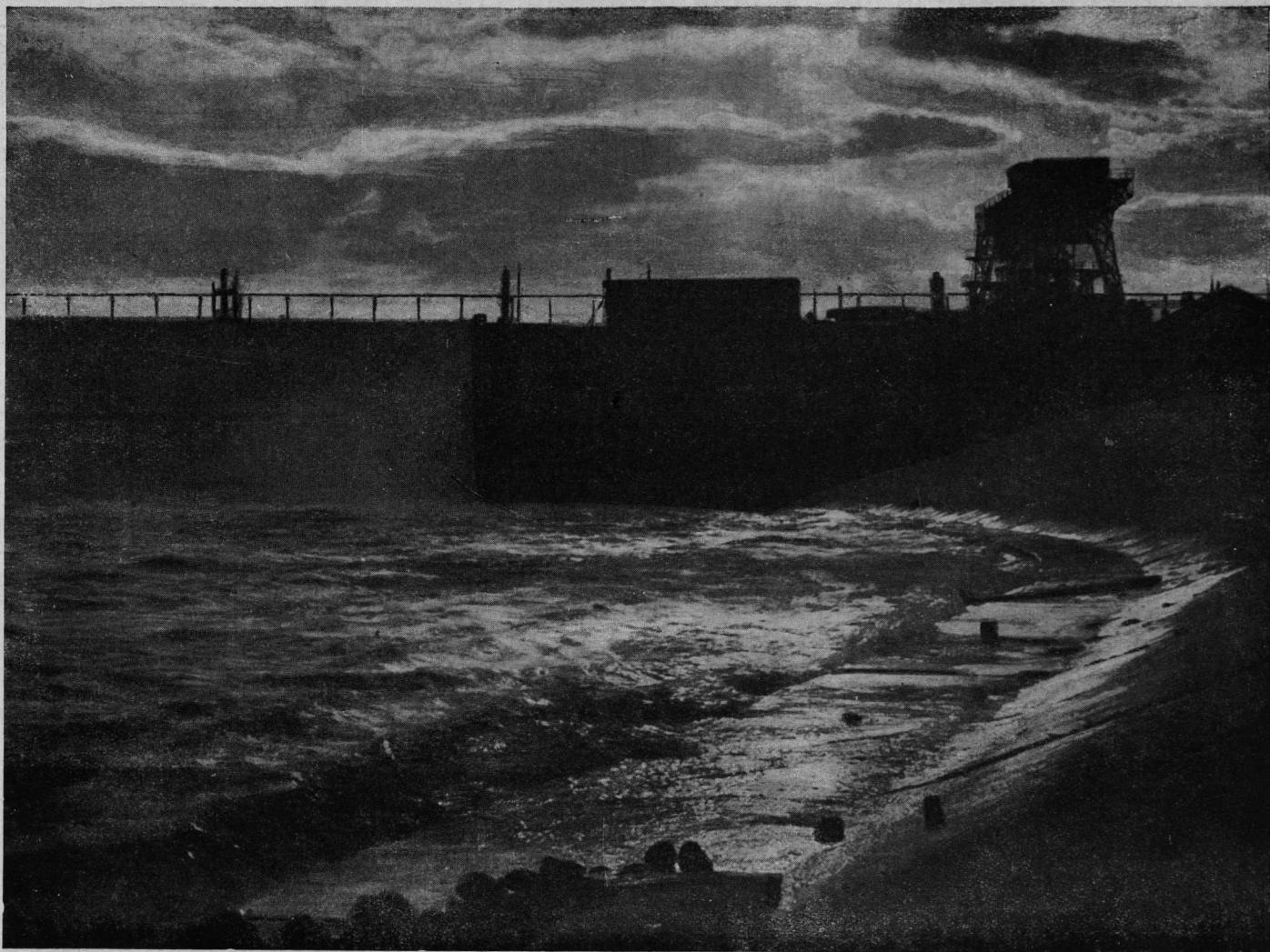
литься первыми впечатлениями от некоторых наиболее законченных сооружений.

Насосная станция Яхромского шлюза выполнена арх. В. Я. Мовчан в сочетании железобетонных и каменных элементов.

Тяжелый гранитный цоколь сложен из крупных блоков, обработанных грубой оконкой; над полукруглыми окнами — арки из клинчатого камня; между окнами выступают пьедесталы. На цоколе высится здание станции, построенное в два ордера. Малый ордер поддерживает средний пояс узкого архитрава, окаймляющего большие витражи, и несет широ-

кий пояс глухой стены. Большой ордер, наложенный поверх малого ордера и стены, несет лишь узкую полосу венчающего антаблемента. Раскреповки большого ордера на углах еще более оттеняют, что он наложен поверх основных элементов здания и не участвует в их работе.

Сочетание гранитного цоколя с железобетонным кружевом витража и глухой стеной над ним создает богатые, но чересчур резкие контрасты, нарушающие гармонию и единство. Распределение усилий и веса частей зрительно воспринимается как недостаточно оправданное. Особенно нарушают конструктивную логику

Волжская плотина
Арх. Я. К. Белдовский

Barrage du Volga
Arch. J. K. Beldovski

формы слишком длинные и тонкие дорические пилястры, разделенные швами на мелкие камни, а также двери в торцовых пилонах.

Из всех насосных станций данная станция имеет наиболее современный характер; в ней сделана самая энергичная попытка самостоятельного и критического освоения классических принципов в применении к современности. Но именно серьезность и трудность поставленной автором задачи обясняет отдельные несовершенства в ее разрешении.

В целом же это производственное здание насосной станции решено в духе большой архитектуры, заодно

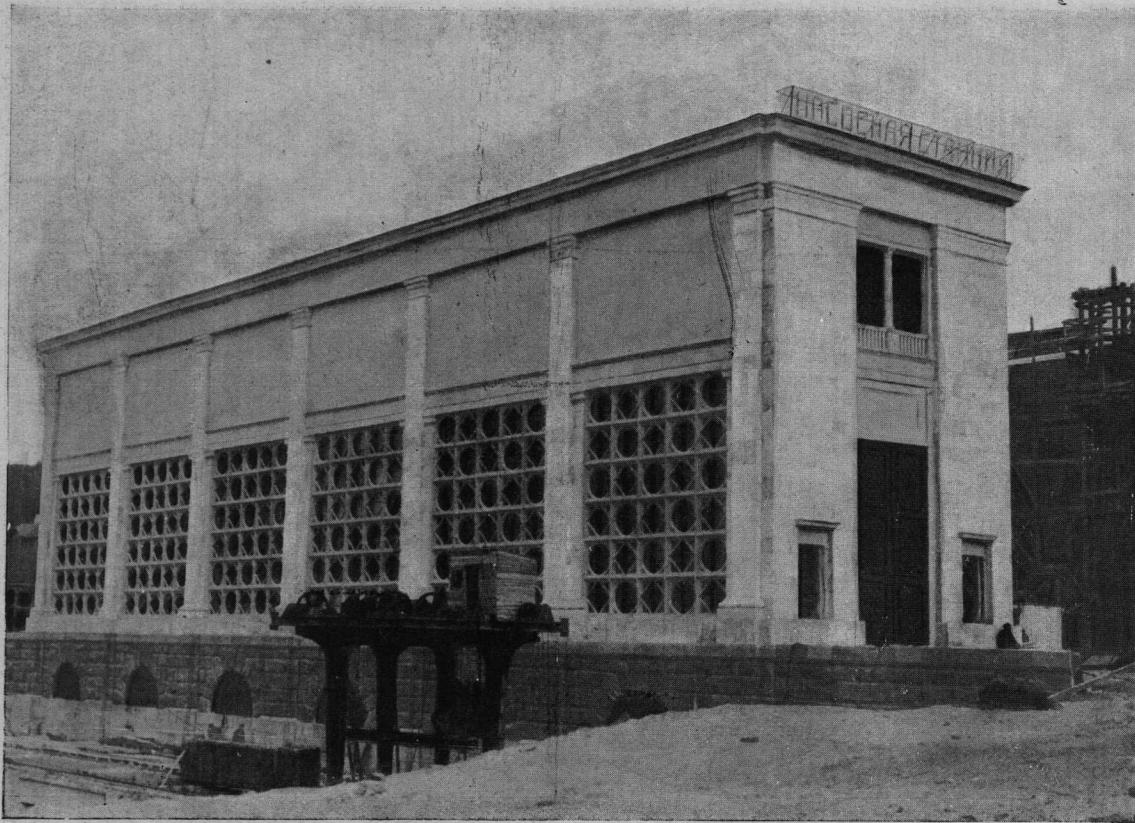
монументальной, грациозной, жизнерадостной. В таком же духе решены другие сооружения шлюза № 3, и в первую очередь башни шлюзов. Превосходное впечатление по законченности и цельности своей композиции производят небольшие башни нижних ворот. Простой и лаконичный прием членений стен башни и большая арка с балконом хорошо насыщают об'ем небольшого здания и придают ему очень торжественный вид. Крупные черты башни хорошо связывают ее с высоким пьедесталом и монументальными стенами шлюза.

Башни шлюзов №№ 7 и 8 спроектированы арх. В. Ф. Кринским в со-

вершенно ином характере — в виде легких павильонов.

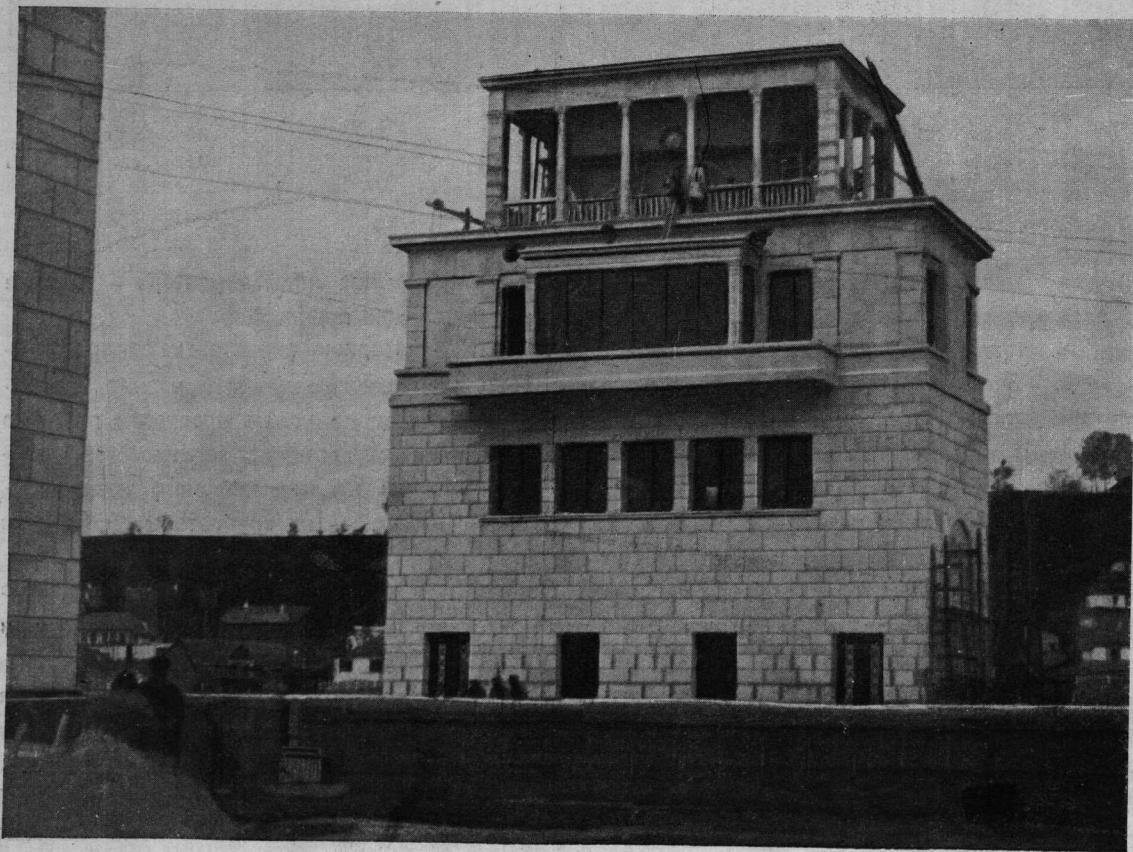
Парные пилястры из полированного зеленого диорита членят и окаймляют по углам плоскости простого параллелепипеда башни. Стены сложены из мелкокованого известняка, цоколь — из грубоотесанного серого гранита.

Сочетание трех пород, трех цветов и фактур создает звучный аккорд, и автор ограничивается поэтому очень небольшим рельефом пилястр на длинных сторонах башни. Издали этот недостаток незаметен, так как контраст цветов стен и членений очень выразителен, но на близком

Канал Волга-Москва
Шлюз № 3
Насосная станция
Арх. В. Я. Мовчан

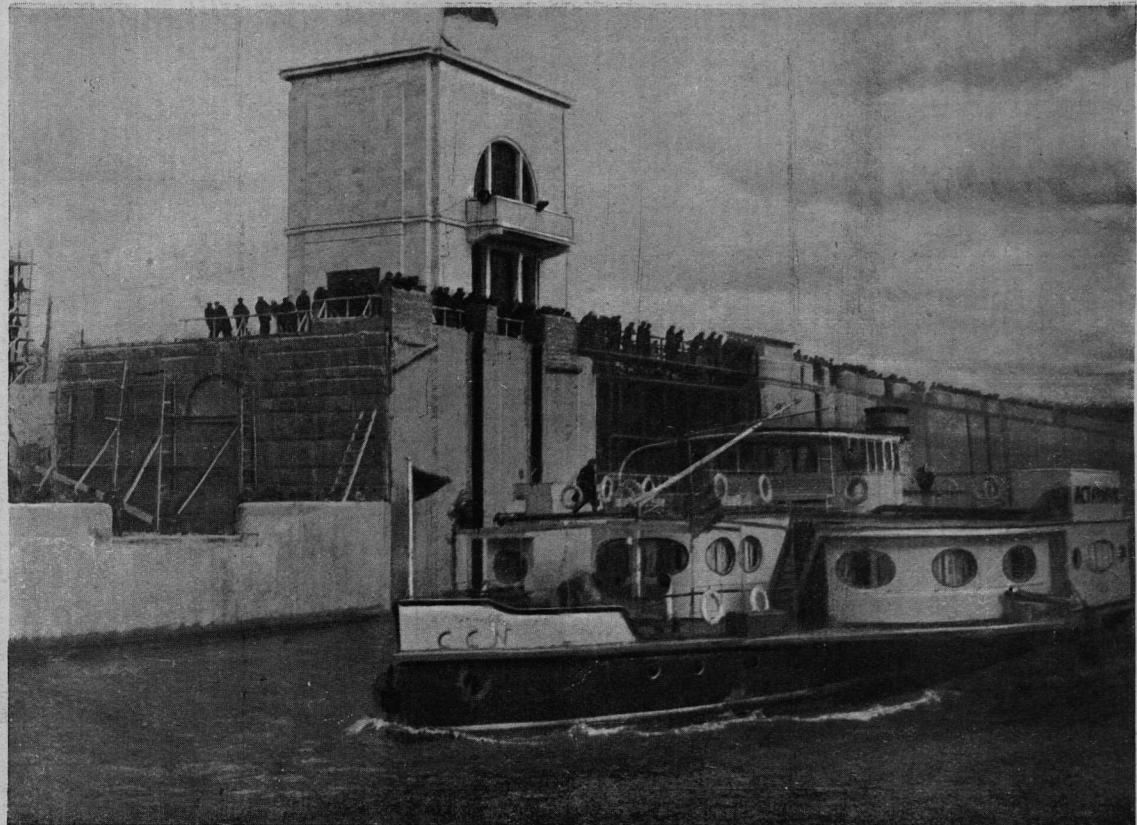
Canal Volga-Moskva
Ecluse № 3
Station de pompage
Arch. V. J. Movtchan

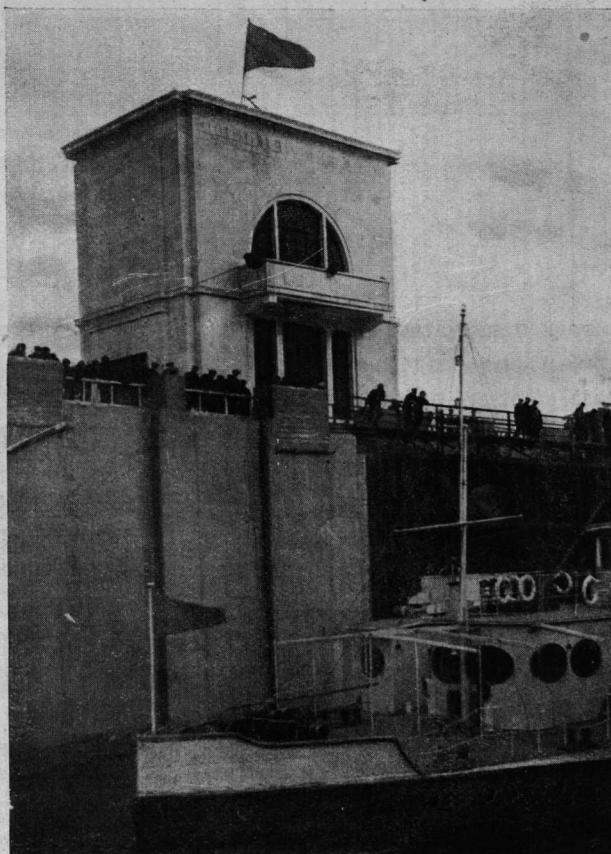
Шлюз № 3
Башня управления
Арх. В. Я. Мовчан

Ecluse № 3
Tour de direction
Arch. V. J. Movtchan

Шлюз № 3
Башня управления
Арх. В. Я. Мовчан

Ecluse № 3
Tour de direction
Arch. V. J. Movtchan

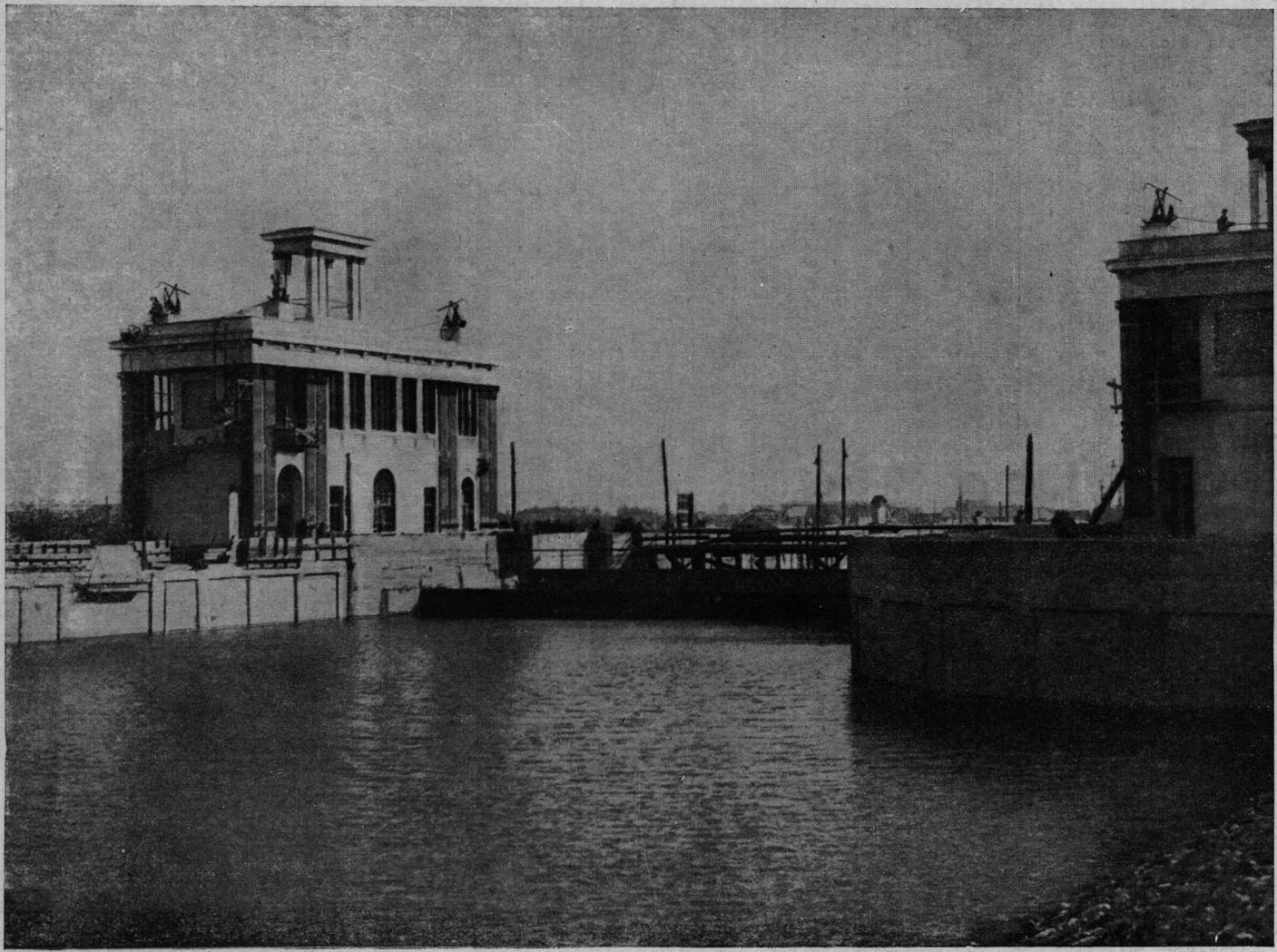
Ecluse № 3
Tour de direction

расстоянии слишком тонкий рельеф пилона несколько «засушивает» здание. Классичная в своей основе архитектура башни прорисована в деталях вполне индивидуально и сдержанно. Стойкие арки первого этажа и мелкочлененный пояс остекления по второму этажу придают зданию легкость современной архитектуры, хорошо контрастирующую с могучими стенами шлюзов.

В узле шлюза № 8 находятся два замечательных сооружения: туннель, в котором проходит под каналом Волоколамское шоссе, и мост, по которому проходит над шлюзом Белорусско-Балтийская железная дорога.

Это исключительное обединение на трех уровнях всех видов наземного транспорта само по себе поражает воображение совершенством современной техники и смелостью замысла. Но строители не удовлетворились одним решением инженерных задач.

Мост, спроектированный инж.

Канал Волга-Москва. Шлюз № 8. Ворота
Арх. В. Ф. Кринский

Canal Volga-Moskova. Porte de l'écluse № 8
Arch. V. F. Krinski

А. С. Бачелис совместно с арх. В. Ф. Кринским, поражает своей легкостью. Превосходно нарисованная арка моста стремительно взлетает над шлюзом и кажется исключительно легкой из-за мелких ребер, расчленяющих ее стекки, из-за кассет по своду, из-за мелкой, тонко нарисованной решетки парапета.

Торцы туннеля выразительно обработаны камнем. На среднем постаменте установлены статуи. Стены туннеля также выложены филенками из камня. Но нужно признать, что в этом сооружении оказались неблагоприятная форма проема и особенно

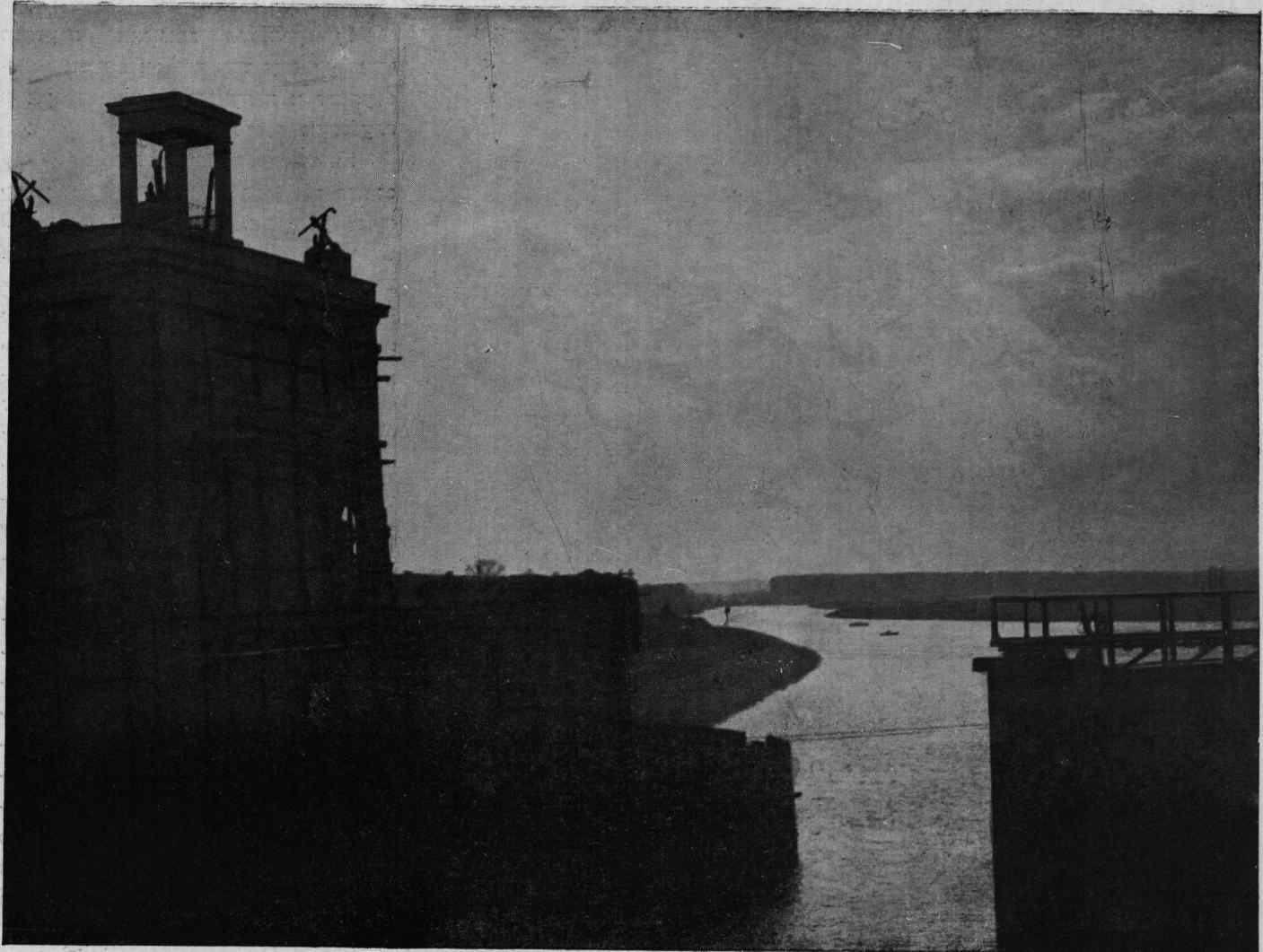
невыгодное впечатление от средней глухой стены, разделяющей туннель надвое. К этому прибавилась и некоторая переоценка качеств самого материала — камня, и недостаточная проработка формы.

Качество инженерного замысла в этом сооружении преобладает над качеством архитектурной формы.

Особенно хочется остановиться на здании водного вокзала на Химкинском водоеме арх. А. М. Рухлядева. Вокзал — самое значительное архитектурное сооружение канала и, несомненно, одно из самых замечательных сооружений нашей столицы. Ар-

хитектура вокзала создает звучный и мажорный аккорд, заканчивающий радостные впечатления от поездки по каналу. Вокзал задуман исключительно удачно. Протяженный горизонтальный корпус с закругленными торцами несет в центре высоко взлетающую башню, увенчанную стальным шпилем и золоченой звездой. Первое впечатление вызывает ассоциацию с огромным океанским пароходом, и это впечатление не только от формы об'ема, но и от поразительной легкости всего сооружения.

Тело здания обнесено кругом поэтажными поясами террас; частый

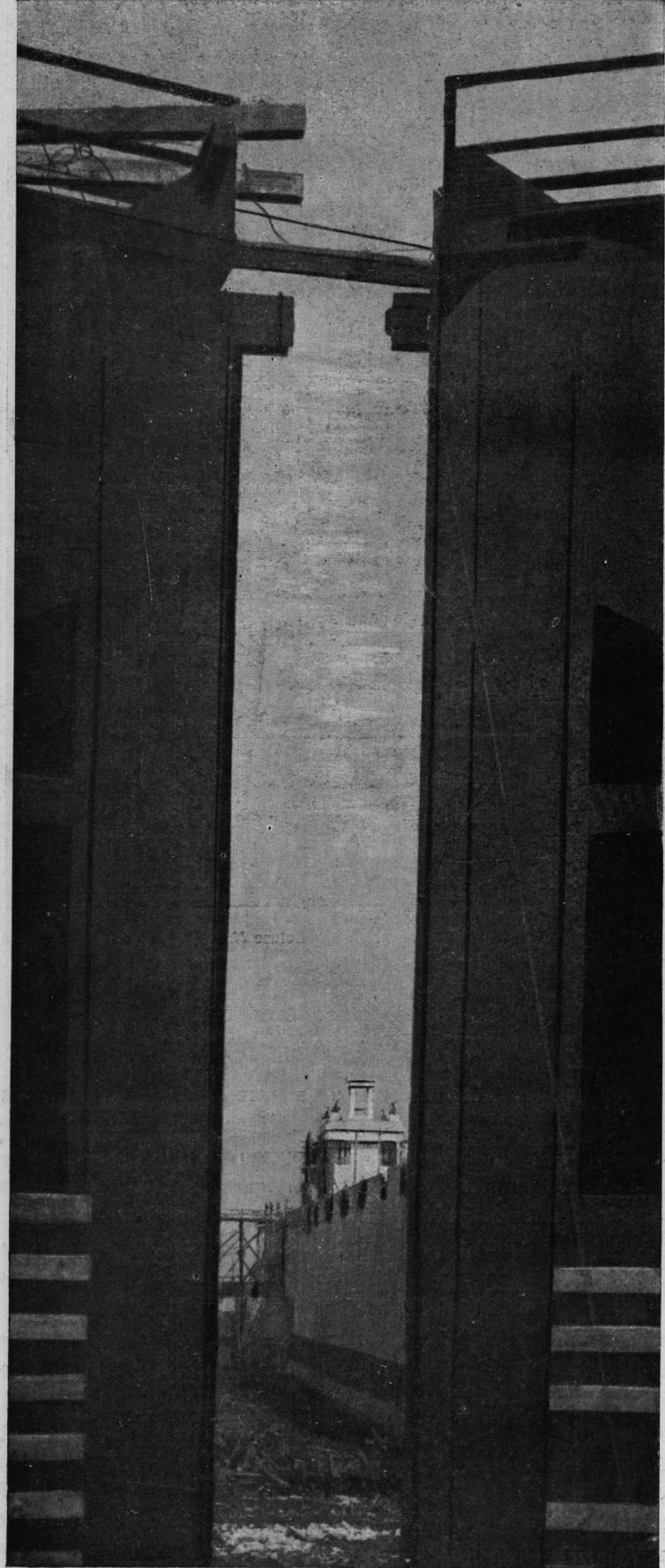
Шлюз № 8. Выход в Москву-реку

Ecluse № 8. Entrée dans la Moskova

ритм их столбов, обегающих вокруг всего здания, сообщает ему легкость и динамичность. Резкий взлет башни еще более усиливает это впечатление динамичности. Со стороны пристани к верхним двум поясам прибавляется цокольный пояс. Соотношение высоты основного корпуса и башни с этой стороны отлично найдено и производит гармоничное впечатление. Со стороны же шоссе на далеком расстоянии соотношение двухэтажного корпуса с башней менее благоприятно. В этом, пожалуй, единственное серьезное замечание. И, нужно сказать, автор, повидимому, не имел в

виду отдаленных точек зрения со стороны шоссе: на полосе, отделяющей здание от шоссе, уже сейчас произведена разбивка большого парка и посадка деревьев. В ближайшем будущем эти деревья ограничат желательные расстояния для восприятия здания. С более близких расстояний здание открывается в неиссякаемом богатстве превосходных и живописнейших ракурсов. «Обыгран» каждый уголок здания. В центре, по обеим сторонам здания, величественные и, вместе с тем, легкие трехарочные портики обединяют оба этажа. Со стороны канала перед порти-

ком на высоте цоколя — гигантская лестница. Масштабы элементов портиков крупны и ясны, детали пластичны и просты; в целом портики создают убедительное основание, на котором развивается вертикаль башни. Значение портиков усилено еще тем, что здесь только применен в заметных количествах для отделки естественный камень — превосходный по цвету, зеленоватый, полированный диорит. В сочетании с белым заполнением штукатуренных стен и серым гранитом ступеней диорит создает богатую гамму цвета и фактуры.

Ecluse № 8

Центральное значение портика усилено еще тем, что он заметно выступает и получает подчеркнутую и глубокую светотень.

На торцах вокзала столбы первого этажа обегают по полукругу и образуют дворики, обнесенные открытой террасой. Снаружи по периметру террас — полукольцо лестниц и пандусов, соединяющее дворики с уровнем земли. Эти лестницы очень искусно привязывают здание к меняющимся уровням земли и создают переход от двух- к трехэтажному корпусу. Посредине двориков — фонтаны, на торцовой стене здания — лестницы, соединяющие террасы второго этажа с плоской крышей вокзала.

Плоская крыша великолепно разработана. Огромная площадь ее оживлена хорошо оформленными фонарями и скамьями, окружающими призмы вытяжек. Поверхность крыши обработана асфальтом с инкрустациями крупного узора из розового мрамора. Узор придает крыше большую нарядность и устраниет обычную будничность и монотонность серого асфальта.

Главным украшением крыши служит башня. Обнесенная по нижнему уровню мелкой аркадой на тонких колоннах башня легко опирается на крышу и так же легко и стремительно вздымается над ней. Рисунок башни зрелый и уверенный. Крупные членения, крупный рельеф, хорошо прорисованный силуэт. Наверху башня заканчивается уширенным поясом, вынесенным на консолях.

Пластичность форм здания достигнута скучными средствами, без всякого перенасыщения. Карнизы, тяги, кронштейны и другие детали — простого и уверенного рисунка, хороши в пропорциях и найдены в рельефе.

Масштабность — основное качество здания в целом и в деталях. Мелкие ритмы столбов и аркад подчеркивают эту масштабность, и здание

Железнодорожный мост через шлюз № 8
Инж. А. С. Бачелис. Арх. В. Ф. Кринский

Pont de chemin de fer au-dessus de l'écluse № 8
Ing. A. S. Batchéllis. Arch. V. F. Krinski

приобретает уютный человеческий облик, лишенный всяких признаков « вокзальной » холода.

Внутри здание еще далеко не закончено, но впечатление уже сейчас очень благоприятное. Высокий вестибюль под башней с четырьмя могучими, своеобразно нарисованными пилонами. Рядом низкие переходы, затем опять высокие залы буфета и ожидания. В зале буфета наиболее законченном — очень приятная гамма тонов зеленых стен искусственно-го мрамора, разграфленных редкими золотистыми полосами. Здесь удачна также тонко нарисованная ореховая панель, оставленная в натуральном цвете и фактуре и сочетающаяся с полированными филенками. В этом

сопоставлении много хорошего вкуса и знания материала и цвета. Этот вкус проявлен и в многочисленных деталях отделки, в рисунках мебели, металлических деталей, люстр, превосходно выполненных в меди и узорном молочном стекле.

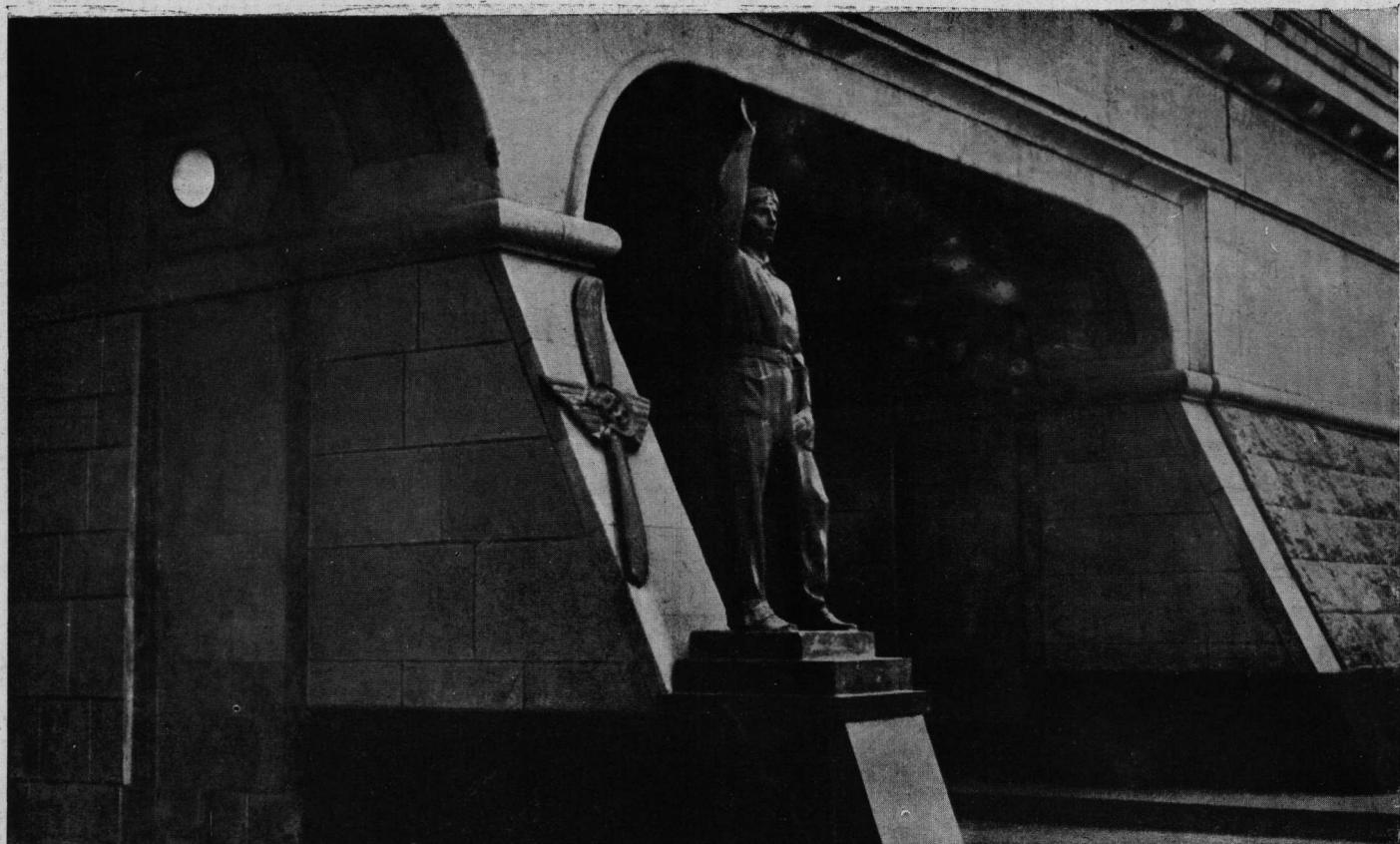
Интерьер отделяется с большой заботой: узоры мраморных и паркетных полов, решетки вентиляции, решетки на радиаторах — все обдуманно и на месте.

Качество выполнения работ убедительно свидетельствует о постоянном руководстве опытного архитектора и внимательном выполнении работ всем коллективом строителей.

Эту черту можно проследить и на остальных постройках канала. Ло-

зунг «архитектор на леса» здесь полностью претворен в дело. Архитекторы неотступно участвовали в выполнении строительства, и это сказалось и в хорошем качестве выполнения работ, и в том, как внимательно использованы качества фактуры и цвета материалов во всех бесчисленных мелочах.

Канал явился великолепной школой для непосредственных участников его строительства. После архитектуры метро, которая так разнообразно и углубленно раскрыла проблемы архитектуры интерьера, Волгаканал исключительно широко развернул архитектуру экстерьера на природе. Организация об'ема и его силуэта, масштабность, пропорциональ-

Туннель
Волоколамского
шоссе
под каналом
Волга-Москва
Скульпт. Д. П. Шварц

Tunnel de la route de
Volokolamsk sous le
canal Volga-Moskova
Sculpteur
D. P. Schwartz

Скульптура
парашютистки
Скульптор
Д. П. Шварц

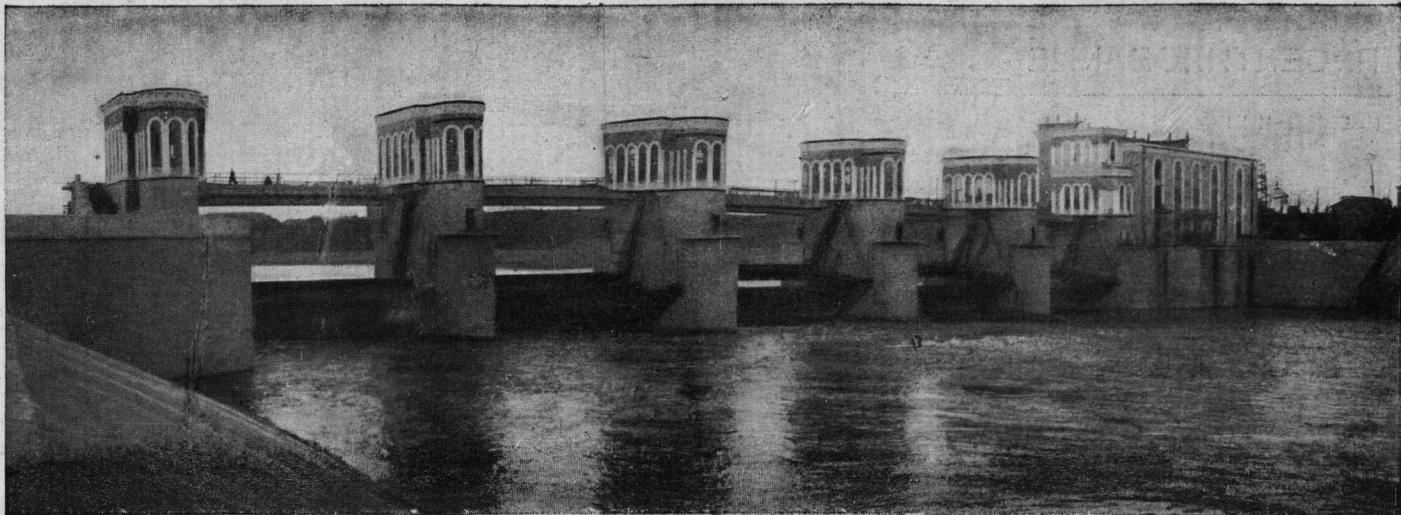
La parachutiste,
sculpture par
D. P. Schwartz

ность и гармоничность членений, пластичность элементов и их деталей, светотень, материал — его фактура и цвет, — все эти проблемы серьезно поставлены и своеобразно решаются в многочисленных сооружениях канала.

И хотя в основу каждого сооружения положено изучение различных эпох античной архитектуры или архитектуры ренессанса — это не помешало архитекторам сказать свое слово на своем, самостоятельном языке, — на языке советской архитектуры.

Здания канала об'единены современным отношением к материалу, к технике строительства, к технологической функции и тем особым выражением жизнерадостности и красоты, которое характеризует нашу, советскую эпоху и которое делает во всем огромном ансамбле каждое, даже самое утилитарное, строение источником эстетического наслаждения.

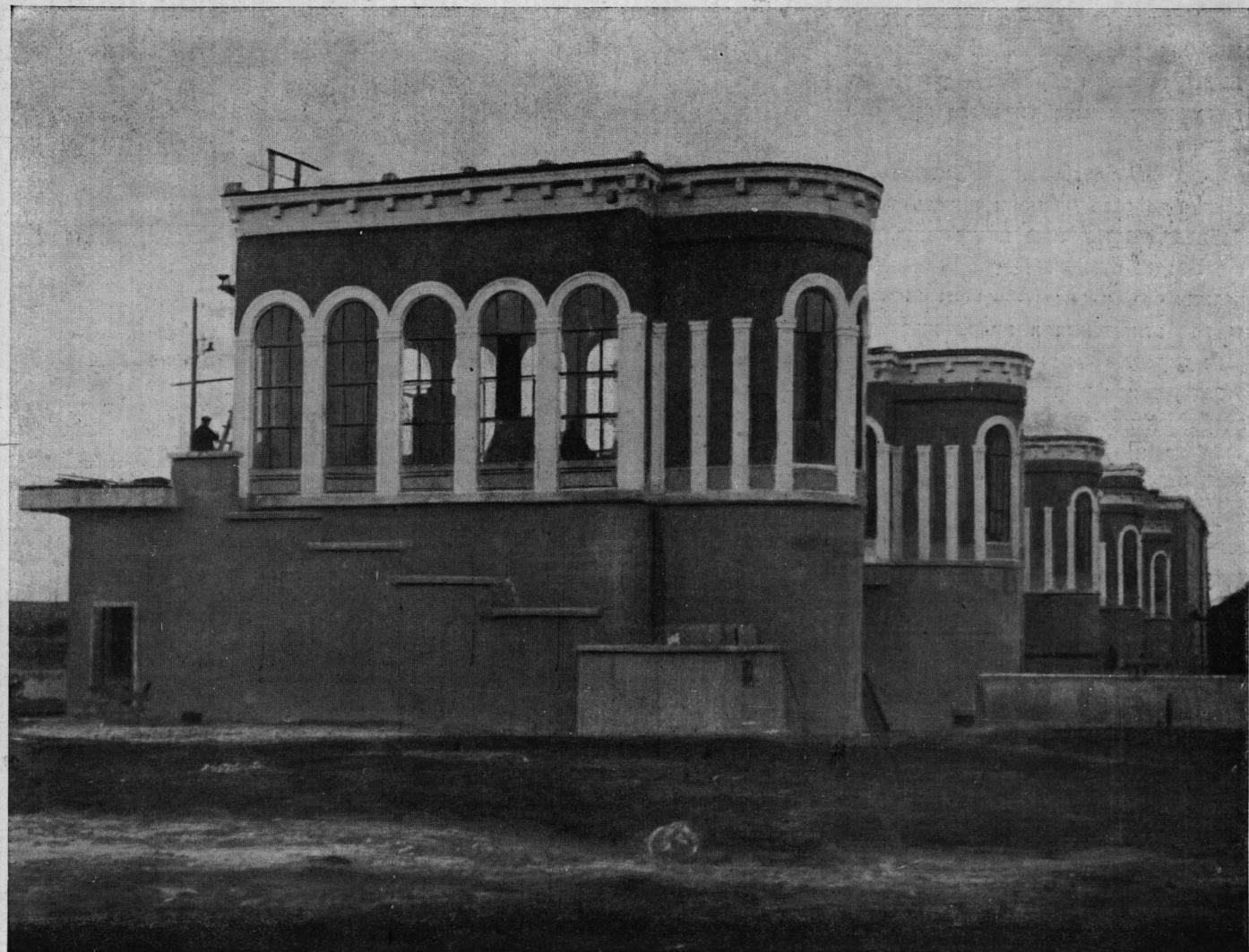

Карамышевская плотина
Арх. А. М. Рухлядев

Barrage de Karamychevo
Arch. A. M. Roukhlyadev

Карамышевская плотина

Barrage de Karamychevo

ТИПОВОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

Н. БЫЛИНКИН

Существует два отношения к типовому проектированию.

Одни говорят, что типовое проектирование порочно по самому существу своему, что оно несовместимо с понятием: архитектура — искусство.

Другие полагают, что оно прекрасно совмещается с любым зданием и что можно и пора иметь типовые проекты на все случаи жизни: типовые театры, клубы, дома советов, целые кварталы, поселки и даже... города.

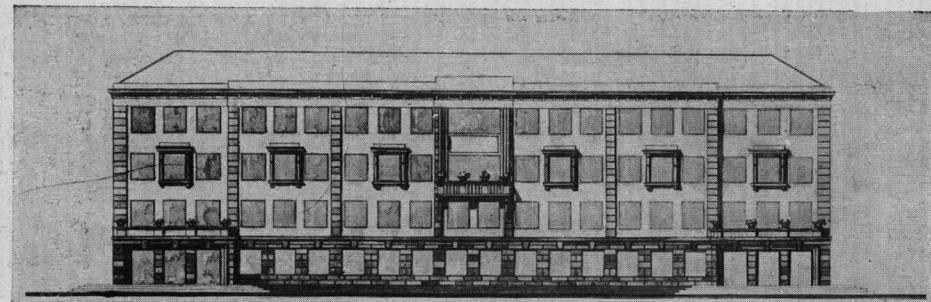
Прежде всего — о природе этих крайних утверждений. Первое суждение, главным образом — результат печального опыта типового проектирования, методология постановки которого и качественные показатели могли до сего времени питать только пессимистические настроения.

Второе суждение — результат чиновничьего, равнодушно-исполнительского отношения к правительственныем директивам: выполнить и рапортовать, а как выполнить — это дело второстепенное.

Постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1936 года об улучшении строительства действительно говорит о необходимости широкого применения типовых проектов, о развитии типового проектирования, о повторном использовании лучших решений и т. д.

Что имело в виду это постановление? Прежде всего массовое строительство сооружений, осуществляющих очень важные общественные функции (школы, детские сады, ясли, родильные дома и т. д.).

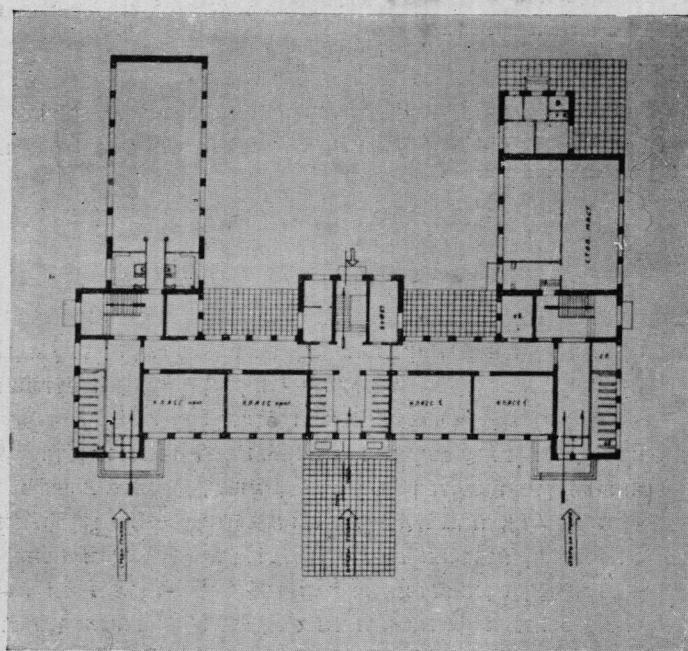
Удельный вес этого строительства велик, оно поглощает огромные капиталовложения. Естественно, что

Типовой проект школы на 880 детей. Фасад
Архитектурная мастерская Наркомпроса

Projet-type d'une école pour 880 enfants
Façade. Atelier d'architecture du
Commissariat du peuple à l'instruction
publique

Типовой проект
школы на 880 детей
План 1-го этажа

Projet-type d'une
école pour 880 enfants
Plan du rez-de-
chaussée

Здание школы
в г. Калинине,
выстроенное в 1936 г.
по типовому проекту
архитектурной
мастерской
Наркомпроса

Ecole dans la ville
de Kalinine bâtie en
1936 d'après le
projet-type de
l'atelier d'architecture
du Commissariat du
peuple à l'instruction
publique

государство требует в данном случае наиболее эффективного расходования каждой советской копейки. Необходимы не просто здания, отвечающие тем или иным потребностям, но совершенные здания, наиболее продуманные, наиболее целесообразные, сочетающие высшую архитектуру с максимальной экономией средств — государство требует типовых решений.

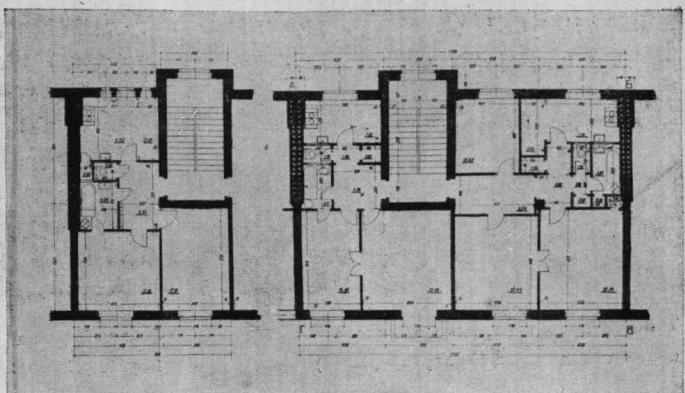
Таким образом, первая задача, которую ставило правительственные постановление, была: создание совершенных архитектурных типов для всех видов массового строительства. Задача эта требует огромных знаний, мастерства, пристального изучения советской действительности, требует вдохновения художника и гражданина.

Типовой проект 4-этажного жилого каменного дома (ВСКХ)
Планы жилых секций

Проект-type d'une maison d'habitation en pierre de 4 étages
Plans des sections

Типовой проект
жилого 5-этажного
каменного дома
на 60 квартир (ВСКХ).
План жилой секции

Проект-type d'une
maison d'habitation
en pierre de 5 étages
pour 60 logements
Plan d'une section

Типовые проекты должны были обеспечить снижение стоимости строительства путем создания в проектах предпосылок для его индустриализации.

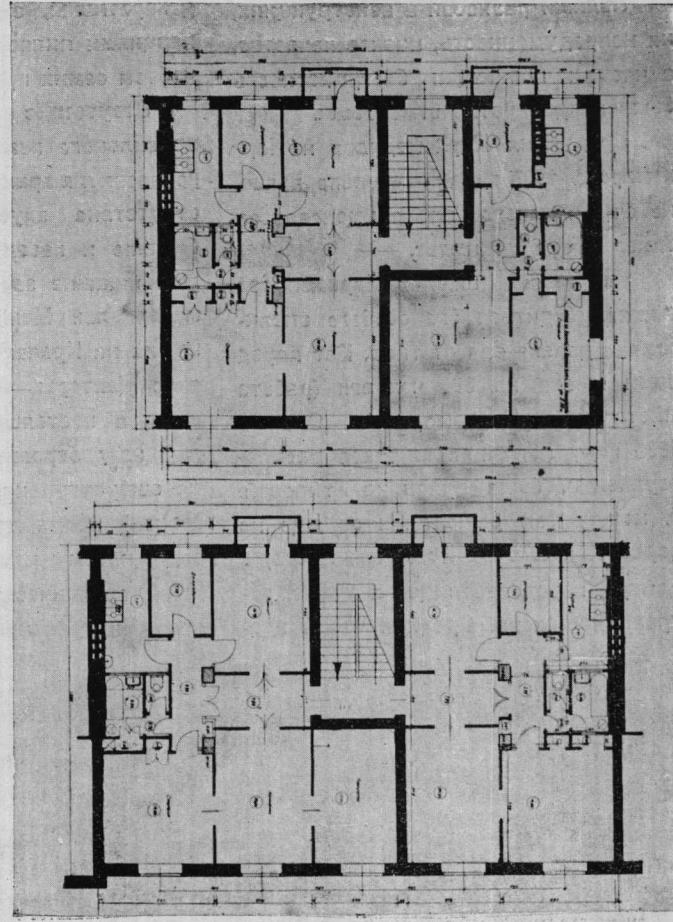
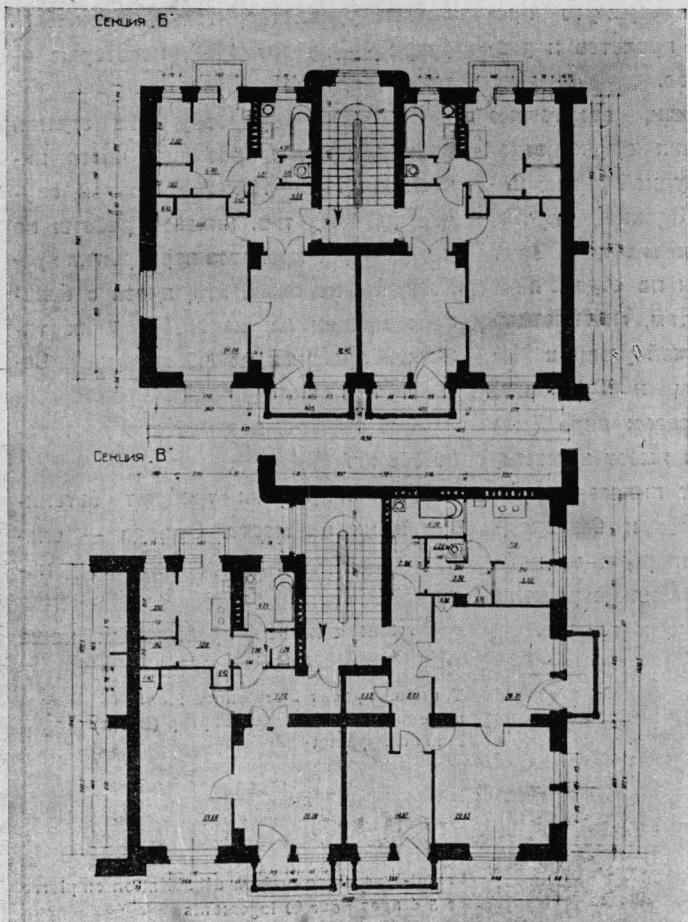
Здесь, где капитальные затраты так огромны, каждый лишний процент снижения означал бы лишние сотни тысяч кубов сооружений.

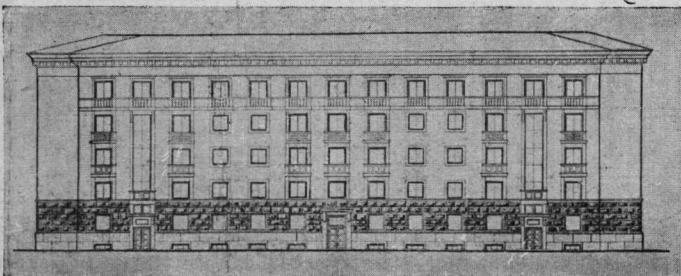
Само собой понятно, что наличие совершенных типов сооружений на все виды массового строительства сокращало бы и стоимость проектирования по отношению к затратам на строительство.

Как же некоторые проектные организации поняли эту задачу и как ее разрешили?

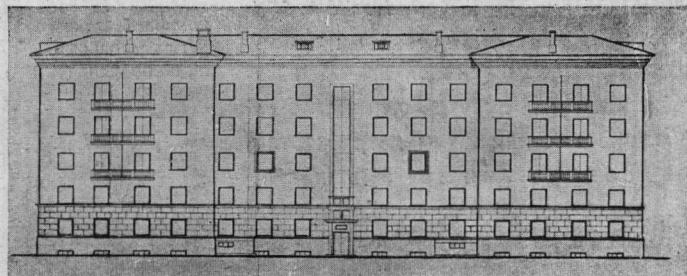
Типовой проект 5-этажного жилого каменного дома на 56 квартир (ВСКХ). Планы жилых секций

Проект-type d'une maison d'habitation en pierre de 5 étages pour 56 logements. Plans des sections

Типовой проект 5-этажного жилого каменного дома на 40 квартир (BCKX)

Главный фасад
Façade principale

Дворовый фасад
Façade sur cour

Projet-type d'une maison d'habitation en pierre de 5 étages pour 40 logements

Детские сады проектирует Наркомпрос, детские ясли — Наркомздрав, а на квартале они часто стоят друг против друга. В типовой продукции 1936 года конфигурация планов детских учреждений была просто отчаянной. Отведенный Наркомпросом срок на создание «совершенных типов» позволил проектировщикам лишь кое-как функционально решить здание, ни о какой архитектурной композиции не было и речи.

Полный разнобой в конструкциях, их непродуманность, низкое качество, а часто и вопиющая безграмотность были неоднократно отмечаемы.

Продукция Наркомздрава и Наркомпроса 1937 года несколько выше, но еще никакого права именоваться типовой она не имеет.

На любой школе Наркомпроса можно убедиться без особого анализа, как далека она от типа. Вот перед нами школа на 880 человек (работа мастерской Наркомпроса). Она в 1936 году получила широкое распространение, была признана типовой. А между тем даже план ее еще не доработан. В самом людном месте, в центре, перед лестницей в буфет, рекреация сужена. Средняя часть зда-

ния, неизвестно почему, раскрепована, выделена парапетом и иной — против крыльев — обработкой стены, хотя по всему фронту идут обычные классные помещения. Но и этот сомнительный формальный прием до конца изуродован двумя бородавками вестибюлей по концам здания школы. Эти одноэтажные пристройки рустованы, так же как и несущий первый этаж здания.

Пилястры средней части нелепо декоративны, это подчеркнуто пропорциями пилястр и пролетов и разномобием самих пролетов.

Отсутствие логики, отсутствие правильного понимания органического развития архитектурной формы и — отсутствие вкуса. Здание мертвое, безлико и казенно, и его не спасут уже никакие затраты на отделочные материалы. Между тем, «нетиповая» школа на Крапотинской улице в Москве (авторы — Барщ и Зундблат) даже в настоящем своем виде (она еще не достроена, не имеет карниза, не оштукатурена, нет пилястр и рустовок) полна теплоты и благородства, потому что пропорции ее найдены, органически правильно решена стена, проявлены вкус и правда.

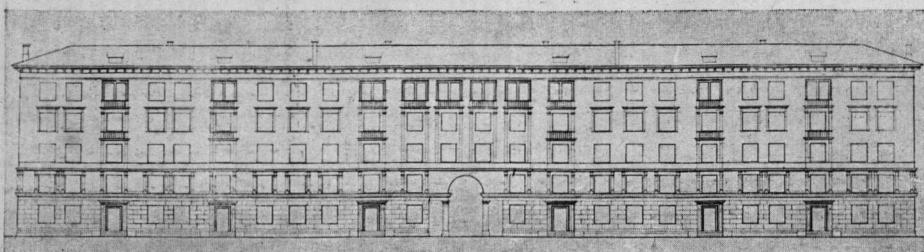
Высший совет коммунального хозяйства издает массовыми тиражами типовые проекты жилых домов.

«Типового» в них — только название. Никаких задач типизации и стандартизации элементов жилья проекты эти не ставят. Характер проектов случаен, как вероятно и сами обстоятельства, в виду которых они стали типовыми. Просто собраны и изданы проекты, утвержденные НТС'ом. Некоторые планы квартир вполне удовлетворительны (арх. К. И. Джус — проект 1/37), некоторые — просто плохи.

Ширина корпуса у всех зданий разная, причем разница часто ничтожная (11,30—11,45 м, в другом случае 12,70 м), т.-е. никакой работы по унификации пролетов перекрытия произведено не было. Ряд ячеек с большим процентом железобетонных тяжелых прогонов по 6,5 м длины. Сечение их определяется размерами 60 × 40 см, т.-е. вес прогона достигает 580 кг.

Такие прогоны требуют бетонировки их на месте. Отсюда — опалубка, задержка кладки, лишние деньги.

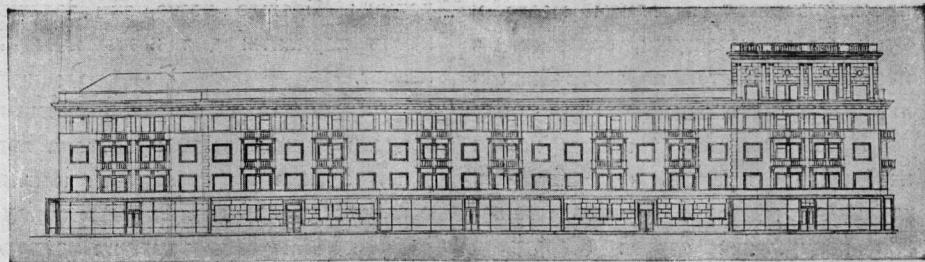
Если считать правильным наше

Типовой проект 5-этажного жилого каменного дома на 60 квартир (BCKX)
Главный фасад

Projet-type d'une maison d'habitation en pierre de 5 étages pour 60 logements
Façade principale

Типовой проект 4-этажного жилого каменного дома (ВСКХ). Главный фасад

Projet-type d'une maison d'habitation en pierre de 4 étages. Façade principale

понимание типа как наиболее совершенного, то спрашивается — почему именно эти проекты стали типовыми: есть ведь десятки несравненно более экономичных и целесообразных решений.

Далее, фасады даны как «примерные» решения, которые должны еще претерпеть изменения по соображениям рельефа, ансамбля и т. д.

Последуем мысленно за проектом. В Туле, в Калинине, в Торжке, в Петрозаводске, в Кинешме, в Рязани проект ВСКХ (учреждение центральное) рассматривается. В большинстве случаев его примут к исполнению без переделок (не переутверждать же снова, «да лучше и не сделаешь», и тому подобные рассуждения), а если и захотят коснуться фасада по тем или иным соображениям, то все же «примерное решение» будет исходным. И города эти получат в «типовом» порядке плохие здания. Типовой проект должен быть простым, технически выполнимым в условиях периферии и в то же время выразительным и логичным.

Что же мы имеем в типовых проектах ВСКХ? Та же архитектурная каша и дурной вкус, что и в школе Наркомпроса (за редкими исключениями).

Приведенные снимки не нужда-

ются в комментариях. Пропорции произвольные, часто в ущерб всей идее фасада, детали грубы, фасады по улицам резко выделяются против дворовых (проект 6/37, где даже карнизы дворового фасада стал иным); как правило, непонимание необходимости тектонического оправдания формы в зрительном восприятии ее (проект 1/37, где тонкие в виде балаянин стойки, перекрытые архитравом, нагружены зрительно тремя этажами сверху).

Многие усердные хозяйственники, всемерно экономя на проектировании, предпринимают поиски по архивам. Последние довольно бойко снабжают их совершенно случайным продуктом. Главки при утверждении интересуются, главным образом, сметой («раз проект когда-то был рассмотрен, значит он годен и нам»...).

В том же случае, когда совестливому проектировщику или организации приходится поневоле «приспособить» такой типовой проект — работа над ним несет с собой кучу скрытых расходов, мало уступающих цене нового проекта, — и все же дает не до конца доброкачественную продукцию.

Проекты школ под маркой Наркомпроса, жилых домов под маркой ВСКХ, — продукция, апробированная в центре, становится мерилом архи-

тектурной ценности на местах. Она начинает «делать политику», вызывать подражание, воспитывать вкусы.

Думают ли те товарищи, коим поручено типовое проектирование, о той огромной культурно-воспитательной роли, которую приобретает их работа, и о той ответственности, которая на них лежит?

Ведь радиус действия здания-одиночки и здания многократно повторенного, это — разные вещи. Нам кажется, что никто до сих пор практических выводов из этого обстоятельства не сделал. А сделать надо, иначе мы будем нести в массы низкопробную, плохую архитектуру.

Прежде всего, типовое проектирование должно быть поручено опытнейшим архитекторам под руководством лучших наших зодчих,

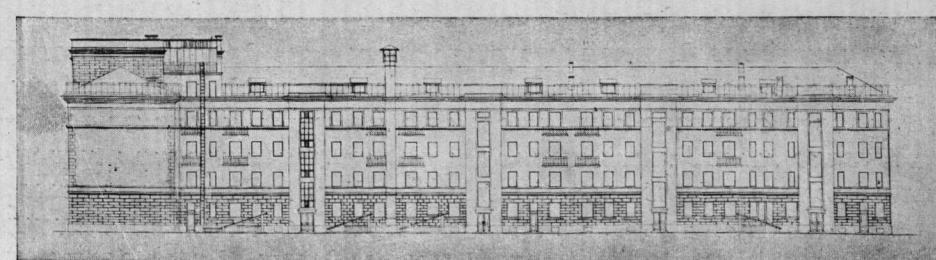
В такой работе мало талантливости и умения, нужен хозяйственный глаз и большой строительный опыт.

Разве нормально, что создание типов школ, жилья, детских учреждений находится в руках зачастую малоопытных проектировщиков, лишенных авторитетного руководства?

Характер типов, их варианты, состав проектного материала должны быть тщательно разработаны Наркомпросом совместно с архитекторами.

Детские сады и ясли должны

Типовой проект 4-этажного жилого каменного дома (ВСКХ). Дворовый фасад

Projet-type d'une maison d'habitation en pierre de 4 étages. Façade sur cour

проектироваться в одном месте из родины. Прежде всего, они должны притом в организациях, связанных с постройкой, иметь варианты для климатических постоянной работой по застройкам в поясов.

Проектирование типового жилья необходимо передать организациям, ведущим массовое проектирование для конкретных строек (Горстройпроект, мастерские Наркомтяжпрома, Гипрогор), при наличии высококвалифицированного руководства в этих организациях. Ибо только в организациях, где комплексно решаются вопросы застройки, можно практически правильно поставить дело определения необходимых типов массового жилья.

Поскольку типовое проектирование предусматривает многократное повторение объекта — стоимость каждого данного типа не должна исчисляться от его кубатуры. Здесь должно быть израсходовано не 1,5% строительной стоимости, а, может быть, все 6—10%, — это не важно, потому что на все будущее реальное строительство расход ляжет ничтожным процентом. Типовой проект должен явиться коллективным трудом всех специалистов. В нем все стороны строительства, определяющие экономику и качество будущего сооружения, должны подвергнуться тщательнейшим изысканиям, наиболее совершенного решения вопроса (планировка, конструкции, санитарно-техническое оборудование и т. д.).

Типовые проекты должны быть разработаны с учетом разнообразных местных условий нашей обширной

Для жилья планировка типовых квартир должна быть проведена под углом зрения желательности максимального увеличения ширины корпуса, при соблюдении хороших пропорций комнат и размеров пролетов, кратных стандарту балок.

Наборы типовых квартир должны быть вариабельны для всевозможных случаев ориентировки здания на квартиле.

Помимо сборников типовых квартир, снабженных рядом вариантов конструктивных решений с калькуляцией их — могут быть разработаны и целые жилые дома. Путем анализа большого количества реальных зданий могут быть выявлены наиболее часто встречающиеся размеры жилых зданий и их конфигурации.

К ним должны быть разработаны планы перекрытий с вариантами деталей (чтобы обеспечить выбор материала) и разрезы, данные в основных габаритах.

Ко всему этому добавляется несколько вариантов фасадов высокого качества, разработанных лучшими мастерами, с подробным изложением в записке принципов композиции (такой материал может служить пособием при окончательном установлении фасада здания).

Смета к такому проекту должна содержать лишь подсчет количества работ и рабочей силы при всех вариантах конструкций. Окончательно она

доделывается на основе учета всех особенностей данного строительства.

Методологически осмысленно и серьезно поставленная работа по типовому проектированию в организациях, связанных с реальным строительством, обеспечит и стандартизацию строительных элементов зданий данного типа, а следовательно и заводское их изготовление. Унификация пролетов, отыскание оптимальных размеров ширины корпуса, площадей комнат, повышение кубатурного коэффициента — даст огромную экономию государству.

Привлечение к руководству делом типового проектирования лучших наших мастеров обеспечит то высокое архитектурное качество, которое будет учить и воспитывать, повышать потребность в прекрасном и обеспечивать живую связь народных масс с архитектором, без чего не может быть великого искусства.

Огромную пользу делу типового проектирования могла бы принести Академия архитектуры. Нужны только инициативные, понимающие дело люди.

Если искать связи академической работы с практической жизнью (а без этого Академии грозит неизбежный склероз), то именно разработка типовых проектов, предполагающая практическое решение вопроса на подлинно-научной, методологически осмысленной основе, явится благодарнейшим средством осуществления такой связи.

„Стахановское движение в строительстве должно, на основе развития индустриальных методов строительства, опираться на овладение новой строительной техникой, на всестороннее освоение строительных машин и механизмов с их полным использованием и на внедрение малой механизации и рационализаторских мероприятий в строительное дело, что должно обеспечить быстрый подъем производительности труда“.

Из постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1936 г. „Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства“.

КРУПНОБЛОЧНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, ЕГО СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. ЗАЛЬЦМАН и К. СОКОЛОВ

Индустриально-техническая база крупноблочного строительства расширяется с каждым днем. В одной лишь Москве работают с предельной нагрузкой несколько заводов по изготовлению крупноблочных камней. Такие же заводы имеются в Ленинграде, на Балхаше, в Мариуполе, Магнитогорске, в самых разнообразных местах нашей необъятной страны.

Каковы же проблемы, которые выдвигает перед архитектором технологическая и производственная специфика крупноблочного строительства?

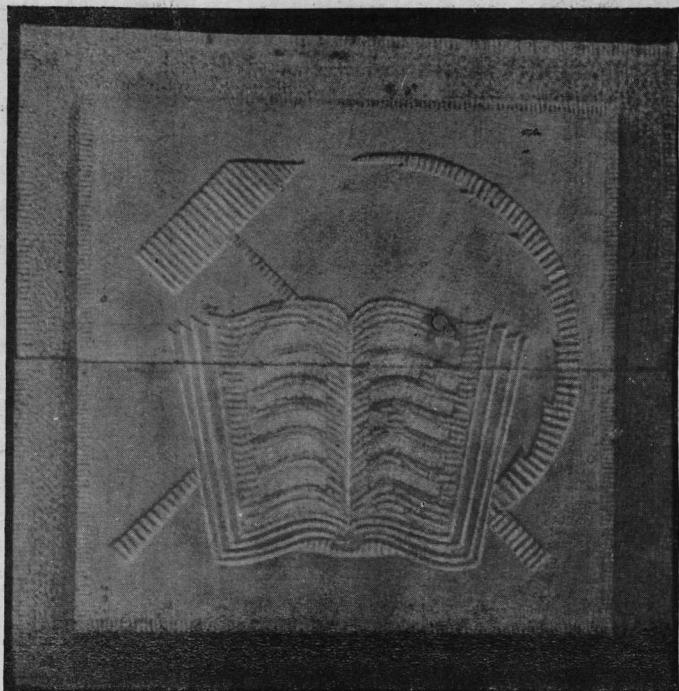
Уже при выборе самого принципа решения генерального плана участка мы сталкиваемся с особенностями индустриального метода производства работ. Так, опыт показал, что решение генерального плана большим количеством мелких раскреповок (в плане ампирных или барочных решений) осложняет производство работ. Оно приводит к большому количеству разнотипных блоков, оно затрудняет, наконец, работу кранов и прокладку подкрановых путей.

С этой точки зрения наиболее полно индустриально-строительным методам отвечает решение участка крупными пространственными планами, лаконичными и простыми в своих очертаниях корпусами.

С особой осторожностью следует в генеральном плане подходить к решению угла. Опыт показал, что из трехсот разнотипных блоков, которые полностью обеспечивают сборку здания, 100 приходится на угловые секции и лишь 200 — на основной фрагмент.

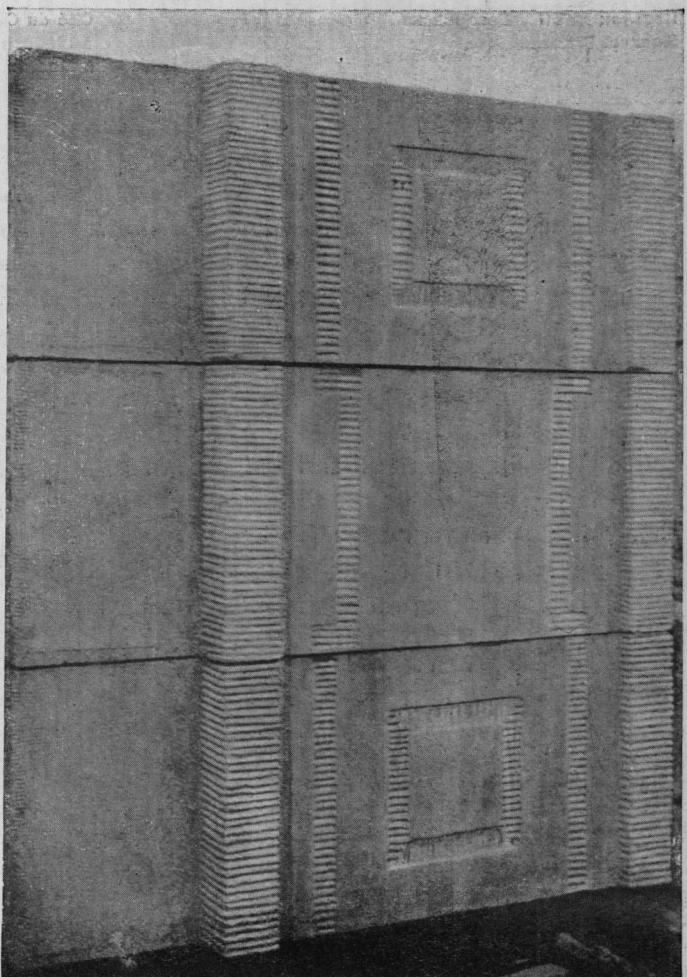
Те же соотношения наблюдаются в сборных элементах внутренней «начинки» здания. Статистика эта с не-

Образцы крупных блоков
1-й завод крупных блоков треста „Индустрой“

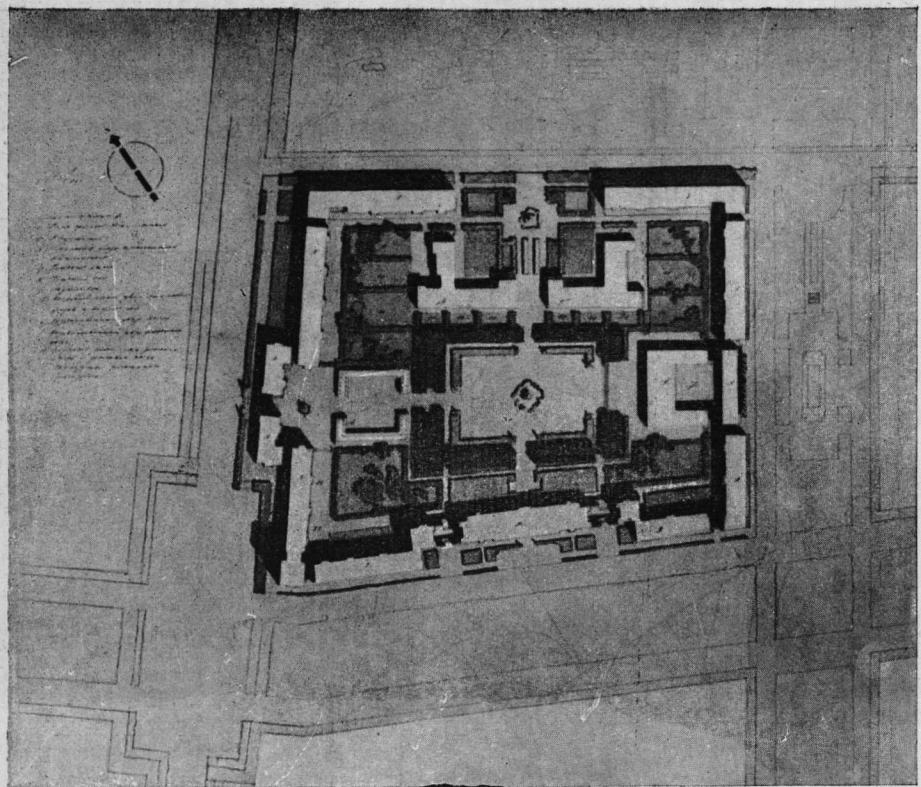

Spécimens de blocs artificiels
1-re usine de blocs artificiels du trust „Indoustroï“

Образцы крупных блоков
1-й завод крупных блоков треста „Индустрой“

Specimens de blocs artificiels
1-re usine de blocs artificiels du trust „Indoustroï“

Поселок НКТП в Богородском
Москва. Генплан

Cité du Commissariat du peuple
à l'industrie lourde à Bogorodskoé
à Moscou. Plan d'ensemble

Жилой дом
из крупных блоков
в поселке НКТП
в Богородском
Торцовая стена и
дворовый фасад
Арх. А. М. Зальцман,
П. П. Ревякин, К. М.
Соколов

Maison d'habitation
en blocs artificiels
dans la cité du
Commissariat du
peuple à l'industrie
lourde à Bogorodskoé
Mur latéral et façade
sur cour
Arch. A. M. Zaltsman,
P. P. Réviakine, K. M.
Sokolov

обычайной убедительностью показывает, что обычно малозэкономная, функционально плохо решаемая угловая квартира в крупноблочном строительстве приобретает еще целый ряд дополнительных недостатков. В связи с этим встает вопрос о применении принципиально новых архитектурных приемов решения угла, как, например, соединение двух домов по всем этажам сквозными лоджиями или балконами, арочные сооружения и целый ряд других приемов.

В композиции плана здания крупноблочное строительство, как и любое индустриальное строительство, обязывает к предельной ясности и классической простоте. Однако основное требование, которое крупноблочное строительство предъявляет к плану сооружения — это модульность.

Основным пороком существующих ныне немногочисленных стандартов отдельных элементов здания (окна, двери и т. д.) является как раз разнохарактерность, случайность и бессистемность габаритов. Между тем, модульная система должна стать основой основ индустриального строительства вообще. Исходя из нее должны быть определены габариты всех стандартных элементов здания.

Если систематизировать все имеющиеся на сегодняшний день архитектурные решения сооружений крупноблочного строительства, мы придем к заключению, что композиционные приемы построения их можно схематически разбить на две группы. К одной из них следует отнести композиционные приемы, идущие по линии скульптурного решения стены, с достаточно сложной и богатой профилировкой последней. Здесь, главным образом, используются все пластические возможности самого камня (блока), как в отношении его разнообразных фактурных данных, его профильных формообразований, так и в отношении выразительности самой системы кладки и размерности квадров.

К другой группе композиционных приемов следует отнести те решения, где основная стеновая поверхность сравнительно скромна и трактуется лишь как экран, на фоне которого пятно отдельно встроенных элементов (балконы, эркеры, лоджии, колонны) придает пространственную игру фасаду.

Как та, так и другая схема ком-

зации не противоречит существу крупноблочного строительства и не вступает в конфликт с индустриальными его методами.

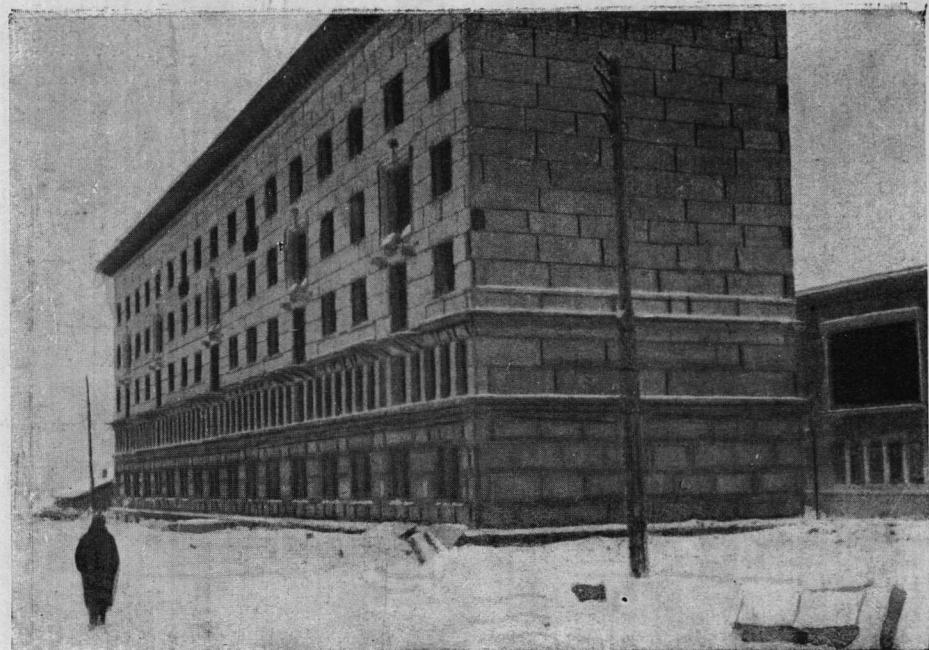
Основной предпосылкой индустриального строительства является повторность (а, следовательно, массовость) применяемых элементов. Элемент — уникум — вот что противоречит существу индустриальных методов производства. Вот почему лишь экономно найденное соотношение между группами массовых и уникальных элементов здания дает рентабельное и высококачественное решение. Именно это соотношение и должно явиться основным критерием экономичности и производственной рентабельности запроектированного в крупных блоках здания.

С этой точки зрения в крупноблочном строительстве (да и в любом другом индустриальном строительстве) особое значение приобретает характер метрического композиционного построения фасадов. Метричность, многократная повторяемость элементов фасада (по горизонтали), конечно, не является композиционным приемом, характерным только для индустриального строительства. Именно метричность композиционных построений характерна для архитектуры классических эпох — Греции, Рима, ренессанса. Римский Колизей, периптеральный греческий храм или палаццо Пити, при необходимости, легко было бы воспроизвести индустриальными методами крупноблочного строительства.

Наоборот, архитектурные произведения барочного характера, основанные на принципе ритмического нарастания элементов фасада и подчинения их основному центральному ядру (как, например, фасад церкви Джезу Виньолы, собор св. Петра в Риме и т. д.) безусловно противоположны индустриальным методам строительства.

Это обстоятельство отнюдь не исключает возможности включения в архитектуру здания, возводимого из крупноблочных камней, индивидуальных композиционных моментов для придания ему большего единства и цельности.

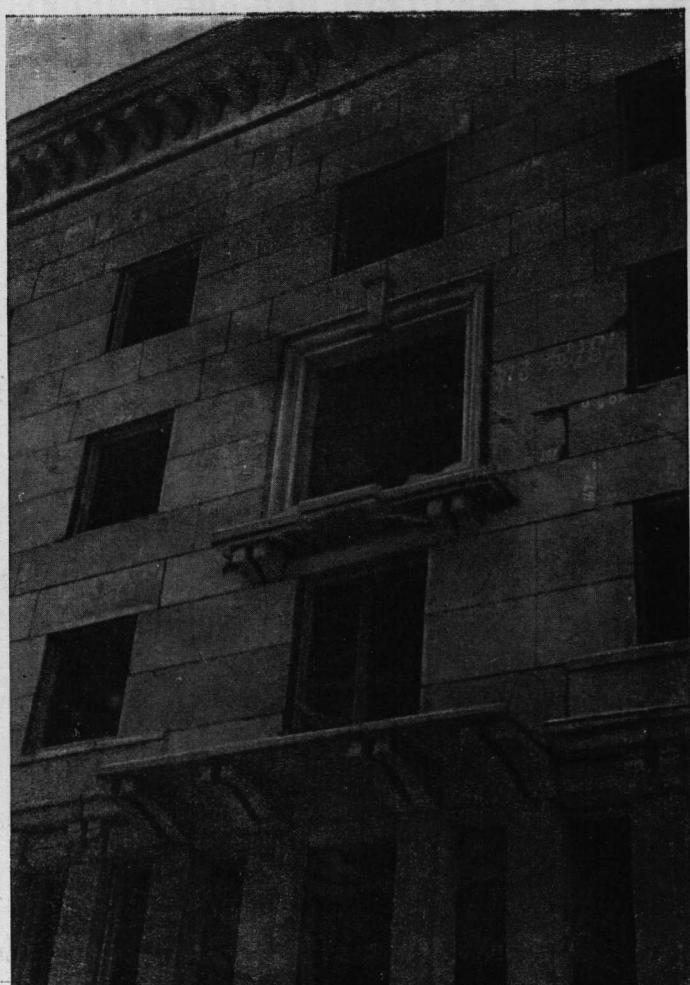
В крупноблочном строительстве особое значение приобретает архитектурное решение стены. Именно в этом виде строительства стена вновь обретает ту тектоническую выразительность, которую она имела в

Жилой дом из крупных блоков
в поселке НКТП в Богородском
Москва
Северный фасад

Maison d'habitation en blocs artificiels dans
la cité du Commissariat du peuple à l'indus-
trie lourde à Bogorodskoé à Moscou
Façade nord

Фрагмент фасада

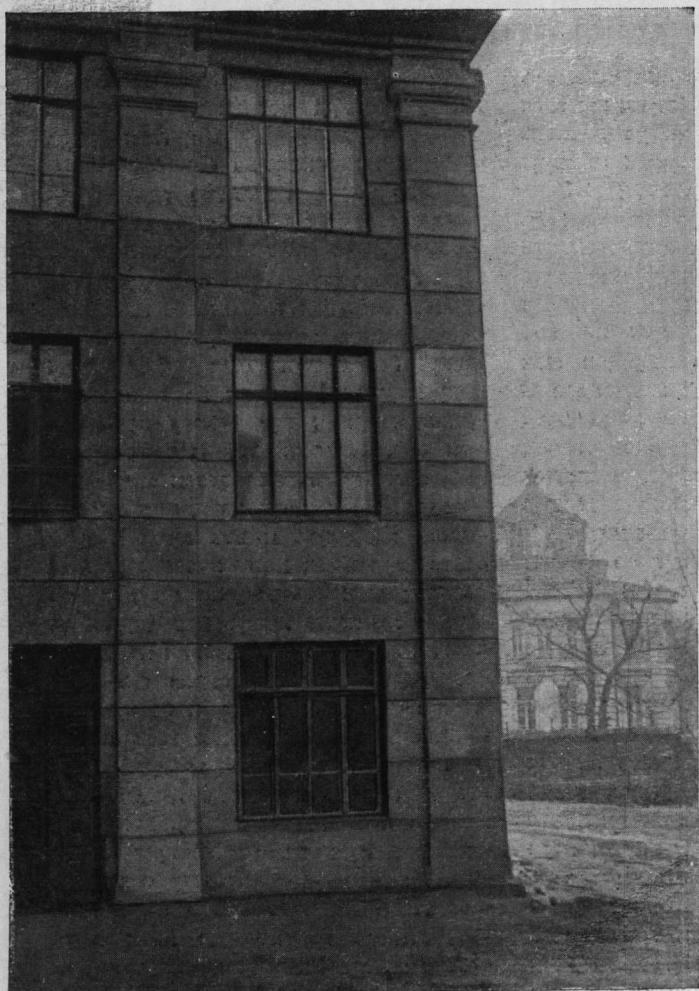
Fragment de la façade

Здание школы из крупных блоков
по Б. Серпуховской ул. в Москве
Арх. А. Н. Душкин

Ecole en blocs artificiels rue Grande
Serpoukhovskia à Moscou
Arch. A. N. Douchkine

Деталь угла

Détail d'un angle

кладке естественного камня, с той лишь разницей, что естественный камень заготовлялся примитивной техникой, а не развитой индустриальной, которая дает несизмеримую производительность труда. Интересно отметить, что самые размеры крупноблочных камней в среднем ствечают размерам естественных камней многих классических сооружений (по высоте от 50 до 80 см и по длине от 1 до 2 м).

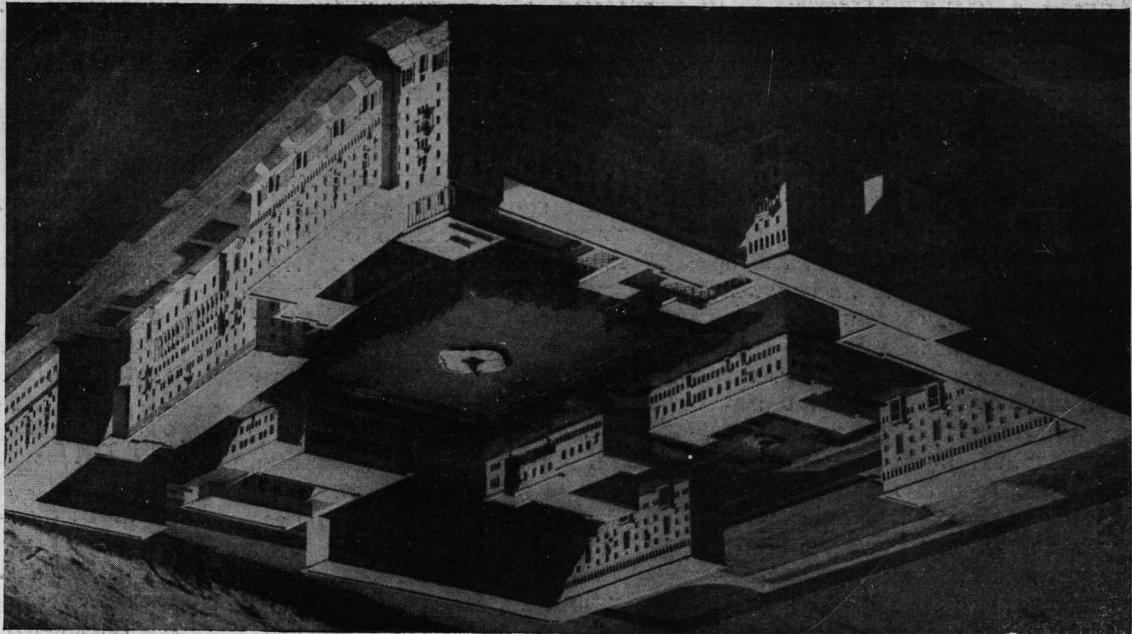
Крупному блоку, изготавляемому в металлических формах, можно придать любой профиль, от простейшего пояса до сложнейших форм карнизов. Цветовая палитра крупноблочных камней и их фактурное разнообразие чрезвычайно велики.

Здесь должен быть использован опыт классических культур с их богатейшей практикой кладки стен из естественных камней, с их умением простейшими средствами придать стене жизненность, органичность и благородство.

В свете изложенных выше теоретических предпосылок перейдем к обзору современной практики проектирования и строительства зданий из крупных блоков. Наиболее видными организациями, развернувшими широкую практическую деятельность в этой области, безусловно, являются Московский трест крупноблочного строительства, Главстройпром НКТП (трест Жилстрой) и Ленинградский трест крупноблочного строительства «Индустрой». Каковы же достижения и недостатки этих организаций по линии проектирования крупноблочных сооружений?

Позиции, занятые в этом вопросе московским и ленинградским трестами крупноблочного строительства, необычайно примитивны. Нездоровь дилетантизм и верхоглядство царят здесь в вопросах проектирования. Руководители этих организаций не со знают, что новые методы производства работ и новые строительные материалы приносят определенную специфику и в методологию проектирования, и в характер архитектурных композиций сооружений. Они игнорируют тот факт, что судьба сооружения как в отношении темпов его строительства, так и в отношении его качественных показателей решается в значительной мере в процессе проектирования. Все это привело к вредной практике «приспособления» проектов, предназначенных для ку-

Жилой квартал
поселка НКПИ
в Богородском. Москва
Макет
Арх. А. М. Зальцман,
П. П. Ревякин,
К. М. Соколов

Quartier d'habitation
dans la cité du
Commissariat du
peuple à l'industrie
lourde à Bogorodskoë
à Moscou
Maquette
Arch. A. M. Zaltsman,
P. P. Réviakine,
K. M. Sokolov

старых методов работ, к методам крупноблочного строительства. В результате — целый ряд производственных осложнений, непомерно большое количество разнотипных камней, понижение архитектурных качеств сооружения.

Характерным примером «приспособления» проекта к нуждам крупноблочного строительства является школа, запроектированная арх. Душкиным (Московский трест крупноблочного строительства). Архитектурно-композиционные задачи, свойственные индустриальному методу строительства из крупных блоков, не стояли перед автором проекта (проект предназначался для обычного кирпичного строительства). Механически перенесенный в крупноблочное строительство, проект дал непомерно большое количество разнотипных камней. В школах, построенных трестом в 1936 году по проекту арх. Душкина, применена 451 разновидность блока при общем количестве блоков в 2814 штук, что в среднем дает лишь шестикратную повторяемость каждой разновидности блока. Такой коэффициент повторяемости следует считать необычайно низким.

Интересно отметить, что тот же проект, будучи в 1937 году кое-как

Жилой дом из
крупных блоков
в поселке завода
«Электросила»
в Ленинграде
Инж. Альперович

Maison d'habitation
en blocs artificiels
dans la cité de l'usine
«Electrosila»
à Léningrad
Arch. Alperovitch

втиснут в модульную сетку, — немедленно дал значительное сокращение разновидностей блоков. Вместо 451 осталось лишь 126 этих разновидностей (модуль в горизонтальной проекции был принят — 0,5 м). Средняя повторяемость блоков одной разновидности повысилась до 17 раз.

Однако чуждый крупноблочному строительству композиционный прием, насиливо втиснутый в модульную сетку, не мог не отразиться на архитектурных качествах здания школы. Многие декоративные мотивы, безболезненно осуществляемые в кирпиче, в крупноблочных камнях выглядят ложными и малоубедительными. Пилasters большого ордера, являющиеся основной темой композиции фасада школы, при механическом наложении на проект модульной сетки, оказались разрезанными по случайным линиям, что лишило архитектуру необходимой органичности и правдивости. Это внесло и известные производственные затруднения, ибо выступы отдельных частей пилстра оказались случайно расположеными на теле камней. Наложение на готовый проект модульной сетки внесло конечные изменения и в пропорции отдельных элементов здания (окна, двери и т. д.).

Чрезвычайно странным представляется то обстоятельство, что из большого количества типовых проектов школ, имевшихся в наличии в 1936 году для крупноблочного строительства, выбор пал именно на школу, запроектированную арх. Душкиным. Общий композиционный прием решения этой школы (как уже указывалось выше) чужд индустриальным методам строительства. В нем нет четко повторяемого фрагмента. В нем отсутствует принцип метричности. Именно это и породило основные трудности при переводе этого проекта на индустриальные рельсы. А между тем среди типовых проектов школ имеются, без сомнения, значительно более удовлетворительные, с точки зрения приспособления к методам крупноблочного строительства (например, проект арх. Барща и Зундблата). Это говорит о том, что при выборе проекта Московский трест крупноблочного строительства не руководствовался никакими теоретическими предпосылками и не осознал всей серьезности архитектурной специфики крупноблочных сооружений. Здесь именно сказалось от-

сутствие архитектурных кадров и пренебрежение к вопросам архитектуры в этой организации. Большую долю вины в абсолютно недопустимом положении проектного дела в тресте несет, безусловно, и московская архитектурная общественность. Авторы, проекты которых были приняты к осуществлению в крупных блоках, не удосужились глубоко вникнуть в вопросы проектирования крупноблочных сооружений. Перепроектировка школы была представлена самотеку. Здесь царствовал конструктор и технолог, не сумевшие синтетически охватить всей проблемы в целом и ограничившиеся мелкими, не приводящими к цели, палиативами. Арх. Душкин, например, по проекту которого Московский трест крупноблочного строительства осуществил несколько зданий школ в различных районах г. Москвы, не проявил достаточного чувства ответственности и заинтересованности в высококачественном осуществлении его проекта в натуре. Ни в процессе переделки его проекта, ни в процессе наблюдения за строительством арх. Душкин не проявил должной инициативы. В значительной мере благодаря беспечности автора, Москва получила несколько зданий невысокого архитектурного качества.

Неудовлетворительна и постановка проектного дела в тресте. Та же строительная коробка школы с некоторыми вариациями в расстановке внутренних перегородок приспособляется под общежития, больничные корпуса и другие сооружения. О серьезном вреде такой постановки дела вряд ли приходится распространяться. Здесь необходимо немедленное и действенное вмешательство архитектурной общественности.

Лучше проектирует крупноблочные сооружения Главстройпром НКТП (трест Горстройпроект). По инициативе Главстройпрома, в 1934 году в Москве (с. Богородское) был выделен участок для опытного крупноблочного строительства. Наряду с целым рядом производственных, технологических и экономических проблем, перед архитектором была поставлена задача творчески полноценного использования и раскрытия художественных возможностей нового материала. Сложность задачи заключалась в том, что участок, отведенный под строительство, предназначался под застройку не однотипны-

ми жилыми зданиями, а законченным жилым комплексом в составе жилых корпусов, общежития, детских учреждений и клуба со столовой. Уже в самом начале проектирования была взята четкая установка на модульную систему и на фрагментарно-метрический принцип построения фасадов. Несмотря на целый ряд частных ошибок, пристекавших из желания проверить архитектурные возможности крупноблочного строительства и реабилитировать его с художественной стороны, отмеченные выше принципы, положенные в основу проектирования, дали свои положительные результаты. Средняя повторяемость каждой разновидности камня по всему комплексу в целом (несмотря на целый ряд разнотипных мелкокубажных и функционально сложных сооружений) равна 20.

По жилым домам средняя повторяемость каждой разновидности камня доходит до 40.

В проекте, как указывалось выше, допущен ряд частных ошибок. Эти ошибки таятся, главным образом, в решении генерального плана. Индивидуально решенные угловые секции жилых домов, косоугольная застройка, явившаяся результатом механического следования форме участка, постановка башни в угловой части участка, излишнее количество прорезанных в об'емах зданий проездов, большое количество раскреповок — все это снизило производственные качества проекта. Отсутствие этих недочетов, безусловно, значительно повысило бы коэффициент повторяемости камней, дало бы возможность довести до минимума количество уникальных камней, упростив, таким образом, производство работ.

Если организация проектного дела и методология проектирования крупноблочных сооружений изобилиуют рядом недочетов и промахов, то производственная практика (заводское изготовление камней и монтаж сооружения), благодаря допущенным дефектам, способствует дискредитации нового вида строительства. Ведь ни чем иным, как низким качеством стенного блока и не менее низким качеством монтажа, можно обяснить тот скептицизм, с которым широкие потребительские круги, да и архитектурная общественность, относятся к крупноблочному строительству. Московский трест крупноблочного строительства выпускает со

своих заводов на строительные площадки камни, качественно неприемлемые как в отношении их наружной фактуры, так и в отношении четкой геометричности их формы. В школах блоки, уложенные в дело, имеют допуски, доходящие до 5 см. Фактура блоков, несмотря на применение мраморной крошки и красителей, выглядит обычной, небрежно затертой штукатуркой.

Блоки заводов НКТП выпускаются без наружной фактуры. Заводы эти до сих пор не освоили производства «офиактуренного» блока. Между тем, лишь офиактуренный блок в конечном итоге решает вопросы экономичности, рентабельности и темпов крупноблочного строительства, устранив один из самых трудоемких строительных процессов — наружную оштукатурку стены. Небрежность в приготовлении камней, в достаточной мере свойственная заводам НКТП, может привести к целому ряду недоразумений значительно позднее, в процессе эксплоатации здания. Примером может служить существующая ныне практика заливки раствором вертикальных швов. В торцах блоков для этой цели обычно оставляются вертикальные борозды. В стыке борозды эти, при тщательном их выполнении, образуют вертикальный канал, который заливается раствором. Это гарантирует стену от продувания и обеспечивает ей нормальный тепловой режим. Незначительные отклонения этих борозд от вертикали или смещение их с оси камня (что сплошь и рядом встречается в практике заводов НКТП) не позволяют получить необходимый канал для заливки его раствором.

Низкое качество выпускаемой московскими заводами продукции в значительной мере обясняется отсутствием системы бракеража и технических норм приемки крупноблочных камней на заводах. Это дает заводам возможность поставлять на строительную площадку продукцию любого качества.

Блоки, выпускаемые ленинградскими заводами, выгодно отличаются от описанных выше качеством своей наружной фактуры и четкостью геометрических форм. В сравнении с продукцией московских заводов они поражают безукоризненной точностью своих размеров и правильностью углов. Допуски не превышают в них 0,5 см. Эти допуски необходимо при-

знать нормальными. Фактура выпускемых блоков достаточно разнообразна — от тщательно обработанной насечкой поверхности до барельефа включительно. Цветовая гамма наружной поверхности блока хотя и ограничена, но достаточно чиста и приятна по тонам. Ограничность цветовой палитры вызвана отсутствием светлых цементов, а фактуры камней на известковой основе практически еще не освоены. Практика ленинградских заводов с убедительной наглядностью показывает, что низкое качество продукции московских заводов не имеет никаких обективных оправданий.

Что касается монтажа зданий, то и здесь ни Московский трест крупноблочного строительства, ни Главстройпром НКТП не оказались на высоте. Блоки (уже сами по себе неправильной формы) уложены в дело настолько небрежно, что совершают нарушение правильную горизонтальность шва по стене. Швы даютенную, волнистую линию. Это нарушает тектонику сооружения. Здание зрительно разваливается и внушает чувство неуверенности и беспокойства. Толщина шва не одинакова по длине ряда. В одном и том же ряду шов то разбухает до толщины в 5—6 см, то ужимается до еле видимых размеров. Небрежная кладка камней зачастую искажает основной тектонический смысл отдельных архитектурных элементов сооружения. Например, в школе, сооруженной по проекту арх. Душкина, в результате неправильной укладки камней по вертикали нарушена отвесность ребер пилястр. Четкая, прямая линия пилястра, которая зрительно сообщает ему конструктивную жесткость, превращена в игривую, ломаную линию. Камень, на котором отлита капитель пилястра, наклонена набок. Все это придает пилястру характер бессмысленной декорации и нарушает архитектоническое построение здания.

Такие же недочеты имеют место и на строительстве жилого комплекса НКТП в Богородском. Однако отдельные места на этой стройке по качеству монтажа можно признать удовлетворительными. Удачны, например, венчающий карниз цоколя и кладка камней верхних этажей. Ленинградский трест крупноблочного строительства и здесь выгодно отличается от московских организаций. Качество монтажа ленинград-

ских крупноблочных строек — безу-коризненно. Блоки уложены в стену правильными горизонтальными рядами. Швы вытянуты в струнку. Толщина шва, принятая в 1 см, выдержана по всем рядам и не имеет сколько-нибудь зрительно ощущимых отклонений. Такое качество выполнения вне зависимости от архитектурных достоинств здания — само по себе является блестящей рекламой индустриальных методов строительства. Опыт Ленинграда опять говорит о том, что налицо все обективные предпосылки для высококачественного монтажа крупноблочных сооружений. И если московские организации не добились до настоящего времени в этом отношении удовлетворительных показателей — это следует целиком отнести за счет неумелой организации дела и низкой строительной культуры технических кадров, работающих в этой области. Наконец, следует остановиться и на вопросе внутренней «начинки» крупноблочных зданий. К сожалению, индустриальный метод производства работ коснулся лишь наружных (и внутренних капитальных) стен. Если распахнуть индустриальный кафтан крупноблочных строек, перед нами предстанет во всей своей неприглядности кустарное «нутро» самых обычных строек. Между тем, наиболее трудоемкой, лимитирующей темпы строительства, частью сооружения является как раз его внутренняя «начинка».

Только правильно разработанная методология проектирования, учитывающая технологическую и производственную специфику крупноблочного строительства, обеспечивает высокое качество проекта и может создать архитектуру, органически слитую с индустриальными методами строительства. Всякий иной путь ведет к кустарщине, палиативам и, в конечном итоге, дискредитирует крупноблочное строительство.

Крупноблочное строительство имеет все производственные предпосылки для создания высококачественных сооружений. Это полностью доказано практикой ленинградских строек. Низкие качественные показатели московских строек необходимо отнести целиком за счет неумелой организации заводского процесса изготовления камней и отсутствия на стройках высококвалифицированных, технически культурных кадров.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЛАНИРОВКИ ГОРОДОВ

(В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ)

В. БОБЕРКО

Плановый характер социалистического хозяйства, отсутствие частной собственности на землю, национализация и муниципализация основного домового фонда в городах создают благоприятнейшие условия для перестройки городов. Искания новых путей в этом деле протекали в условиях жестокой и непримиримой борьбы с различного рода правооппортунистическими и левацкими отклонениями от генеральной линии партии.

Новизна дела и условия, в которых протекали наши искания новых путей планировки городов, не могли не отразиться, конечно, на практической ценности и значении проектно-планировочных работ первого периода.

Первые проекты планировки городов, даже таких значительных как «Магнитогорск» (автор — проф. С. Е. Чернышев), городок автозавода им. Молотова в Горьком (автор — арх. А. Э. Зильберт) носили на себе печать почти ученических работ. Мы искали новые пути и в то же время учились выполнять проектно-планировочные работы. Несмотря на широкий разворот проектно-планировочных работ в самом начале реконструктивного периода народного хозяйства, мы все же даже в период первой пятилетки имели очень небольшое число законченных и утвержденных проектов планировки. Совершенно иная картина наблюдается в настоящее

время. На 1 января 1937 года только по одной РСФСР насчитываются (по неполным данным) законченные схемы планировки по 53 городам и генеральные проекты по 17 городам.

Одним из больных мест в планировке городов является выбор участков для строительства новых городов и поселков. Как правило, выбор участков для строительства производится без участия архитектора-планировщика, иногда совершенно случайными и неквалифицированными комиссиями, без предварительного производства необходимых обследований и изысканий. Ярким примером может служить планировка г. Магнитогорска. Спор при выборе площадки (правый или левый берег реки Урала) длился, как известно, в течение ряда лет. Лишь личное вмешательство в это дело тов. Орджоникидзе положило конец этому спору, который государству обошелся очень дорого. Начатое на правом берегу строительство приходится ограничить, а строительство основного города перенести на левый берег реки Урала. Неурегулированность вопроса о выборе площадок облегчила врагам народа Пятакову и другим в ряде городов размещение жилого строительства в зонах, подверженных непосредственному влиянию вредных в санитарно-гигиеническом отношении газов промышленных предприятий (г. Красноуральск, город Среднеуральского медеплавильного комбината и др.).

Всесоюзный архитектурный съезд со всей категоричностью должен выразиться за то, чтобы нашим законодательством был установлен такой порядок, при котором выбор площадки для строительства новых городов, во-первых, производился бы специальными комиссиями, при обязательном участии архитектора и, во-вторых, чтобы акт выбора площадки для строительства новых городов утверждался правительством Союзных республик, либо по их поручению НКНХ Союзных республик по согла-

сованию с Главной санитарной инспекцией.

В этой же связи Всесоюзный съезд советских архитекторов не должен пройти мимо не менее важного вопроса о нормах разрыва между вредными, в санитарно-гигиеническом отношении, предприятиями и жильем. Действующие у нас нормы устарели и, кроме того, недостаточно обоснованы с научной точки зрения. Условность действующих норм облегчила возможность вредительства в планировке городов. Необходимо перед Наркомздравом СССР поставить вопрос о быстрейшей переработке действующих норм при обязательном участии в этой работе архитекторов-планировщиков.

Выдвигая вопрос о переработке норм разрывов, архитектурный съезд в то же время должен отметить палиативный характер этих норм. Борьба с санитарными вредностями промышленных предприятий только такими экстенсивными мерами, как нормы разрыва, в условиях передовой и совершенной техники не может быть терпима. При значительных размерах разрывов, достигающих в ряде случаев двух и более километров, мы неминуемо приходим к чрезмерному расширению территории наших городов, с вытекающим отсюда усложнением и удорожанием строительства и эксплоатации водопровода, канализации, внутригородского механического транспорта и т. п. сооружений города.

Архитекторы и инженеры-планировщики, заботясь о наиболее совершенных санитарно-гигиенических условиях и красоте наших городов, ни на минуту не должны забывать также о необходимости уделения их строительства. Состояние и достижения нашей техники такие, что мы сейчас можем и обязаны предъявить к нашим промышленным предприятиям и научно-исследовательским институтам требование о разработке и проведении мер актив-

ной борьбы с санитарными вредностями промышленности путем установки на промпредприятиях газо- и пылеуловителей, электрофильтров и т. п. Многие наши хозяйственники и инженеры, работающие в промышленности, обнаруживают в этом отношении ничем необъяснимый и недопустимый консерватизм. Принятое недавно постановление правительства СССР о проведении на электростанциях Москвы мер активной борьбы с задымлением города должно быть всемерно поддержано архитектурным съездом, должно послужить для нас сигналом борьбы с имеющимся в этой области консерватизмом.

Не менее болезненным вопросом, мимо которого не должен пройти съезд советских архитекторов, является вопрос о числе стадий проектирования, их об'еме и содержании. В проектировании промышленных, транспортных и гражданских сооружений этот вопрос является давно пройденным этапом, получившим ясное и четкое разрешение в постановлениях правительства; что же касается планировки городов, то здесь до настоящего времени четких и ясных решений еще нет.

Всем планировщикам хорошо известен недопустимо затянувшийся между Высшим советом коммунального хозяйства при ЦИК СССР и Наркомхозом РСФСР спор о числе стадий проектирования и их содержании.

Естественно, что архитекторы, инженеры и экономисты, проектирующие города, дезориентированы и поэтому часто вынуждены становиться на путь самостоятельного изобретательства, которое в некоторых случаях приобретает уродливые формы. В графической части проекта допускаются излишества (разработка различного рода схем, абстрактных и лишенных всякого практического смысла архитектурных перспектив и т. п.). Графическая часть схемы

планировки г. Горького побила, повидимому, «всесоюзный рекорд» в этом отношении, так как вес всех графических материалов схемы планировки превысил 2 тонны. Еще большие излишества мы имеем в так называемой текстовой части проекта. Экономические и об'яснительные записки к проекту достигают по своему об'ему нескольких тысяч страниц. По планировке района г. Н. Тагила текстовая часть состояла из 10 000 страниц. На составление подобного рода трудов тратятся громадные средства, сроки работ непомерно затягиваются, а в результате эти труды полностью никем в экспертных и утверждающих органах не только не изучаются, но даже не читаются.

Громоздкость текстовой части и связанные с этим трудности тщательного их просмотра приводят, кроме того, к тому, что в них проскальзывают политически вредные, явно недопустимые и не имеющие никакого отношения к планировке измышления некоторых авторов.

При решении вопроса о числе стадий, естественно, мы не должны подходить с одной меркой ко всем городам, однако для подавляющего большинства наших городов представляется возможным ограничиться одной стадией — генеральной схемой планировки, на основе которой в дальнейшем должна вестись разработка проектов детальной планировки, в соответствии с конкретным об'емом строительства, определенным в утвержденных правительством пятилетних планах.

Генеральная схема планировки города, разрабатываемая в масштабе 1 : 10 000 или 1 : 5 000, должна, так же как это имело место в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР об утверждении плана реконструкции г. Москвы, определить лишь основы развития и строительства города.

К числу таких основ следует отнести определение расчетного ко-

личества населения, определение границ территориального развития города и его функциональное районирование по видам строительства (промышленность, транспорт, жилые районы, зеленые зоны и т. п.), с указанием плотности и характера застройки; установление основной уличной сети и поперечных профилей улиц; определение мест расположения общегородских и районных центров; определение основ инженерного оборудования города (место забора воды, границы водоохранения зон, месторасположение очистных сооружений канализации и т. п.); определение основ инженерной подготовки территории (мелиорация, борьба с оползнями и оврагами, вертикальная планировка территории и т. п.); установление общих архитектурных принципов реконструкции или строительства города и, наконец, определение очередности осуществления генеральной схемы и правила застройки (строительный регулятив).

Все изыскательские и экономические работы должны быть сведены до минимума, необходимого лишь для планировочного обоснования схемы планировки. Планы размещения школ, детских яслей и т. п. с расчетом их осуществления через 10—15 лет должны быть совершенно исключены из состава проектных материалов.

Касаясь вопроса о стадиях, не следует проходить мимо названия самой стадии. Многие планировщики относятся безучастно к тому, как будет названа данная стадия — генеральный проект или генеральная схема планировки. Многие считают этот спор беспредметным. Нам представляется, что подобное отношение является неправильным, так как за терминологией скрывается существо дела, внутреннее содержание и значение самой стадии.

Более правильным будет назвать эту стадию схемой, так как она по своему масштабу 1 : 10 000 или

1 : 5 000, содержанию и расчетному сроку 10—15 лет может дать лишь основные схематические решения, что однако, отнюдь не умаляет ее значения как документа, имеющего громадное практическое значение.

Не меняя основных решений схемы, мы в процессе практического ее осуществления можем и должны будем вести систематическую ее корректировку и развитие, которые в отдельных случаях, как, например, при решении отдельных площадей, улиц и т. п., будут иметь значение самостоятельных проектов. Мы не должны и не можем при общей планировке города связывать по рукам и ногам архитекторов, которые будут ее осуществлять через 10—15 лет.

Совершенно иное значение придается термину — проект. Всякий утвержденный проект не допускает внесения в него без санкции органов, его утвердивших, каких бы то ни было исправлений. Рабочие чертежи должны разрабатываться в точном соответствии с утвержденным проектом без каких бы то ни было отступлений, что в условиях планировки города явно не выполнимо.

Незначительное количество законченных и утвержденных в прошлые годы проектов планировки лишило нас возможности правильно поставить работу по детальной планировке городов, что сказалось также и на наших действующих инструкциях. Ни инструкция ВСХХ при ЦИК СССР, ни инструкция НКХХ РСФСР не содержит определения об'ема и содержания проектов детальной планировки.

В настоящее время, при наличии значительного числа утвержденных проектов общей планировки города, вопрос об'ема и содержания детального проекта приобретает весьма актуальное значение. По нашему

мнению, основным назначением детального проекта является такая его разработка, которая обеспечивала бы главному городскому архитектору возможность, основываясь на этих проектах, выдавать полноценные архитектурно-планировочные задания по проектированию всех без исключения зданий и сооружений, намеченных к строительству в данном городе.

Исходя из этой установки, проект детальной планировки должен разрабатываться в масштабе не менее 1 : 2 000, с расчетным сроком, не превышающим 3—5 лет, и охватывать только отдельные части города, в которых намечено конкретное строительство.

Детальный проект планировки должен быть оперативным документом архитектурного значения и соединительным местом между схемой планировки города и проектами отдельных зданий и сооружений.

По нашему мнению, состав детального проекта должен в основном слагаться из:

- а) плана красных линий;
- б) продольных и поперечных профилей улиц;
- в) конкретного плана размещения всех объектов строительства, предусмотренного в утвержденных правительством планах;
- г) основного чертежа детальной планировки отдельных частей города, сопровождаемого проектом вертикальной планировки;
- д) эскизных проектов реконструкции площадей и улиц первой очереди с архитектурной разверткой улиц;
- е) плана инженерного оборудования и инженерной подготовки участков.

Законопроекты, определяющие об'ем и содержание проектов планировки, уже разработаны в различных вариантах и находятся на рассмотре-

нии правительства, причем СНК РСФСР, учитывая близость архитектурного съезда, отложил рассмотрение этих законопроектов с тем, чтобы услышать их оценку со стороны съезда.

Такое решение правительства обязывает съезд посвятить этому вопросу, наряду с другими, особое внимание.

Последним вопросом, на который нам хотелось бы обратить внимание, является вопрос о характере нашего жилищного строительства и плотности застройки.

В некоторых наших органах, в частности в секторе планировки ВСХХ при ЦИК СССР, укоренился по нашему мнению ошибочный взгляд о том, что в наших городах и поселках мы обязательно должны строить почти исключительно капитальные многоэтажные, не ниже 5—6 этажей, здания.

В качестве основания для подобного рода установки ВСХХ приводит решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР о плане реконструкции г. Москвы и постановление СНК СССР 1934 г. об улучшении качества жилищного строительства. Действительно, этими двумя постановлениями устанавливается как правило высота нашего жилищного строительства в 4—5 этажей, однако механическое применение этих норм ко всем без исключения городам является более чем сомнительным. Необходимо подчинить проведение городского строительства, ведущегося в отдельных местах подчас без всякой системы, планировочному воздействию, правильно наметить места для строительства, обеспечить это строительство проектами детальной планировки, разработать типовые проекты самых зданий, обеспечить участки соответствующими видами благоустройства.

ОБ АРХИТЕКТУРЕ НАШИХ КУРОРТОВ

Н. НЕСИС

Санаторий в Ливане.
Арх. Калашников

Строительство курортов в нашей стране получило невиданный размах. Не только курорты всесоюзного значения — южный берег Крыма, группа кавказских минеральных вод, Сочи-Мацеста — резко изменили свой облик в процессе их социалистической реконструкции. Возникают также десятки новых курортов в национальных республиках и множество курортов местного значения: Арзны, Абастуман, Диличан, Кульдур, Байрам-Али, Цхалтубо, Бахмаро, Боровое и т. п., мало или совсем неизвестные до революции, растут и развиваются исключительно быстрыми темпами. Количество коеч на курортах увеличилось с 66 400 в 1932 году до 102 000 в 1937 году. Такой огромный разворот строительства обязывал к новому решению вопросов планировки и реконструкции курортов. Впервые в истории планировочного дела была выдвинута и практически осуществлена проблема медицинского зонирования курортов, впервые была поставлена и осуществлена задача такой организации территории и строительства, которая обеспечивала бы наилучшие условия эффективного лечения и отдыха.

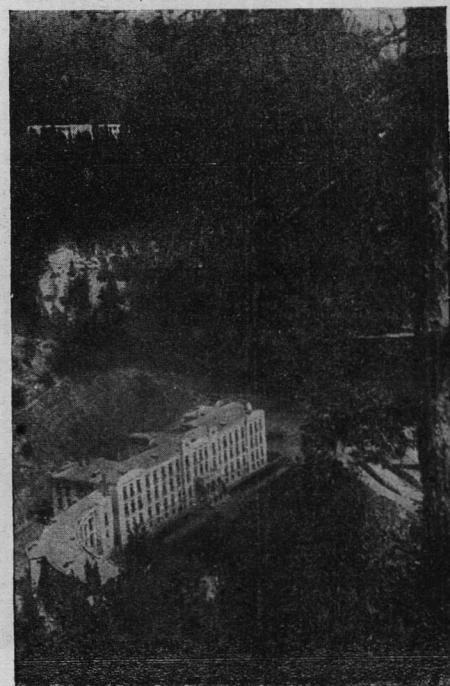
Перед архитектором — строителем курортов была поставлена почетная задача: так сочетать архитектуру с особенностями геофизической среды, естественными лечебными богатствами и красотой ландшафта, чтобы процесс восстановления здоровья человека протекал эффективнее в радостной, красивой обстановке.

На наших курортах построен целый ряд очень интересных и красивых санаториев (санаторий НКВД в Кисловодске, VII санаторий ВОКа в Сочи, Дом отдыха Совнаркома Грузии в Гаграх и др.). Достаточно бросить самый беглый взгляд на всю многообразную массу нашего курортного строительства последних двух лет, чтобы обнаружить характерные особенности архитектурной трактовки курортных сооружений. В целом

Sanatorium à Liban
Arch. Kalachnikov

Санаторий Соцстраха в Абастумане
Арх. Зарубян

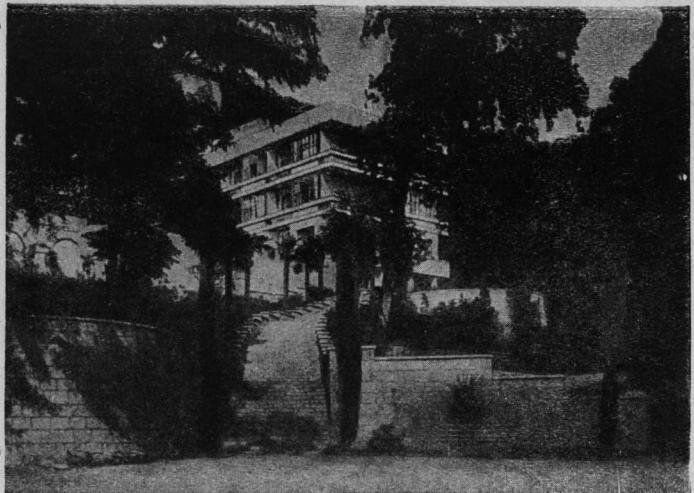

Sanatorium de l'organisation de l'assurance sociale à Adastoumane
Arch. Zaroubian

Дом отдыха „Синоп“
в Сухуми
Арх. М. И. Мержанов

Maison de repos „Sinop“ à Soukhoumi
Arch. M. I. Merjanov

Гостиница в Гаграх
Арх. В. К. Кильдишев

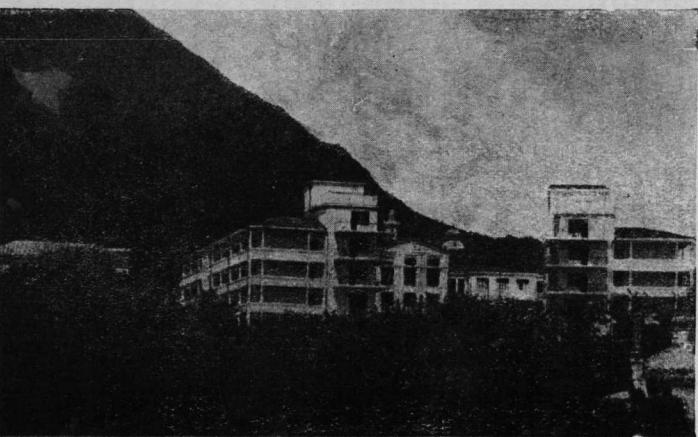
Hôtel à Gagry
Arch. V. K. Kildichev

Станция климатическая
Бахмара

Санаторий „Ударник“
Акад. арх.
И. А. Фомин

Sanatorium
„Oudarnik“
I.-A. Fomine, membre
de l'Académie

ряде новых санаторных зданий наблюдается стремление к монументальной трактовке архитектурного образа; санаторные здания уподобляются палаццо. Используя образцы классического наследия, архитектор в этом случае наиболее охотно обращается к позднему ренессансу и даже барокко (санаторий НКТП, санаторий «Правда» в Сочи).

Для ряда новых зданий характерно пренебрежение к специфическим требованиям санаторного сооружения при решении плана здания. Часто санатории уподобляются скорее гостинице с «комнатами люкс» и т. д. (санаторий Госбанка в Кисловодске, Наркомлегпрома в Сочи), и надо отметить далее обрастание санатория большим количеством сооружений хозяйственного и обслуживающего характера.

Строительство курортов за годы второй пятилетки протекало в условиях соревнования между Наркомздравом, ВЦСПС и отдельными ведомствами и наркоматами. Это соревнование, наряду с положительными чертами, проявившимися в улучшении качества и в расширении строительства, привело, однако, и к ряду отрицательных явлений. Органы здравоохранения потеряли свое ведущее положение в деле планирования и руководства строительством и проектированием, установления норм стоимости и медицинских нормативов, что привело к искажению медицинского профиля отдельных санаториев. Проявлялась также тенденция к замкнутому курортному хозяйству. Каждый санаторий рассматривался ведомствами как изолированная единица. В каждом отдельном случае строили обширные медицинские и социально-культурные корпуса, с часто излишним подсобным хозяйством (подстанции, жилые дома, прачечные, гаражи и т. п.). Нездоровьем характер приобретает также соревнование отдельных ведомств в архитектурных излишествах в отделке и оформлении зданий. Некоторые характерные иллюстрации: стоимость одной санаторной койки за последние 2 года колеблется между 20 000 и 100 000 рублей; такой же разнобой царит и в установлении кубатуры зданий — в санатории Наркомсвязи в Кисловодске на койку приходится 200 м³ здания, в санатории Наркомвода — 330 м³, в санатории НКЛП в Сочи — 350 м³ и т. д.

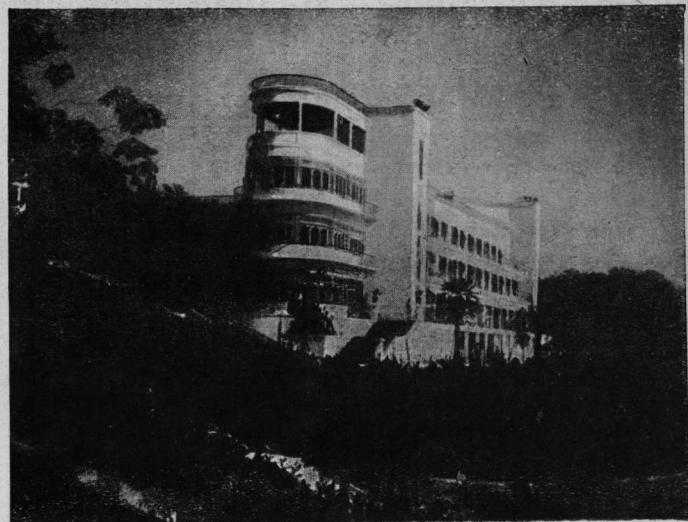
Ясно, что организационные вопросы строительства и руководства курортом имеют немалое значение для установления архитектурных принципов организации санаторной усадьбы. Вопросы размера, типа, медицинского профиля и организации курортного сооружения должны стать предметом самого широкого обсуждения на страницах нашей печати.

В архитектуре наших курортов имеет место существование трех типов зданий: дач, вернее оставшихся от прошлого особняков с «меблированными комнатами», конструктивистских корпусов первых лет строительства и, наконец, пышных сооружений последних лет, причем «оформление» и «обогащение» этих последних происходило в процессе достройки вчера уже возведенных зданий «конструктивистского» типа. Наконец, в лесах сейчас стоят новые сооружения, о которых мы можем судить только по проектам.

Общим недостатком почти всех курортных зданий является невнимание к окружающей природе, разрыв между ней и архитектурой. Особенно непростительно для архитектора, который, пользуясь образцами старого зодчества, выбирает такие из них, в которых классическая традиция связи архитектуры с природой уже утеряна. Между тем в раскрытии связи отдельного архитектурного сооружения с природой — ключ к решению ансамбля курорта.

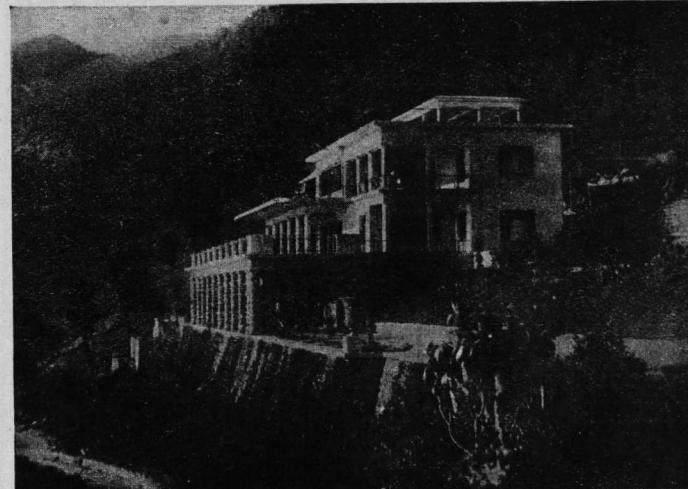
Увлечение конструктивизмом наложило свой отпечаток и на наши курорты. Наряду со скверной упрощенческой архитектурой эпигонов конструктивизма здесь возникли произведения наших крупных мастеров и талантливой молодежи (санаторий А. В. Щусева и бр. В. и А. Весниных в Сочи, И. А. Фомина в Железнодорожном, Н. П. Северова в Гаграх, М. И. Мержанова в Кисловодске и Сухуми). Меткое обозначение образа конструктивистского произведения как «застекленной коробки» не может быть полностью применено к этим произведениям. Но все же архитектурный образ этих санаториев напоминает скорее огромные больницы. В самом деле, санаторий РККА в Сочи запроектирован как гигантский «цех здоровья». Скопление большого количества людей в одном месте, большие застекленные поверхности здания, создающие оранжерейную

Санаторий РККА
им. Ворошилова
в Сочи
Арх. М. И. Мержанов

Sanatorium de l'Armée
rouge à Sotchi
Arch. M. I. Mergjanov

Дом отдыха
Совнаркома
Грузинской ССР
в Гаграх
Арх. Н. П. Северов

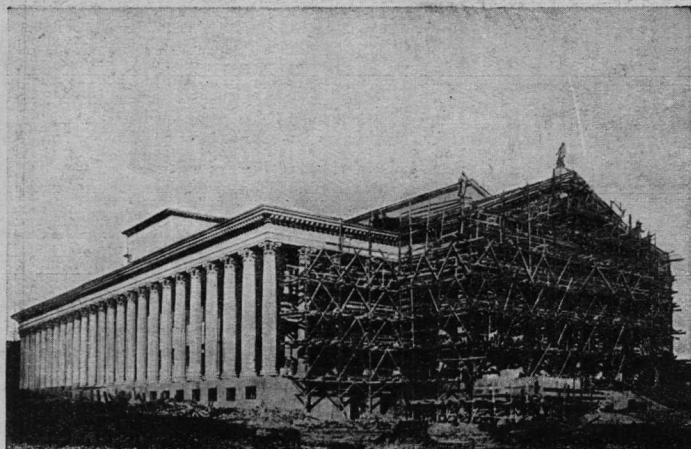

Maison de repos
du Conseil
des Commissaires
du peuple de la R.S.S.
de Géorgie à Gagry
Arch. N. P. Séverov

Дом отдыха
„Приморье“
в Сочи
Арх. А. Е. Сергеев

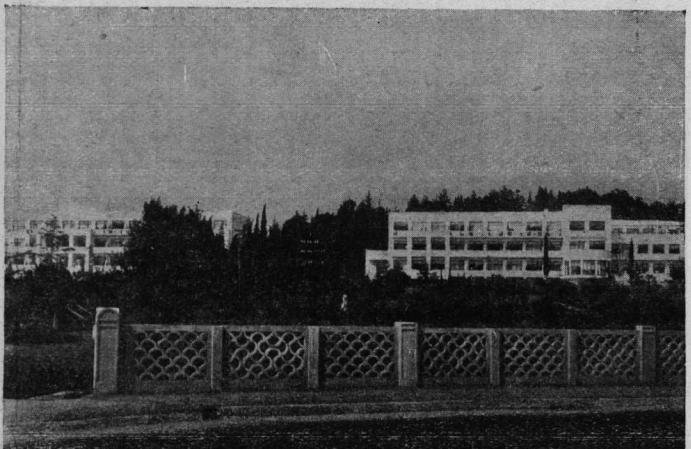

Maison de repos
„Primorié“
à Sotchi
Arch. A. E. Sergueïev

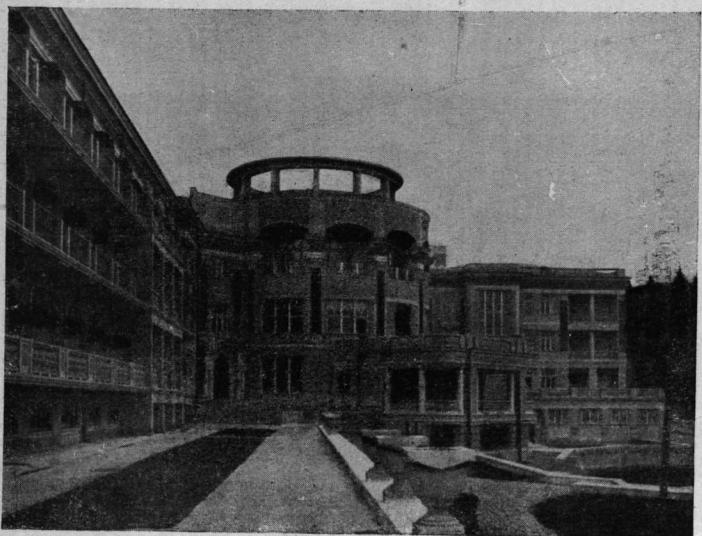
Театр в Сочи
Арх. К. Н. Чернопятов
при консультации
акад арх. В. А. Щуко,
арх. В. Г. Гельфрейх

Théâtre à Sotchi
Arch. Tchernopiatov
Consult.
de V. A. Schouko,
membre de l'Académie,
arch. V. G. Helfreich

Санаторий
Наркомзема
в Сочи

Sanatorium
du Commissariat
du peuple
à l'agriculture
à Sotchi

Санаторий Госбанка
в Кисловодске
Центральный корпус
Арх. Еськов

Sanatorium
de la Banque d'Etat
à Kislovodsk
Bâtiment central
Arch. Eskov

атмосферу в комнатах, мало способствуют целесообразному отдыху. Трактовка санатория как больницы была неверна в корне. В больнице человек привязан к постели, и организация обслуживания должна быть приближена к больному, в то время как в санатории обслуживание может быть централизовано, а отдыхающему должны быть предоставлены условия для отдыха в самых разнообразных формах. Планы «конструктивистских» санаториев вполне отражают их неправильную установку. План исходит из поточного обслуживания «кокочеловека», попадающего из «санобработки» в административный корпус, оттуда по коридорам — в спальный корпус и дальше, по графику, в клуб, в столовую и т. д. Если сравнить планы всех таких санаториев, то эти нечлененные строения с различными отростками и с обязательной полуокруглой или круглой столовой похожи друг на друга, как две капли воды. План санаториев НКУ в Кисловодске, НКСвязи — там же, VII санаторий ВОКа в Сочи является лучшей этому иллюстрацией. Такая трактовка здания связывала архитектора в выборе композиции санаторной усадьбы и приводила к игнорированию связи сооружения с его рельефом и окружением. Даже мастерски расположенные санатории РККА и НКВД в Кисловодске (арх. М. И. Мержанов) игнорируют связь с природой. Отсюда досадное «дооформление» прекрасного склона санатория РККА скульптурой, «мелкими формами» и зелеными «цветочными насаждениями».

Конструктивизм, даже в лучших своих образцах, не дал образа курортного сооружения. Исправляя «грехи прошлого», некоторые эпигоны конструктивизма, перестраиваясь, но не понимая основных идей и задач использования культурного наследия, впали в безвкусный и бесприциппальный эклектизм и украшательство. Плоды их деятельности печально красуются на Ребровой балке в Кисловодске, этой городской улице с узкими, стесненными дворами санаториев Госбанка и Наркомзема (арх. Еськов), «Интуриста» и др. Санаторий того же рода — Центросоюза — занял «командную высоту» в кисловодском парке.

«Освоение наследства» шло в архитектуре наших курортов, в ос-

новном, тремя путями. Первый из них заключался в использовании композиции палаццо позднего ренессанса с механическим воспроизведением их по канонам Виньольы, со всей холодной пышностью и чуждым природе курортов монументализмом, с бесчисленными колоннами, пилястрами и портиками и заключенными в камень опорных стен естественными склонами. Второй путь — путь использования традиций пригородных вилл Палладио и подмосковных усадеб в духе русского ампира со свойственной им трактовкой усадьбы как сочетания «регулярного» и «романтического» двора и парка. Третий тип является попыткой органически связать отдельные котеджи с центрально расположенными зданиями общего обслуживания в единое композиционное целое или же попыткой осуществить этот же принцип обслуживания больного рядом павильонов различного назначения, привязанных общей архитектурной трактовкой к четким композиционным осям санаторного парка.

Санаторий НКТП в Сочи (арх. Кузнецов) является ярким образцом дорогого и мало отвечающего своему назначению сооружения. Образ этого санатория ближе к столичному музею, чем к курортному сооружению на лазурном берегу моря. Огромное количество подпорных стен и лестниц, чрезвычайно осложняющих подход к зданию и, кстати, закрывающих центральную его часть, заменило собой необходимый тенистый парк перед зданием. Формы комнат определялись требованиями модуля. Ордер применен без всякого понимания специфики сооружения на юге, без чувства пропорции. Центральные портики тяжелы и приземисты, нет воздушности. Если бы автор для центральной части санатория воспользовался этим же ордером творчески, или хотя бы скопировал для этой композиции блестящий пример камероновских Агатовых комнат, то это облегчило бы восприятие архитектурной идеи сооружения. Несмотря на все великолепие санатория, было бы неправильно вести курортное строительство по такому пути.

В санатории НКВТ в Хосте (авторы арх. Виленский и Троцкий), несвободном от влияния творчества акад. Жолтовского, для достижения живописного силуэта ансамбля удач-

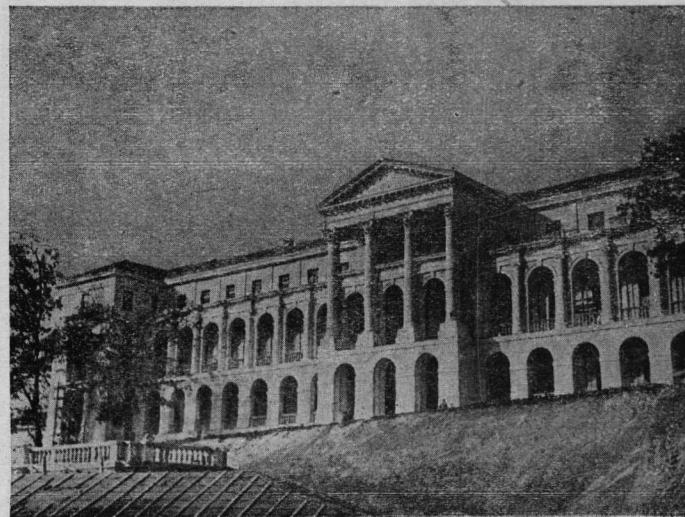
Проект санатория
НКТП в Сочи
Перспектива
Арх. Кузнецов

Projet du sanatorium
du Commissariat
du peuple
à l'industrie lourde
Perspective
Arch. Kouznetzov

Санаторий НКТП
в Сочи
Центральный корпус
Арх. Кузнецов

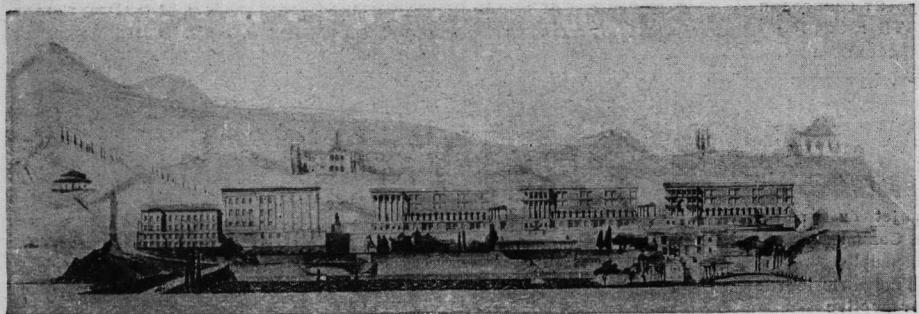
Sanatorium
du Commissariat
du peuple
à l'industrie
lourde à Sotchi
Bâtiment central
Arch. Kouznetzov

Санаторий
Наркомвода в Гаграх
Арх. Р. М. Троцкий,
Мелиги

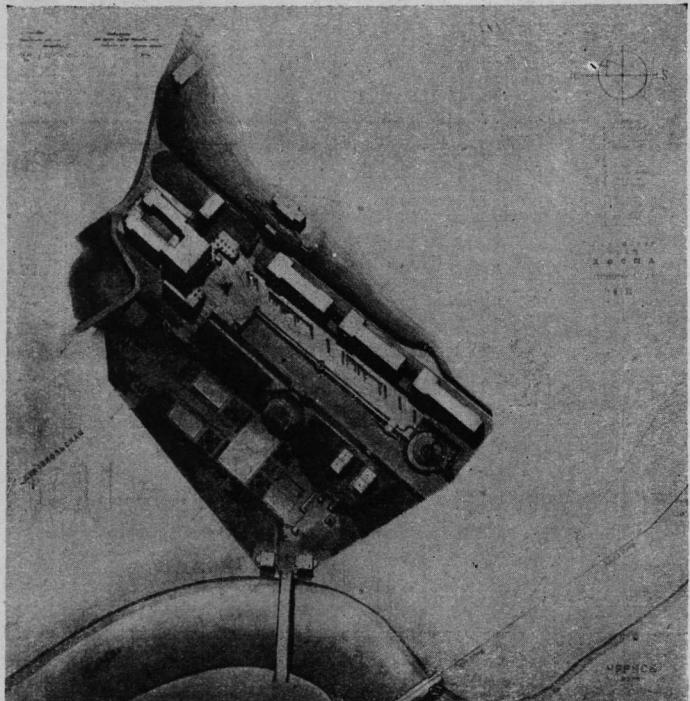
Sanatorium
du Commissariat du
peuple aux transports
par eau
Arch. R. M. Trotski,
Mélegui

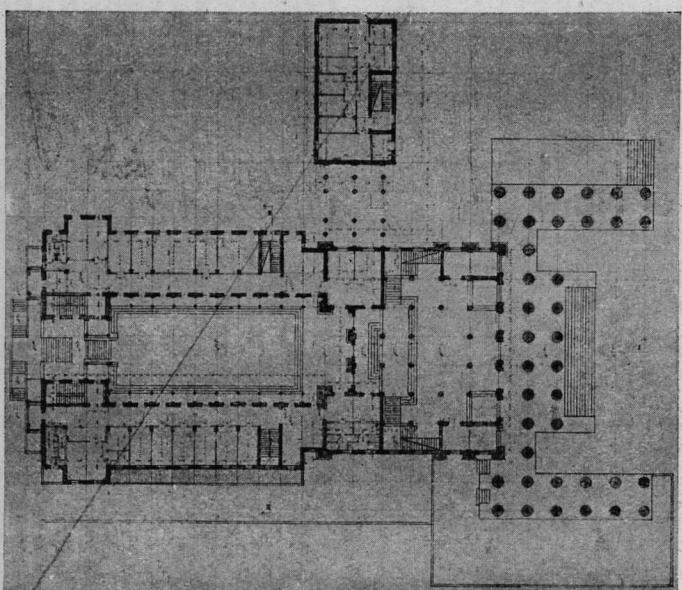
Панорама санатория НКВД
в Хосте
Арх. Б. С. Виленский, Р. М. Троцкий

Panorama du sanatorium du Commissariat
du peuple au commerce extérieur à Khosta
Arch. B. S. Vilenski, R. M. Trotski

Санаторий НКВД
в Хосте
Генплан

Sanatorium
du Commissariat
du peuple au commerce
extérieur à Khosta
Plan d'ensemble

Санаторий НКВД
в Хосте
Главное здание
План 1-го этажа

Sanatorium
du Commissariat
du peuple au commerce
extérieur à Khosta
Bâtiment principal
Plan
du rez-de-chaussée

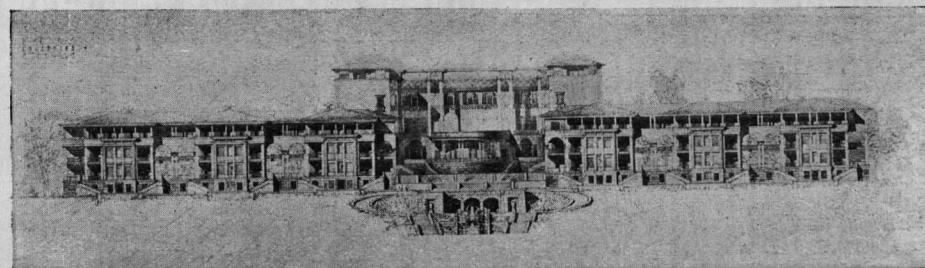
но использована античная традиция расположения сооружений на склоне. Генплан санатория представляет собой композицию из трех жилых корпусов в три этажа, расположенных в один ряд. Главное здание, с центральным вестибюлем, рестораном, концертным залом и лечебной группой, замыкает вытянутую композицию генплана со стороны Комсомольской улицы. Трактовка главного здания с большим ордером (из 37 колонн) портика вынудила авторов к повторению этого мотива на жилых корпусах в убывающих пропорциях, органически не связанных с архитектурными членениями стен. Эта разномасштабность не оправдана расположением зданий в генплане. К тому же интересный сам по себе архитектурный замысел впадает в резкое противоречие с назначением сооружения. И здесь кубатура санатория на 150 человек чрезмерно велика (400 m^3 на койку), и здесь полный набор «по большой программе» различных комнат и помещений, рассчитанных на совершенно изолированное существование санатория.

В более сдержанном и скромном по размаху и стилю Доме отдыха «Приморье» (арх. А. Е. Сергеев) в Сочи чувствуется влияние сильно трансформированного ампира подмосковных усадеб. В сочинском же санатории «Правда» арх. Еськова — автора большого количества санаториев в различных стилевых направлениях, но с общими чертами «увражной» архитектуры невысокого вкуса — использована эта же тема, но она так щедро «обогащена», что неплохая идея плана потонула в море архитектурной бутафории.

Поиски нового образа курортного сооружения, а также попытка сочетать организацию отдыха в условиях, напоминающих уютный котедж, с централизованно расположенным зданием столовой и медицинской частью, привели к новому плану санатория. Строящийся в Сочи санаторий КСУ (автор — проф. А. В. Самойлов) представляет собой композицию из шести связанных друг с другом балконами и переходами в третьем этаже котеджей и расположенного в центре корпуса столовой с двориком. Главный корпус соединен с жилыми частями террасами и лестницами. Такая композиция плана дает возможность прямой, без длинных больничных коридоров, связи отдыхающего

с парком. Этой правильной тенденцией свободной трактовки отдельных элементов сооружения достигается большая прозрачность и связь архитектуры с природой и их взаимное проникновение (открытые лоджии, переходы). Желание освободиться от ставшей уже дурной традицией сухости и официальности курортного здания и придать ему черты большей интимности и некоторой романтичности — правильно и вполне уместно. Не случайно автор использует для кровель татарскую черепицу, очень гармонирующую с условиями сочинского рельефа и вполне уместную по климатическим соображениям. Но если, в общем, правильно об'емное решение санатория, то, к сожалению, не найдены пропорции и архитектурные детали. Архитектурная обработка жилых частей измельчена, пропорции столбов и пилasters излишне тонки, хрупки. Особенно слаба архитектура северной части санатория и центральной части, выходящей во двор.

Санаторий НКЛП в Сочи (авторы — арх. Марк Гинцбург и Ракузин) отражает еще дальше идущую идею свободного расположения на участке небольших корпусов павильонного типа. Авторы отказываются здесь от принципа связи отдельных частей санатория коридорами. Это желание максимально приблизить каждый павильон санатория к окружающей зелени вызывает все же большие неудобства в обслуживании курортников в дождливое время года. Идея свободного размещения корпусов проведена последовательно: при въезде — административный и лечебный корпуса с пропускником, затем — два жилых корпуса, корпус для семейных, котеджи, группа хозяйственных построек и др., — около десяти сооружений на участке. Эта уже несколько излишняя разбросанность усложнит обслуживание санатория. Планы жилых корпусов и корпуса для семейных имеют ряд существенных недостатков — плохая связь с санитарными узлами, форма комнат и размещение окон под углом друг к другу, надуманные и запроектированные, как видно, из соображений лучшей инсоляции, не оправдали себя, так как помещения затеняются колоннами и балконами. Архитектура павильонов трактуется несколько однообразно. Архитектурная тема заключается в сочетании гладких по-

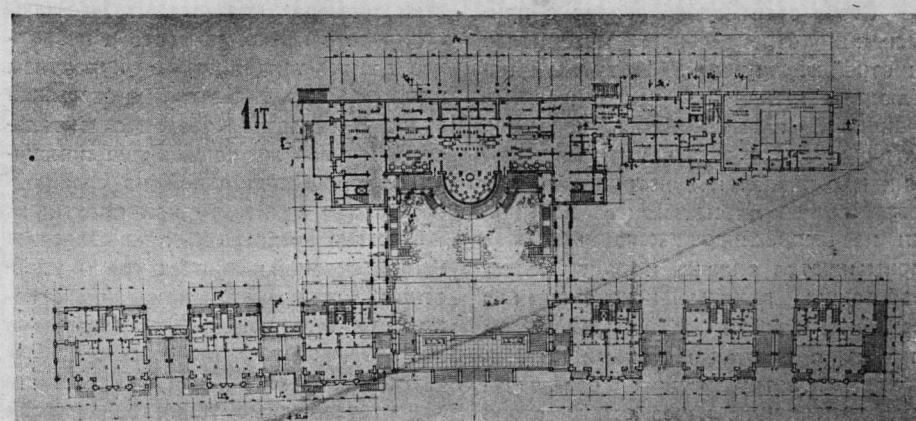

Проект санатория КСУ в Сочи
Южный фасад

Арх. А. В. Самойлов

Соавторы: арх. Г. М. Молоков, Е. А. Генкина

Projet du Sanatorium de la Commission de secours aux savants à Sotchi. Façade sud
Arch. A. V. Samoilov, avec collaboration de l'arch. G. M. Molokov, E. A. Guenkina

Проект санатория КСУ в Сочи
План 1-го этажа

Projet du Sanatorium de la Commission de secours aux savants à Sotchi
Plan du rez-de-chaussée

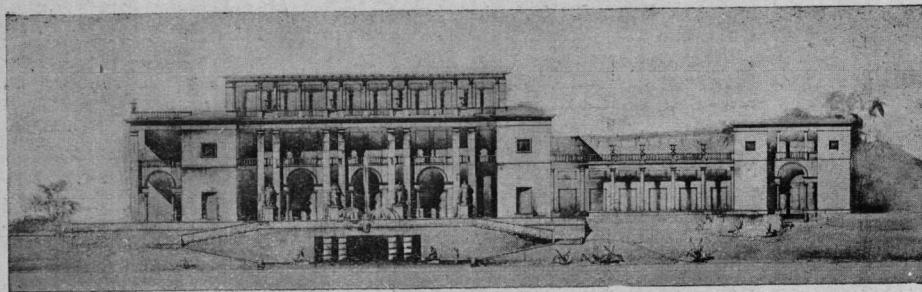
верхностей стен с квадратными окнами и сандриками и с богатой в центральной части павильона игрой светотени, образуемой портиками и балконами, поддерживающими большим ордером колонн и столбов, тянувшимися через два этажа, и меньши-

ми колоннами, поддерживающими балконы второго этажа и повторяющимися в третьем этаже. Архитектура носит следы смеси модерна с ренессансом, хотя авторы и пишут в пояснительной записке к проекту, что здание «не носит черт определен-

Проект санатория
КСУ в Сочи
Вид со стороны двора

Projet du Sanatorium de la Commission de secours aux savants à Sotchi
Vue sur cour

Проект санатория Наркомлегпрома в Сочи
Здание клуба-столовой. Фасад
Арх. М. И. Гинцбург, И. М. Ракузин

ного исторического стиля и является попыткой синтезировать классические приемы».

Особо стоит здесь вопрос о применении строительных материалов и строеконструкций. И тут мы наблюдаем некоторые черты гигантомании. В климатических условиях, которые позволяют применение легких материалов и конструкций (ведь сохранились на нашем юге постройки из импрегнированного картона), применяются сплошь и рядом железобетонные рамовые конструкции с сечением столбов 40×40 см, 50×50 см и т. п., с толстыми стенами из «бетонников», затрудняющих естественную вентиляцию через стены, столь необходимую в условиях тепловлажного климата. Этим частично обясняется и непомерное удорожание строительства, усугубляемое почти совершенным отсутствием стройпромышленности в районах наших курортов. Задачу снабжения стройки каждое ведомство решает для себя, и в результате кирпич для Сочи завозится из Харькова, лес — с Волги и т. д. Неотложная задача развития промышленности стройматериалов, отвечающих климатическим условиям нашего юга, с лабораторными испытаниями, на базе местных ископаемых,

должна найти свое решение в третьей пятилетке.

Мы подробно остановились на этих примерах для того, чтобы иллюстрировать имеющие место в последнее время тенденции в курортном строительстве. Несмотря на огромный сдвиг в качестве этого строительства, мы все же только еще приступаем к решению одной из сложнейших задач архитектурной практики.

Высокие требования, предъявляемые нашей страной к архитектуре и удобствам сооружений, призванных воплотить сталинскую идею заботы о человеке, заставляют нас с особой остротой ставить вопросы критики недостатков даже таких санаторных учреждений, которые сами по себе являются большим достижением в области курортного строительства вообще. Досадно то обстоятельство, что некоторые новые жилые дома Москвы, как дома арх. А. Н. Бурова, арх. Иохелеса были бы (при меньшей этажности) вполне на месте на нашем юге, в то время как гостиница, выстроенная по проекту акад. В. А. Щуко в Сухуми, санаторий НКТП в Сочи и ряд других могли бы скорее находиться на улицах больших городских центров. Это говорит не только о том, что пора из-

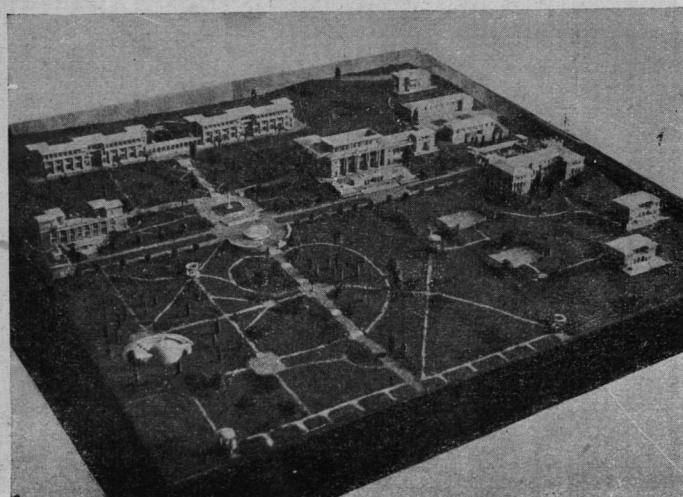
Projet du Sanatorium du Commissariat du peuple à l'Industrie légère à Sotchi
Club-réfectoire. Façade
Arch. M. I. Ginizbourg, I. M. Rakousine

жить увлечение архитектурной темой, «как таковой», вне зависимости от идеи и назначения сооружения, но и о том, что нам следует с большей глубиной и любовью изучать как природу сооружения, так и природу того места, того пункта, где данное здание строится.

Строительство наших курортов не привлекло еще достаточного внимания нашей архитектурной общественности. А вместе с тем, исключительное богатство природы на курортах может стать источником очень интересных решений, что окажет благотворное влияние на всю нашу архитектуру.

Искания образа курортного сооружения не ограничиваются санаториями, а распространяются и на дома отдыха, курортные гостиницы, котеджи, жилые дома, общественные сооружения в курортах и т. д. Большую помощь в этом деле может оказать не только глубокое изучение и раскрытие содержания адекватных образцов из культурного наследия прошлого, но и огромный арсенал народного творчества. Исключительно благодарные материалы по архитектуре горских народов, жилая архитектура Грузии, Сванетии, прекрасно использующая местные материалы и рельеф, архитектура крымских татар могут многое, очень многое дать нашей творческой мысли.

Большое строительство, предстоящее на курортах в третьей пятилетке, создает широчайшие перспективы для развития архитектурного творчества и, вместе с тем, возлагает на нас очень серьезные обязательства. Нам предстоит большая работа по созданию, совместно с врачами, нормативов и типовых организационных схем генпланов курортных усадеб, а также, что важнее всего, — глубокая работа над изжитием «увражности», академизма и формалистических увлечений в курортной архитектуре.

Проект санатория
Наркомлегпрома
в Сочи
Макет

Projet du Sanatorium du Commissariat du peuple à l'Industrie légère. Maquette

АРХИТЕКТУРА И КНИГА

Проф. М. Е. Ткаченко. «Озеленение городов». Гослестехиздат, Ленинград, 1936 г. Стр. 56 (с 17 рис.). Тир. 7 000 экз. Ц. 55 к.

Е. А. Данилов. «Озеленение городов». Практическое руководство для рабочих и бригадиров под редакцией Н. Ф. Попова. Главная редакция строительной литературы. М.-Л. 1936 г. Стр. 107 (с 40 рис.). Тир. 6 000 экз. Ц. 1 р. 15 к.

И. А. Альтов, П. Н. Сигида и В. В. Залуменный. «Справочная книга по зеленому строительству» (Практическое руководство). Трест Госзеленстроя при НККХ РСФСР. Государственное издательство колхозной и совхозной литературы. Сельхозгиз. М. 1936 г. Стр. 256. Тир. 10 000 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Брошюра «Озеленение городов» проф. М. Е. Ткаченко характеризует состояние зеленых насаждений в России до революции и на Западе, их значение, художественные и хозяйствственные требования ассортимента, методы посадки и пересадки деревьев, ухода за ними и др.

Такой широкий круг вопросов при крайне небольшом объеме работы заставил автора, естественно, коснуться всего лишь склоня. Так, весь опыт озеленения городов Америки и Европы в рецензируемой работе сведен к двум общезвестным примерам («город-сад» Говарда и урбанистический проект Корбюзье). Неподно показано значение зеленых насаждений. Автор ограничивается беглым указанием на то, что зелень очищает воздух, задерживает пыль и препятствует распространению пожаров и часто содействует.. «зарождению вдохновения и творческих идей (!)».

Брошюра содержит еще и ряд других курьезов и ошибок. Так, предлагая защищать деревья на городских улицах от электрического тока, автор, ссылаясь на опыт некоторых американских городов, рекомендует подземную проводку. Там же автор предлагает размещать провода ниже ветвей деревьев (не выше 6 м). Неужели автор думает, что обнаженные от ветвей стволы деревьев украсят наши города!

«Обычным недостатком озеленительных работ у нас является, пишет М. Ткаченко, плохая корневая система у пересаженных в школах деревьев» (стр. 31). На самом же деле, при нашем остром недостатке посадочного материала пересаженные деревья в наших питомниках и школах встречаются только в виде исключения. Об основных недостатках нашего зеленого строительства (бедность ассортимента, большой отпад при посадках и др.) М. Ткаченко почему-то вовсе не упоминает. Автор приводит специальный чертеж с описанием правильных приемов прививания металлических тростей к стволам деревьев (стр. 52, 53). Между тем, подобное использование деревьев запрещено.

Для посадки в промышленных центрах и на фабриках М. Ткаченко рекомендует ряд хвойных пород — кедр, горную сосну, сибирскую пихту и др. (стр. 17). Между тем, практика дает многочисленные примеры гибели хвойных пород в задымляемых районах.

Наряду с этими недостатками можно отметить ряд важных и интересных наблю-

дений автора. Заслуживает внимания с архитектурной точки зрения предложение М. Ткаченко обединить разновозрастные растения при групповых посадках. Опыт старых парков показывает, что это, безусловно, интересный прием. Правильно указывает также автор на недостаточность суммарной характеристики климата по городу в целом. В одном и том же городе кварталы различаются по своим климатическим условиям, еще резче различия между городом и его окрестностями.

Все же, в целом, брошюра недостаточно содержательна. Ничего не сказано о системах зеленых насаждений, о связи зелени и транспорта, о зелени в жилом квартале, о зеленых местах отдыха, о роли скверов, бульваров и др. Сейчас, когда перед нами стоит задача глубокого овладения техникой зеленого строительства, подобные легковесные брошюры нам не нужны.

Книга Е. А. Данилова, в противоположность первой, рассчитана на определенного читателя — на кадры исполнителей проектов.

Однако и в этой книге следует отметить ряд досадных пропусков и неясностей. Так, в перечне типов городских насаждений упоминается «крупный зеленый массив» (стр. 9); подразумевает ли автор парк культуры и отдыха или лесопарк, остается неизвестным. В то же время, в перечне пропущен такой существенный тип как внутривартальные зеленые насаждения. Почему-то в число озеленяемых элементов города попали мосты и виадуки или водоемы (стр. 11). Неточен термин «роща» — как элемент зелени городских насаждений. Неправильно утверждение автора, что центральный сквер в городе может служить центральным парком культуры и отдыха: совершенно различные требования к масштабу, содержанию и положению в плане города для сквера и парка делают такое обединение невозможным. Вызывает сомнение рекомендуемая площадь цветников в парках культуры и отдыха (щелей 5% территории) (стр. 13). Реальные экономические условия требуют уменьшения этой нормы в три раза. В перечне обследований опущены необходимые экономические показатели по капиталовложению и наличным ресурсам по зеленому строительству, хотя эти сведения особенно необходимы при проектировании.

В разделе подготовительных работ нет указаний на время производства озеленительных мероприятий в условиях строительства жилых или общественных сооружений.

С архитектурной стороны надо признать первородную рекомендацию посадки кронистых штамбовых деревьев для создания групп в парках и скверах (стр. 25). Благодаря этому ошибочному приему, испорчены в архитектурном отношении многие старые парки, в которых прекрасные поэмы засажены группами штамбовых деревьев с прямыми обнаженными стволами.

В наиболее полном разделе книги (уход за зелеными насаждениями) не указано, что при уходе за кроной дерева необходимо стремиться к соблюдению не

только технических и биологических, но и архитектурно-художественных требований, которые в ряде случаев должны доминировать.

Далее, недостаточно освещен вопрос об уходе за газонами, а ведь именно газоны страдают у нас в парках больше других видов насаждений. Мы должны создать безвредные для газонов условия отдохва на траве. Особенно важен этот вопрос в наших детских парках, где дети должны играть и бегать по газонам.

Хорошо дано в книге описание технических производств различных работ (стрижка растений и др.).

В целом, книга Е. Данилова своеобразна и полезна. Рисунки выполнены четко.

Книга И. А. Альтова, П. Н. Сигида и В. В. Залуменного представляет собой довольно полезный справочник по зеленому строительству, но эта работа имеет ряд недостатков. Так, ничего не говорится в книге о системе зеленых насаждений, неизвестна классификация зеленых насаждений. Глава о стилях содержит ряд грубых пропусков и ошибок. Так, разбирая развитие регулярных парков, авторы заканчивают свой разбор итальянскими садами при фильтрах, пропустив французские регулярные парки и не упомянув ни о Версале, ни о Ленотре, ни о кусковском парке под Москвой.

Приведенные в справочнике составы смесей семян не учитывают декоративных требований, предъявляемых к газонам. Слабо освещены вопросы внутриховового озеленения. В разделе, посвященном уходу за деревьями, авторы вовсе не упоминают о задачах архитектурных.

Хороши приложенные чертежи, но они подобраны недостаточно полно. По некоторым примерам нехватает разбивочных чертежей (например, к типовому проекту бульвара на стр. 24). Разбивочный чертежом нельзя назвать изображение на стр. 81, где нет ни размеров, ни радиусов, ни ряда осей. Графически чертежи выполнены удовлетворительно.

М. П. Коржев

Проф. Г. И. Покровский. Архитектура и законы зрения. К теории архитектурных форм и пропорций. Изд. Всесоюзной академии архитектуры. Москва. 1936 г.

Целый ряд важнейших вопросов теории архитектуры, учение о пропорциях, о масштабности — до сих пор не получил достаточно исчерпывающего освещения в литературе. Архитекторы-практики проектируют и строят, но очень редко пишут, предоставляя это главным образом искусствоведам, которые, к сожалению, практически не работают в области архитектуры. В результате мы имеем теоретические высказывания, далекие от практики архитектуры, или описательные исторические изыскания, а иногда произвольные домыслы. Поэтому приходится радоваться всякому новому исследованию в области теории архитектуры.

Труд Г. И. Покровского «Архитектура и законы зрения» — как раз такая работа. Она задерживает наше внимание на вопросах, связанных с функциями нашего зре-

ния. Автор отмечает, что описанные в труде физиологические факторы отнюдь не определяют еще «ни эстетической ценности, ни содержания архитектурного сооружения, ни впечатления, им производимого», а служат только одним из средств архитектора и должны войти в общий синтез».

Тем не менее затронутые вопросы весьма важны и практически цепны. Общеизвестно, что даже большие мастера прошлого и настоящего часто игнорировали законы восприятия архитектурного сооружения и архитектурного ансамбля в условиях определенной обстановки. Можно привести многочисленные примеры, когда в связи с изменяющейся обстановкой даже прекрасные здания теряли значительную долю своего обаяния. Как много, например, потерял дом на Моховой улице в Москве академика Жолтовского после расширения улицы и, наоборот, как «заиграло» рядом стоящее старое здание университета. Новая обстановка и новые точки зрения и условия восприятия в одном случае отрицательно, в другом благоприятно, повлияли на архитектуру здания. Подобная трансформация впечатлений и важность учета того, как будет восприниматься здание в реальной среде, — важные вопросы, которые архитектор должен сознательно решать.

Пользуясь законом золотого сечения, архитектор должен знать, где предел, за которым глаз отказывается воспринимать данное архитектурное произведение в целом. Он должен избегать таких зрительно не воспринимаемых пропорциональных соотношений.

Возьмем другой пример: несколько лет назад арх. Корбюзье в проекте «Мондаунса» решил генеральный план на основе золотого сечения. Оправдывается — восприняли ли бы человек композиционную и гармоническую связь зданий и пространств этого комплекса, если бы он ходил среди зданий, а не смотрел бы на «Мондаунс» сверху, с «птичьего полета»?

Правильно замечание автора, что «законы зрения определяют в известном отношении законы архитектурных форм». Недаром теория музыки и живописи тесно увязана с данными физиологии. А в области архитектуры нет даже достаточно научно проработанных «простейших основных

положений». Вот почему в своем труде Г. И. Покровский ставит целью обосновать необходимые положения «еще не разработанных зрительных законов архитектуры».

Хорошим языком, скромно, но с достаточной ясностью излагает автор основные законы еретического восприятия — теорию гармонии кривых линий и коррекцию кажущегося искривления прямых линий: приложение закона Вебера-Фехнера к восприятию длины и золотого сечения; учет перспективных сооружений; значение горизонтального и вертикального направлений в восприятии и свойства последовательного восприятия отрезков во времени.

Говоря о роли движения глаза при зрительном восприятии больших форм, автор почему-то не называет последний вид восприятия двигательным или моторным, как это давно уже принято называть.

Автор правильно отмечает, что при восприятии архитектурного произведения большое значение имеет направление движения и связанные с ним возможные оптические искривления прямых линий. При этом длина пути дает возможность (пользуясь законом Вебера-Фехнера) установить физиологические основы учения о пропорциях (в частности, и золотого сечения) и их производных. «Установление последовательности прохождения отдельных участков пути «во времени» дает возможность связать в данной схеме сложные совокупности пропорциональных соотношений, особенно в больших архитектурных ансамблях».

Иллюстрируя несколькими примерами закон инерции в восприятии линий движением глаза и доказав причину кажущегося искривления прямых линий, автор, однако, не отвечает ясно на вопрос, «почему архитекторы искривляют не только антаблемент здания, но и пол больших помещений, делая их выпуклыми вверх».

В главе «теория кривых линий» необходимо развить обоснование и иллюстрировать причину впечатления «монолитности» или «четкости» формы (определения автора). Не бесполезно было бы, кроме овалов, дать и другие примеры, показывающие роль членений воспринимаемой формы. Ведь нашел же автор убедительный пример органической и декоративной выразительности, используя капите-

ли Эрехтейона и храма Аполлона Фигалийского.

Интересны по содержанию главы, посвященные приложению закона Вебера-Фехнера к закону золотого сечения.

Математическое и физиологическое обоснование вносит достаточную ясность в понимание пропорциональных связей и их значения. Досадно только, что помимо математического обоснования автор не дает иных обяснений «гармоническому» и «целому». Сказать, что необходимо сумму двух первых по величине отрезков как-то выделить в общей совокупности, чтобы взгляд прежде всего остановился на этих отрезках — мало. Следовало также в качестве примеров, иллюстрирующих эти главы, привести художественно более значительные произведения.

Менее интересна глава, посвященная «горизонтальному и вертикальному направлению в схемах пропорциональности», с ее «мертвыми» и «живыми» квадратами. Связанные с восприятиями квадрата впечатления автор обясняет только как подтвержденные экспериментально, но не обусловленные физиологией зрения. Весь этот раздел необходимо развить и пополнить, так как эта тема имеет в архитектуре большое практическое значение.

Несколько схематично и формально обясняет автор «последовательность восприятия отрезков по времени». Порядок и временную последовательность восприятия того или иного архитектурного произведения автор выводит из пропорциональной связи, обусловленной золотым сечением и его производным. В результате — весьма спорный порядок восприятия частей и целого, например: для Кампаний св. Марка в Венеции, палаццо Веккио во Флоренции и др. — этот порядок восприятия оказывается различным только потому, что для различных точек восприятия по-разному раскладываются триады и пентады золотого сечения по высоте здания. Правда, автор и сам усомнился в целесообразности «накопления таких примеров без анализа в целом».

Никак не коснулся автор вопросов, связанных с восприятием об'емных форм и пространства — весьма важных и интересующих архитектора проблем.

Н. Докучаев

Отв. редактор К. С. АЛАБЯН

Зам. отв. редактора Д. Е. АРКИН

Офэргмение—Б. А. Соморов. Техническая редакция—Г. В. Белинский. Корректура — М. Э. Гутцайт. Фото — В. Ивановский, И. Сосфенов, Д. Козлов, А. Рахмилович. Репродукции—Н. Корабельщикова, Ф. Коган. Чертежи — М. Переильштейн. Сдано в производство 20/V 1937 г. Подписано к печати 15/VI 1937 г. Формат 62×94^{1/2}. 10 печ. лист. Тираж 7 700. 128 т. знаков в бум. листе. Уполномоч. Главлита Б—20148. Зак. тип. 375

Типография и цинкография Жургазоб'единения. Москва, 1-й Самотечный пер., 17.

СОДЕРЖАНИЕ Стр. Pages SOMMAIRE

Советский архитектор и его союз	2	Architecte soviétique et l'Union des architectes
Из нашей архитектурной практики	6	Réalisations de l'architecture soviétique
 ТРИБУНА АРХИТЕКТОРА 		
Что мы создали, чего нам не хватает.		LA TRIBUNE DE L'ARCHITECTE
А. Щусев	22	Ce que nous avons créé — ce qu'il nous manque, par A. Schoussov
Наш путь. А. Власов	23	Notre voie architecturale, par A. Vlassov
 Архитектурно-технический проект Дворца советов Союза ССР		
	27	Projet architectural et technique du Palais des Soviets de l'URSS
Монтаж основных конструкций Дворца советов. В. Николаев	34	Montage des principales constructions du Palais des Soviets, par V. Nicolaev
Архитектура канала Волга-Москва.		L'architecture du canal Volga-Moskova,
Я. Корнфельд	39	par J. Kornfeld
 Типовое проектирование. Н. Былинкин		
	54	Création des projets-types, par N. Bylinkine
Крупноблочное строительство, его состояние и перспективы. А. Зальцман и К. Соколов	59	Etat et perspectives du bâtiment en blocs artificiels, par A. Zaltsmann et K. Sokolov
Некоторые вопросы планировки городов. В. Боберко	66	Questions sur le plan d'aménagement des villes, par V. Boberko
Об архитектуре наших курортов. Н. Нессис	69	L'architecture de nos stations de cure, par N. Nessis
АРХИТЕКТУРА И КНИГА	77	L'ARCHITECTURE ET LE LIVRE

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ
НА НОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

НАША СТРАНА

Ответственный редактор
ФЕЛИКС КОН

„НАША СТРАНА“

в ярких красочных очерках даст полное представление о географии нашей социалистической родины, отдельных ее республик, областей и районов.

„НАША СТРАНА“

покажет процесс освоения богатств, заоевания новых путей, переделку географии нашей страны и т. д.

„НАША СТРАНА“

ознакомит с историей народов, населяющих наш Союз, и с историей их культуры.

„НАША СТРАНА“

расскажет об истории исследований нашей родины, о важнейших экскурсионно-туристических походах, о памятниках старины и замечательных местах.

В отделе „СТРАНЫ МИРА“ будут показаны иностранные государства в разрезе общей тематики журнала. Журнал будет снабжен географическими картами и иллюстрациями (фото, рисунки, многокрасочные репродукции).

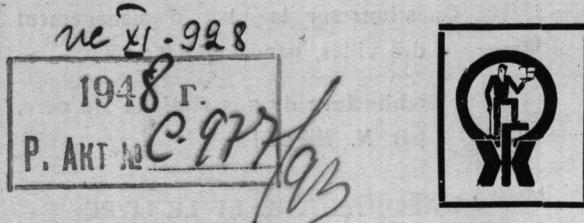
Журнал рассчитан на широкого молодого советского читателя (студентов, учеников старших классов средней школы), на стахановцев промышленности и полевой, командиров Красной армии, преподавателей и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

12 мес.—36 руб., 6 мес.—18 руб., 3 мес.—9 руб.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР—3 РУБ.

Требуйте в киосках Союзпечати

Подписку направляйте почтовым переводом: Москва, 6, Страстной бульвар, 11, Жургаз-об'единение, или сдавайте инструкторам и уполномоченным Жургаза на местах. Подписка также принимается повсеместно почтой, отделениями Союзпечати и уполномоченными транспортных газет.

ЖУРГАЗОБ'ЕДИНЕНИЕ

